

**Уральский
федеральный
университет**

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

**Институт
фундаментального
образования**

**Е. Н. Нархова
Т. А. Чегодаева
Е. В. Дорофеева
Н. О. Южакова**

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И СТУДЕНЧЕСКОГО ДОСУГА

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Е. Н. Нархова
Т. А. Чегодаева
Е. В. Дорофеева
Н. О. Южакова

Социология культуры и студенческого досуга

*Рекомендовано методическим советом института фундаментального
образования УрФУ в качестве **учебного пособия** для студентов,
обучающихся по направлениям подготовки
080000 – Менеджмент, 100100 – Сервис*

Екатеринбург
УрФУ
2013

УДК 316.7(075.8)
ББК 60.523я73
С69

Рецензенты:

кафедра теоретической и прикладной социологии Уральского государственного педагогического университета (зав. кафедрой д-р социол. наук, доцент Е. В. Прямикова);

канд. филос. наук, проф. М. А. Арапова (декан факультета социологии Уральского государственного педагогического университета);

д-р филос. наук, проф. Б. Ю. Берзин (кафедра теории и истории социологии и управления Уральского института (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)

Научный редактор – д-р филос. наук, проф. Ю. Р. Вишневский

Нархова, Е. Н.

С69 Социология культуры и студенческого досуга: учебное пособие / Е. Н. Нархова, Т. А. Чегодаева, Е. В. Дорофеева, Н. О. Южакова. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – 280 с.

ISBN 978-5-321-02278-8

Учебное пособие содержит концептуальное изложение основных вопросов социологии культуры в рамках деятельностного подхода: роль и значение культуры в обществе, объективные закономерности ее развития и субъективные факторы формирования личности, взаимосвязь социальных институтов культуры, методологию анализа современной культуры в различных сферах.

Учебное пособие может быть рекомендовано как дополнительное издание к учебным курсам социологии, социологии культуры, социологии молодежи.

Библиогр.: 220 назв.

УДК 316.7(075.8)
ББК 60.523я73

ISBN 978-5-321-02278-8

© Уральский федеральный
университет, 2013

© Нархова Е. Н., Чегодаева Т. А.,
Дорофеева Е. В.,
Южакова Н. О., 2013

Введение

«Культура – качественная характеристика человеческой деятельности»... Культура также необъятна, многогранна и сущностна для общества и в обществе, как ее «антипод» – природа. Но вся ее многогранность концентрируется в ее субъекте и объекте одновременно – человеке. Воплощаясь в «его сущностных силах», она проявляется во всем, во всех видах его деятельности. Значение, результаты деятельности людей отличаются масштабностью и степенью влияния во временном аспекте. Основоположники уральской социологической школы, начиная с Л. Н. Когана (основателя научной школы) и В. Т. Шапко, не просто транслировали структурированную деятельностную концепцию культуры, но главное – передали творческий импульс. Миссия ученого и преподавателя – формирование потребности в совершенствовании «сущностных сил», движении научной мысли, потребности в поиске ответов на вечные вопросы человечества. Выявление основных проблем общества, их причин, соотношения традиций и инноваций в культуре, национальной и глобальной, определение объективных и субъективных условий для стабильного развития общества и личности необходимы для определения перспектив развития и построения культурной политики.

В предлагаемом учебном пособии изложены концептуальные вопросы социологии культуры в рамках деятельностного подхода: роль и значение культуры в обществе, объективные закономерности ее развития и субъективные факторы формирования личности, взаимосвязь социальных институтов культуры, методология анализа современной культуры.

Поскольку культура как многоаспектное явление имеет свои проявления во всех сферах деятельности человека, то в данном пособии рассматриваются как проявление гражданской позиции культура гражданственности и гражданская культура, даны основные характеристики гражданского общества. Современен вопрос о художественной культуре молодежи (и в этом контексте о студенческом досуге), и культуре потребления как специфических сферах деятельности. Именно художественная культура обогащает жизненный опыт личности, раздвигает ограниченные рамки повседневности. Она способна научить диалогу, взаимопониманию, сопереживанию, сочувствию, помогает найти ответы на сокровенные

вопросы личной жизни. Конечно, она не может заменить жизненной практики, но способна дать импульс размышлениям о жизни, ценностях, нравственных отношениях между людьми.

Определение сущности культуры потребления, специфики ее проявления в деятельности человека, выделение типов потребительского поведения являются задачами социологического знания. Социология потребления – относительно новое направление, которое в настоящий момент находится в стадии институционализации. Объектом его изучения является поведение потребителей, понимаемое как деятельность, направленная на удовлетворение системы потребностей, сформированной определенным типом культуры.

Данное учебное пособие не претендует на полное освещение всех вопросов актуальной культуры, поэтому авторы предполагают дальнейшее развитие теоретических идей на основе исследований.

Глава 1. Культура: сущность, концепции, дисциплины

Определяя сущность культуры, необходимо заметить следующее: культура – понятие многозначное, характеризующее очень сложное явление, возникшее вместе с человеком и обществом и неразрывно связанное с историей развития общества; культура является способом освоения действительности, способом реализации сущностных силы человека во всех сферах его деятельности. Отличительной особенностью данного понятия является чрезвычайная многозначность интерпретаций и трактовок – полисеманτικότητα. Многозначность понимания термина культура обусловлена многообразием реальных форм ее существования, отражающих различные характеристики и нюансы бытия человечества. Понятие «культура» употребляется для характеристики определенных исторических эпох (античная культура), конкретных обществ, народностей, наций (русская культура), особенностей исторических эпох (культура Серебряного века России), специфических сфер деятельности (художественная культура), оценочное понятие степени воспитанности и образованности на уровне личности и т. д. Под культурой исследователи понимают мир смыслов, систему ценностей, способ деятельности, способ развития общества и личности, сферу самовоспроизводства и самореализации личности и т. д.

1. «Многогранность культуры и подходов к ней всегда рождало стремление выработать более общее интегративное определение. Сегодня – в рамках синергетического подхода – в социологии культуры начинает работать принцип Бора: «нельзя на одном языке описать никакое сложное явление». А это означает правомерность разных подходов к культуре, отражающих – каждый по-своему – ту или иную грань культуры. Поскольку культура охватывает все виды человеческой деятельности, его помыслы и чувства, разум и волю, она является неотъемлемым атрибутом человеческого существования. Ни одна сфера жизни – будь то экономика или политика, семья или образование, искусство или нравственность, досуг или спорт – невозможна без культуры» [1, с. 214].

2. Понятие «культура» имеет достаточно длительную историю. Латинское слово «культура» первоначально обозначало обработку земли, возделывание почвы, земледельческий труд. Происхождение

этого слова, как видно, явно обнаруживает его связь с человеческим трудом, с активной, преобразующей деятельностью человека. Начав создавать свой мир, человек сделал первый шаг к отделению от природы, т. е. сложилась традиция определения культуры в широком смысле слова как «второй природы». Именно этот момент (разделение природы и культуры) является объединяющим для многочисленных определений культуры, сближает позиции авторов различных концепций, работающих над проблемами культуры [2, с.17]. Преобразование окружающей среды сопровождалось и преобразованием самого человека, поэтому первоначальное понятие «культура» подразумевало не только целенаправленное воздействие человека на природу (обработка земли и пр.), а также воспитание и обучение самого человека. Воспитание включало не только развитие умения следовать существующим нормам и обычаям, но и поощрение желания им следовать, формировало уверенность в способности культуры удовлетворить все потребности и запросы человека. Такая двуаспектность свойственна пониманию культуры в любом обществе. Эллины видели в «пайдейе», т. е. «воспитанности», главное отличие от «некультурных» варваров. В позднеримскую эпоху, наряду с представлениями, передаваемыми основным смыслом слова «культура», зародился, а в средние века получил распространение иной комплекс значений, позитивно оценивавший городской уклад социальной жизни и более близкий к возникшему позднее понятию «цивилизация». Слово «культура» стало ассоциироваться скорее с признаками личного совершенства, в первую очередь религиозного. В эпоху Возрождения под совершенством начали понимать соответствие гуманистическому идеалу человека, а в дальнейшем – идеалу просветителей.

3. Начиная с XVII века категория «культура» приобретает самостоятельный статус. В научный оборот его ввел родоначальник английской антропологии Э. Тейлор. Он понимал под культурой совокупность знаний, верований, законов, обычаев и других умений, приобретенных человеком как членом общества. Он внес окончательную ясность в понимание того факта, что культура – исключительная собственность людей [3, с. 450]. Одним из первых исследователей, употребивших понятие «культура» в более широком смысле, был немецкий правовед XVII в., Самуэль Пуфендорф (1632-1694). По его мнению, культура представляет собой совокупность

того, что создано деятельностью общественного человека и существует благодаря человеку и общественной жизни.

Начиная с XVIII в. происходит антропологизация понятия культуры. Она начинает восприниматься как усовершенствование, облагораживание, понимается как путь к разуму и порядку, как рост просвещенности и образованности. В культуре видели воплощение могущества познающего разума, совокупность знаний и мастерства, высокий уровень образованности и воспитанности. Подход мыслителей эпохи Просвещения и оптимистические устремления человека к прогрессу укрепляли веру в то, что непознанное сегодня будет познано и постигнуто наукой завтра. XVIII век становится вехой интеллектуального воплощения идеи культуры. Идеи просветительства в значительной степени сформировали установки, которые служат основой развития образования. Требование овладения знаниями, приобщения к нормам и ценностям по-разному выражалось в развитии культуры на протяжении XIX – XX вв., но оставалось постоянным.

Так, французские просветители XVIII в. (Вольтер, А. Тюрго, Ж. А. Кондорсе) сводили содержание культурно-исторического процесса к развитию человеческого «разума». «Культурность», «цивилизованность» нации или страны (в противоположность «дикости» и «варварству» первобытных народов) состоит в «разумности» их общественных порядков и политических учреждений и измеряется совокупностью достижений в области наук и искусств. Цель культуры, соответствующая высшему назначению «разума», – сделать всех людей счастливыми, живущими в согласии с запросами и потребностями своей «естественной» природы. Таким образом, в рамках культуры эпохи Просвещения складывается историко-просветительский подход к определению сущности культуры и формируется основа для идеологии сциентизма. Человек культурный – это человек, живущий в условиях определенной исторической и этнографической общности, это человек просвещенный, приобщенный к основам научного знания, образованный. Историко-просветительский подход к пониманию культуры продолжал традиции мыслителей эпохи просвещения, укреплял веру в то, что свет разумности рассеет мрак невежества, что нравственные пороки – порождение незнания и невоспитанности. Культура как путь к разуму и порядку, как рост просвещенности и образованности, как проявление

стремления «сеять разумное, доброе, вечное» – вот та доминанта, с которой начинается философская традиция в понимании сущности и назначения культуры.

Вместе с тем уже в рамках Просвещения возникала «критика» культуры и цивилизации (Ж.-Ж. Руссо), противопоставляющая испорченности и моральной развращённости «культурных» наций простоту и чистоту «нравов» народов, находившихся на патриархальной ступени развития. В XVIII–XIX веках складывается и вторая традиционная линия трактовки культуры – историко-этнографическая. Археологические открытия, достижения этнографии, попытка сравнить и сопоставить с наличной данностью цивилизации культуру так называемых «диких», «варварских» племен, не дошедших до порога цивилизованности, но дающих примеры оригинальности, самобытности, экзотических ритуалов, обрядов, самопроявлений, выявила возможности сравнительного анализа.

Критика культуры как цивилизации была воспринята немецкой классической философией, которая придавала ей характер общетеоретического осмысления противоречий и коллизий буржуазной цивилизации (разделение труда, дегуманизирующее воздействие техники, распад целостной личности и т. д.). Выход из этой противоречивой ситуации немецкие философы искали в сфере «духа», в сфере морального (И. Кант), эстетического (Ф. Шиллер, романтики) или философского (Г. Гегель) сознания, которые и выдаются ими за область подлинно культурного существования и развития человека. Культура с этой точки зрения предстаёт как область «духовной свободы» человека, лежащая за пределами его природного и социального существования, независимая от его эмпирических целей и потребностей. В достижении этой свободы и состоит смысл всей культурно-исторической эволюции человечества. Немецкому философско-историческому сознанию свойственно признание множества своеобразных типов и форм культурного развития, располагающихся в определённой исторической последовательности и образующих в совокупности единую линию духовной эволюции человечества.

Третьим вариантом традиционного подхода к трактовке культуры, сложившимся в середине XIX века, стал социально-деятельностный подход. Труды К. Маркса и Ф. Энгельса положили

начало пониманию культуры как результата социально-значимой деятельности, как воплощения его родовой сущности. Человек как носитель внутренней социальности и как существо деятельное, соединяющее активно-творческое и предметное измерение деятельности – вот та позиция, которая оказалась достаточно убедительной и плодотворной для трактовки культуры, возникающей на базе марксистского подхода.

В XX в. формируется структурно-функциональный метод, рассматривающий культуру как подсистему социальной структуры, выполняющую определенную роль в общей системе. Сознательно упрощая вопрос, определим направления для структурирования многообразия представлений о сущности и функциях культуры с точки зрения данного подхода в его развитии на современном уровне.

Культура – это средство *самоорганизации совместной жизнедеятельности людей* в виде определенных устойчивых сообществ на основании того или иного типа *социальной солидарности*, определяющего историческую типологию самой данной культуры;

- культура – это *способ познания и упорядочивания мира* для практических и психологических нужд и потребностей человека;

- культура – это механизм *выработки определенных способов поведения*, закрепляющий в сознании людей и их нравах, обычаях, традициях, ментальностях и т. п. наиболее *приемлемые технологии* этого существования, сохраняющие общество в консолидированном состоянии;

- культура – это особый способ *рефлексии и фиксации социального опыта* в виде определенных «культурных текстов», задающих более или менее общепринятые *нормы и стандарты коллективного бытия и сознания*, а также *индивидуального поведения и суждения каждого человека в отдельности*;

- культура – это *совокупный групповой социальный опыт* данного общества;

- культура – это *система норм, образцов*, что воплощается в исторически складывающейся системе мировоззренческих установок (религии, идеологии) *ценностных ориентаций*;

- культура – это *средство распредмечивания объектов окружающего мира*, наделения их *смыслами*, а также выражения этих

смыслов на *системных языках символов* и условных знаков и одновременно *средство опредмечивания интеллектуально-образного мира человека* в социальной практике жизнедеятельности людей;

– культура – это *средство межпоколенного воспроизводства общества как устойчивой и исторически своеобразной социокультурной целостности*, осуществляемое путем *трансляции социального опыта*;

– культура – это *средство реализации функций обучения*, непосредственной целью которого является социализация и инкультурация;

– культура – это *совокупная общественная и индивидуальная деятельность* по реализации потенциалов и способностей, заложенных в человеке.

Неисчислимость сущностных и функциональных характеристик является имманентным свойством культуры, определяющим множественность дефиниций, подходов, концепций, классификаций и типологий. Становление функционально дифференцированного общества означало возрастание универсальных, отчужденных от непосредственного опыта человека общественных образований, таких как государство, религия, собственность, производство. Научное осмысление понятия «культура» связано с необходимостью преодоления этого противоречия, с поиском взаимосвязи между духовным состоянием индивида и развитием социальных институтов общества, организующих условия человеческого существования. Просветительское понимание культуры (господство человека над природой с помощью наук и ремесел, внутреннее духовное богатство личности) сменялось неокантианским (культура как общее основание для познания мира, наук о природе – естествознание и наук о «духе» – гуманитарное знание) и далее – символическим (формирование значений социального взаимодействия в зависимости от переосмысления социальных ситуаций, придание символам значения всеобщих человеческих ценностей). Каждый исследователь обращает внимание на одну из сторон этого феномена.

В соответствии со сложностью и многообразием изучаемого объекта культуру изучают многие науки. В современном научном мышлении можно говорить о существовании определенной системы

наук о культуре, в которой, пользуясь логикой известного уральского социолога Л. Н. Когана, можно выделить три уровня:

1. *Философия культуры.*

2. Науки, изучающие *отдельные аспекты и проявления культуры*, исходя из своего предмета – социология культуры, история культуры, культурная антропология, теория культуры, искусствоведение и т. д.

3. Частные *культурологические науки* – теория музыки, теория изобразительного искусства, теория театра и т. д.

Несмотря на кажущуюся стройность этой системы, поля исследований каждой из них четко не разграничены. Каждая дисциплина имеет свою специфику изучения, свою сферу исследования, но общий объект изучения детерминирует соприкосновение, пересечение, возникновение «смежных дисциплин и многочисленных субдисциплин» [4, с. 12].

Философия как наука о предельных основах бытия изучает сущность, цели и ценности культуры, условия и формы ее проявления на уровне теоретических абстракций. Философия культуры – это методология осмысления метафизической сущности культуры и формирования мировоззренческих оснований ее понимания: немалое число теоретических исследований в области культуры выполняется на стыке философии культуры и культурологии, основывается на синтезированных методологиях и включает в себя элементы обеих областей и способов познания и интеллектуальной рефлексии.

Культурология – наука, формирующаяся на стыке социального и гуманитарного знания о человеке и обществе и изучающая культуру как целостность, как специфическую функцию и модальность человеческого бытия. Культурология выявляет универсальные закономерности порождения, функционирования и изменчивости явлений культуры. Культурология дифференцируется по целям и степени теоретического обобщения на фундаментальную, изучающую культуру с целью теоретического и исторического познания, разрабатывающую категориальный аппарат и методы исследования; прикладную, ориентированную на использование фундаментальных знаний о культуре в целях прогнозирования, проектирования и регулирования актуальных культурных процессов, на разработку специальных технологий трансляции культурного

опыта и механизмов достижения соответствующего культурным нормам уровня развития тех или иных форм социальной практики. Обобщения в масштабе общих закономерностей, детерминирующих культурные явления и процессы в целом как категории коллективного человеческого существования, являются предметом изучения общей теории культуры как одной из областей культурологии, тесно соприкасающейся с философией культуры. «Основные задачи этого уровня знаний о культуре – создание системы способов и инструментария для исследования культуры. Теория культуры не столько стремится объяснить, что такое культура, сколько выяснить, каким способом можно познать культуру, как тем или иным образом можно систематизировать знания о ней, построить теоретические модели, иллюстрирующие те или иные культурные функции и процессы, и наконец, каким образом можно применить это знание к задачам управления социальными процессами» [5, с. 54].

«Можно сказать, что этнология, этнография, культурная антропология и социальная антропология – это систематические сравнительные науки о культурах разных обществ и разных эпох, основывающиеся прежде всего на сборе и анализе эмпирического материала. Различия между ними в той мере, в какой они вообще существуют (это, скорее, различия между школами и отдельными исследователями в рамках каждой из дисциплин), состоят в уровне абстракции при анализе явлений культуры. Культурная антропология и социальная антропология также почти тождественны. Различием названий они обязаны историческим особенностям их формирования» [6, с. 15].

Историческая культурология изучает и моделирует различные исторические варианты социокультурных систем сообществ, находящихся на разных ступенях общей эволюции, воплощающих разные стадияльные типы, уровни сложности и различные принципы социальной организации и регуляции коллективной жизни людей, разные варианты и результаты работы адаптационных механизмов, коммуникативных каналов, моделей социокультурной модернизации и пр.

При изучении культуры особое значение имеет определение подхода или концепции, позволяющих объединить элементы культуры в систему, произвести анализ на различных уровнях.

Многообразие функций и исходных представлений о культуре, поскольку понятие «культура» вводится в сферу знаний самыми различными способами, через производство, технологию, ценности, деятельность, творчество, знаковые системы, информацию, детерминировало появление нескольких подходов в истории развития наук о культуре: антропологическая, аксиологическая и знаково-символическая версии культуры отличаются по направленности исследования культуры: если для антропологической парадигмы характерен интерес к поиску общих закономерностей, универсалий и структур культурно-исторического развития, то аксиологическая и символическая парадигмы тяготеют к подчеркиванию уникальности культур. Однако при всех различиях этих парадигм обнаруживается существенный общий смысловой срез: понятие «культура» означает, что в окружающий мир вносится то, что ему изначально не принадлежит, и то, что без деятельности человека не может появиться.

Антропологический подход – способ человеческой жизнедеятельности по преобразованию природы, общества и самого человека, выраженный в продуктах материальной и духовной деятельности. Специфика культуры состоит в том, что она является специфически человеческим способом существования. Все существующие вещи можно разделить на две большие группы на основании того, существуют ли они вне мира человека или нет, зависят ли они от человека или нет: вещи, относящиеся к природе, и вещи, созданные человеком. Первая группа вещей будет составлять естественную реальность, или мир природы. Вещи, созданные человеком, будут принадлежать искусственной реальности, миру культуры. В результате деятельности человека наряду с естественной реальностью возникает иная форма существования – искусственная, созданная человеком реальность, которая надстраивается над природой, – культура. Антропологический подход рассматривает культуру как инструмент приспособления человека к природе.

Знаково-символический подход. В основе данного подхода культура определяется как знаково-символическая система, переводящая содержание социально-исторического опыта человечества в индивидуально-личностный, а затем в общественный. В ходе исторического развития человечество создает «мир смыслов». Мир смыслов хранится и передается, «кодируется» в знаковой

оболочке. В культуре исторически складываются различные системы знаков: естественные языки (разговорные), искусственные языки (язык математики, химии и пр.), язык искусства, театра, кино, религиозные символы, ритуалы, геральдические знаки и т. д. *Знак* есть предмет, выступающий в качестве носителя информации о других предметах и используемый для ее приобретения, хранения, переработки и передачи. Знаки могут приобретать символический смысл. *Символ* – знак, который не только указывает на некоторый объект, но и несет в себе добавочный смысл: выражает общие идеи и понятия, связанные с толкованием этого объекта. Важнейшие из созданных людьми знаковых систем – это вербальные системы: они образуют семиотический базис культуры. Хотя язык и имеет биологические предпосылки, но является по своей сущности социальным феноменом, формируется и функционирует только в общественной жизни людей. На основе естественного языка в разных культурах возникают свои собственные языки.

Игровая концепция культуры, в которой присутствует идея создания в локальном пространстве и времени изначально не данной реальности – игры. Игра рассматривается здесь как важнейший фактор перехода к культуре и необходимая форма ее существования. Игра как «свободное действие» выводит человека за рамки обыденности, полезности, культивирует способности к солидарности, бескорыстной деятельности. Один из наиболее ярких представителей игровой концепции культуры Й. Хейзинга (1872 – 1945) полагал, что через игру человек приобщается к нравственно-эстетическим идеалам. Голландский исследователь в книге «*Homo Ludens*» (Человек играющий) прослеживает универсальность игровых форм, которые присутствуют во всех сферах человеческой деятельности.

Аксиологический (от греч. *Axios* – ценный) подход определяет сущность культуры через понятие «ценность»: материальные ценности (совокупность произведений человеческой деятельности), духовные (обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм).

Нередко (и традиционно) культуру рассматривают как «совокупность накопленных человеческих ценностей». Ценности – это *обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм*. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая личности осуществлять социально одобряемый выбор своего

поведения в жизненно значимых обстоятельствах. В социологии изучение ценностей связано с анализом их «индивидуальных эквивалентов» – ценностных ориентаций. Это – установки личности на те или иные ценности материальной и духовной жизни общества. Представление о культуре как совокупности ценностей вольно или невольно задает и определенное понимание культурного человека: усвоившего как можно больше этих ценностей, эрудированного. Такой образ культурного человека определяет стратегию культурно-воспитательной деятельности, образования – дать как можно больше культурных ценностей в виде знаний, умений, навыков. Ему соответствует и понимание культуры как определенной сферы жизни общества, в которой эти ценности создаются (в основном – профессионалами, деятелями и работниками культуры), распространяются и потребляются.

Ценностное измерение – одно из важнейших в культуре. Но понимание культуры только как совокупности ценностей слишком узко, ограничено. В этом случае как бы вне культуры оказываются важнейшие сферы жизнедеятельности человека. На первый план выходят уже созданные, «готовые» ценности. Процесс их создания, творения и сам человек – творец оказываются как бы за сценой. Преодоление разорванности процесса и результата, соответствия формы и содержания осуществляется в деятельностном подходе. Человек рассматривается как субъект и продукт культуры.

Деятельностный подход. Деятельность – родовая сущность человека, имманентно ему присущая. Деятельность – это преобразование мира и изменение самого человека в этом преобразовании. Существуют многообразные классификации форм деятельности – разделение на духовную и материальную; с точки зрения творческой роли деятельности в социальном развитии ее разделяют на репродуктивную и творческую и т. д. Объектом рассмотрения являются такие целостные виды человеческой деятельности, как труд, мышление, общение, игра, самообучение. Все области человеческой деятельности пронизаны культурой как всеобъемлющей универсальной формой реализации сущностных сил человека. С позиций социоцентризма именно принцип деятельности предстает как источник происхождения разнообразных форм социальной жизни. С позиций антропоцентризма «конечная» цель культуры – формирование человека, имманентной характеристикой

которого является деятельность, воплощающая его сущностные характеристики, актуализирующая его знания, ценности и т. д.

Связь между культурой и деятельностью является исходной, определяющей при ее объяснении и изучении. Как бы не назывался внутренний код культуры: символами, знаками, знаниями, ценностями и прочее – очевидным ее назначением оказывается быть использованным для деятельности. Замечательно просто эта мысль выражена у Б. Малиновского: культура – это определитель человеческого поведения (деятельности). Качественным, отличающим человека от животных, как известно, является *рефлексия* – способность осознать мысль, что позволило человеку не просто применить камень как орудие, но и обработать (изготовить) его, не только обжечься огнем, но и согреться возле него, не только воспользоваться предметом, но и присвоить его. В отличие от животного, таким образом, человек может переходить от одной формы деятельности к другой, творя себя и создавая культуру. В процессе деятельности человек не столько приспосабливается к среде, сколько преобразует природу согласно своим потребностям и, в конце концов, создает особую среду – искусственно созданный мир культуры. При этом он одновременно преобразует и себя: как свою внешнюю, телесную природу, так и внутренний мир, т. е. культура также предполагает изменение изначального, биологического состояния человека.

Суть *деятельностного* подхода сводится к тому, что культура рассматривается как способ деятельности, как система внебиологических способов программирования активности людей в обществе. Эта система включает в себя: «сверхприродные» качества человека; многообразие материальных и духовных предметов, возникающих благодаря деятельности человека; способы «опредмечивания» (воплощения) и «распредмечивания» (извлечения) содержания продуктов деятельности. Таким образом, к культуре относится все, что производно от деятельности, т. е. сознательной активности человека, направленной на мир объектов и других людей. Деятельностный подход к пониманию и описанию культурных явлений наиболее эффективен, так как обеспечивает единство оснований в измерении социального с другими сферами, предполагает оценку культурной деятельности с точки зрения ее содержания и направленности. Понятие «способ деятельности» уточняется как

степень участия индивида, группы в процессах производства, сохранения, распространения и потребления духовных ценностей, являющихся основными функциональными элементами культуры. К средствам деятельности относятся знания, умения, навыки, ценности, организационные и социальные технологии и социальные институты. Истоки «деятельностного подхода» отчетливо прослеживаются в работах Г. В. Гегеля, К. Маркса, М. Вебера. В рамках деятельностного подхода разрабатывались ключевые марксистские идеи, изложенные в «Экономико-философских рукописях 1844 года» о деятельности как единстве опредмечивания и распредмечивания, о деятельностной сущности человека, общественных отношениях, воплотившихся в предметном мире культуры.

В российской культурологии одними из наиболее ярких представителей деятельностного подхода можно считать Э. С. Маркаряна и М. С. Кагана, Л. Н. Когана. М. С. Каган, будучи сторонником не только деятельностного, но и системного подхода и сфере гуманитарного знания, понимает культуру как форму бытия, которая образуется человеческой деятельностью. С точки зрения автора она охватывает не только способы и результаты этой деятельности, но и качество самого человека как субъекта деятельности. Кроме того, М. С. Каган в качестве одной из фундаментальных форм бытия человека рассматривает общение, понимаемое как способ реализации потребности человека в человеке. Согласно М. С. Кагану культура, являясь процессом «преобразования человеком природы по законам общества», конструируется человеческой деятельностью и включает в себя: человека в его «сверхприродных» качествах как субъекта деятельности; первичные и вторичные способы человеческой деятельности, передаваемые от поколения к поколению благодаря обучению, образованию и воспитанию; многообразие предметов, составляющих созданную на основе человеческой деятельности «вторую природу»; *многообразие форм общения как способа реализации потребности человека в человеке* [7, с. 36 – 47].

Э. С. Маркарян предлагает рассматривать культуру не как «часть» общества, а как способ деятельности, включающий в себя «систему внебиологически выработанных средств и механизмов, благодаря которым мотивируется, направляется, координируется, реализуется и обеспечивается человеческая деятельность».

Исследователь считает, что значимой особенностью деятельностного подхода является понимание культуры как наиболее общего и характерного признака любой формы человеческого бытия. Как мы уже отмечали выше, изначально культура связана с активной, преобразующей деятельностью человека, имманентной характеристикой человеческого бытия. «Деятельность – определенный тип бытия человека, его отношение к миру» [8, с. 43], детерминирована культурой и являет нам культуру. Именно через различные виды деятельности человека культура «является» нам, поэтому определение Л. Н. Коганом культуры *«как меры и способа реализации сущностных сил человека в его социальной деятельности и в результатах этой деятельности»* [9, с. 15] позволяет преодолеть разрыв между ядром личности и его поведением, акцентируя внимание на том, что именно в деятельности проявляется сущность человека. Это положение находит отражение в определении культуры Ю. Р. Вишневым и В. Т. Шапко, перекликающемся и конкретизирующем определение культуры Л. Н. Коганом. Понимание *«культуры как качественной характеристики человеческой деятельности во всем многообразии ее видов, форм, способов, результатов»* [10, с. 117] отражает не только степень, качество освоения ценностей культуры, но и, что самое главное, реализуется в деятельности, человек представлен как творящее существо.

Итак, культура как социальный феномен, возникая и развиваясь в процессе антропосоциогенеза как противоположность природе, характеризует различные явления, аспекты жизни человечества: от аккумуляции социального опыта по применению таких форм деятельности и взаимодействия, которые помимо утилитарной эффективности обеспечивают коллективный характер человеческой жизнедеятельности, воплощаемой в системе регулятивных установок, опредмечиваемый в традиционных и инновационных технологиях до рефлексии этого опыта в науках и общественной мысли и трансляции от поколения к поколению в виде традиций, ценностных ориентаций, экзистенциальных установок, воспроизводящих как все человечество, так и конкретные типы культурных систем.

Таким образом, культура – это надбиологическое явление, понимаемое как творческая деятельность человека по предметной реализации его замыслов, духовному изменению самого себя и окружающего мира. Это только специфически человеческий способ

бытия, формирующийся в качественно новую структуру существования. Культура выражает не только предметные результаты деятельности людей (их можно определить как «средства культуры»), но и субъективные человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (знания и умения, интеллектуальное, эстетическое и нравственное развитие, мировоззрение, способы и формы взаимного общения людей. Именно в социуме индивид проходит адаптацию к его состоянию, интегрируется в общество, обретая в нем свой социальный статус и занимая соответствующие ему ролевые позиции.

Вопросы к главе 1

1. Проанализируйте изменение содержания понятия «культура» в истории его становления.
2. Какие подходы в изменении культуры Вам известны?
3. Перечислите сущности и культуры на современном этапе с точки зрения структурно-функционального подхода.
4. Определите сущность культуры с точки зрения деятельностного подхода. В чем его специфика?
5. Назовите представителей деятельностного подхода концепции культуры.

Глава 2. Социология культуры: специфика, предмет, функции. Общество и культура

Социология культуры – научная дисциплина, которая находится в поиске предмета. Среди российских исследователей нет единого мнения относительно места социологии культуры в гуманитарном знании. В широком смысле социология культуры не просто отрасль социологии, она охватывает всю проблематику общественной жизни, рассматривая ее под специфическим углом зрения, выделяя культурное содержание в любой социальной деятельности. В узком смысле социология культуры имеет свою относительно самостоятельную предметную область.

Социокультурные проблемы исследовались российскими философами и социологами на протяжении всех последних лет. Так, одним из первых разработчиков данной проблематики стал основатель Уральской социологической школы Л. Н. Коган, который дал свою трактовку происходящим в российском обществе социокультурным процессам. Развитие основных теоретических положений осуществилось в трудах В. Т. Шапко, которые составят основу данного учебного пособия. В настоящее время продолжаются теоретические и практические исследования под руководством Ю. Р. Вишневского. Анализ противоречия российского общества постсоветского периода в сфере досуга и культуры в учебном пособии Г. Е. Зборовского осуществлен на основе концептуализации социологии культуры и досуга, объекта и предмета, базовых понятий обеих социологических отраслей.

Работы Л. Г. Ионина «Социология культуры» (М., 1996) и «Социология культуры: путь в новое тысячелетие» (М., 2000) посвящены истории становления социологии культуры, разработке методологических подходов к исследованию социокультурных процессов.

Одним из основоположников социологии культуры в России является Ф. И. Минюшев, чей труд «Социальная антропология» был опубликован в 1997 г. В нем рассматривалось в комплексе социальное бытие культуры, а также бытие человека в культуре, что имело несомненную новизну и актуальность в разработке новой научной дисциплины. Позднее, в 2004 г., развиваемая Ф. И. Минюшевым концепция интеграции понятий человека и его

культуры, а также идея гуманитаризации университетского образования нашла свое воплощение в издании «Социология культуры».

Учебное пособие Б. С. Ерасова «Социальная культурология» (М., 2000) посвящено рассмотрению проблем функционирования культуры в современном обществе. В нем раскрываются содержание и принципы духовной деятельности как компонента социальной регуляции наряду с экономикой, политикой, социальными отношениями.

Учебное пособие «Социология культуры», изданное Л. И. Михайловой в 1999 г., основано на идеях многоаспектности феномена культуры, взаимного проникновения общественных процессов и явлений культуры. Значение работы состоит в анализе процессов формирования различных субкультур, особенностей их проявления, а также социокультурных механизмов активности и деятельности личности.

Социология культуры родилась в лоне социологии, а социология складывалась как наука о формах совместной жизни и деятельности людей. Социология культуры появляется как реакция на ограниченность неокантианского, позитивистского и символического направлений, рассматривающих явления культуры, их структуру, функции и динамику вне связи с социальными процессами и вне связи со степенью их выраженности в повседневном поведении. Центральной категорией социологии является общество (социальная система), обозначающее формы связей между совместно живущими и действующими людьми на общей территории при устойчивости внутренних связей, автономности и интегрирующей силы – культуры. Соответственно строится концепция общества, представленная через структуры воспроизведения социальных действий и взаимодействий и форму расслоения социокультурных групп. Социология культуры, развиваясь в русле общей социологической теории, соотносит смысловые комплексы и социальные факты с определенными общественными условиями, интеграцию общества, формирование ценностей с позиционными взаимодействиями, требует измерения социокультурных явлений. Ключевыми и полифункциональными понятиями для современного осмысления роли культуры в обществе является способ мышления, способ действия, менталитет. Верификация этих сложных понятий осуществляется через

характеристику относительно простых и более освоенных в исследовательской практике элементов – систем ценностей, характера культурной деятельности, средств деятельности, культурных стереотипов, социализации, актуализации и т. д. Социологический анализ культуры способен вскрыть сложившуюся систему организации культурной жизни, выявить закономерности, отражающие внешние связи (функционирование культуры в обществе) и внутренние механизмы, определяющие законы ее развития как самостоятельной подсистемы.

Сегодня в социологической литературе социология культуры чаще всего рассматривается как специальная социологическая теория, «теория среднего уровня» (это понятие ввел в 1947 г. Р. Мертон для обозначения научных построений, призванных выступить в качестве связующего звена между общесоциологической теорией и эмпирическими исследованиями). Социология культуры является промежуточным звеном, соединяющим знания, получаемые на уровне общей теории социологии, с одной стороны, и данные эмпирических исследований с другой.

Специфика социокультурного подхода в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человек в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) как фундаментальные, каждое из которых не сводится к остальным и не выводится из них, но при этом они взаимосвязаны и влияют друг на друга. Само действие субъекта понимается как компонент взаимодействия с другими субъектами, как простейшее, культурное явление. К изучению общества нужно подходить как к изучению культурных продуктов. Все социальные факты являются не чем иным, как фактами культуры, поэтому объект исследования социологии культуры включает все общество как социокультурную систему и субкультуры общностей, культуру социальных организаций, культуру человека-индивида.

Предмет – актуальная культура, т. е. реально функционирующие артефакты культуры во взаимосвязи и взаимовлиянии с различными элементами общества:

– роль и место культуры в жизни данного общества. Цель такого исследования – изучение культурного уровня тех или иных социальных групп, общностей;

– взаимодействие элементов культурной коммуникации. При этом предметом исследования будет взаимодействие между производством, сохранением, распределением и потреблением культуры;

– взаимоотношения элементов культуры с другими сферами жизни общества (экономика, политика, быт и т. д.);

– различные социальные институты культуры, включая и ее учреждения. Так, изучаются культурные традиции, обряды, ритуалы и т. д. Чаще всего предметом социологического анализа являются учреждения культуры: театры, клубы, кинотеатры, библиотеки, музеи, досуговые центры и т. д.;

– степень освоения личностью, группой или данным обществом того или иного вида культуры, культурных ценностей. Такой подход должен дать представление о культурном уровне людей, их духовном облике.

Социология культуры изучает последнюю как социальную систему. В ней принято в качестве единиц анализа использовать устойчивые культурные образования: представления, социокультурные образцы, ценности и нормы.

В изучении объекта исследования в социологии культуры выделяются три уровня. На первом уровне изучаются связи и отношения культуры, субкультур и общества. На втором уровне исследуется деятельность социокультурных институтов, культура их организации методами абстрагирования, анализа и синтеза, индукции и дедукции, моделирования. Третий уровень связан с изучением эмпирических проявлений культуры отдельного индивида, социальных групп, общностей и предполагает сравнение, измерение объективных и субъективных фактов проявления культуры, а также их фиксацию методами наблюдения, эксперимента, анкетирования, интервьюирования и анализа документов.

Социология культуры, являясь отраслевой социологической теорией, связана с теорией культуры, которая составляет ее философскую основу. Если философия культуры изучает общие закономерности развития культуры в обществе, то предметом социологии культуры являются особенности ее функционирования в конкретных социально-исторических условиях и личностные формы проявления в социальных структурах.

Содержание социологии культуры составляют:

- существующие в данном обществе формы и способы освоения, создания и передачи объектов культуры;
- устойчивые и подвижные процессы в культурной жизни и детерминирующие их социальные факторы и механизмы;
- конкретный вклад той или иной социальной общности в развитие культуры;
- оценки освоения культуры членами социальных общностей и групп и их собственного культурного окружения;
- социокультурные нормы, регулирующие отношения в социальных общностях, между социальными общностями, в обществе в целом;
- технология функционирования различных элементов социальной системы и общества в целом;
- специфические формы культурной жизни различных социальных общностей, общества в целом на каждом этапе его развития.

Функции социологического знания (типология Г. Е. Зборовского). Условно их можно разделить на три группы – *познавательные, прогностические и управленческие*. В основе такого деления лежит, с одной стороны, необходимость многообразного и дифференцированного включения социологии в систему общества и социальных наук, с другой – выделение различных форм социологической деятельности в соответствии с характером и содержанием труда социолога. Охарактеризуем каждую из этих групп функций.

Как и любая интеллектуальная деятельность, социологическая начинается с познания. *Познавательная функция* социологии реализуется через изучение, анализ социальной реальности, выступающей в виде одной или целой группы взаимосвязанных социальных фактов. Чем масштабнее по целям и задачам социологическое познание той или иной проблемы, тем вероятнее, что социология будет иметь дело с большим количеством сложных социальных фактов. В ходе осуществления познавательной функции задача социологии будет состоять в том, чтобы выявить связи между ними, проявляющиеся в форме определенных тенденций. Познавательная функция социологии сопряжена как с теоретическим,

так и эмпирическим анализом социальной реальности. Это важно специально подчеркнуть потому, что иногда происходит отождествление познавательной функции только с теоретическим рассмотрением проблемы. В процессе реализации данной функции социология выходит на составление программы исследования, начиная с формулировки его целей и задач, объекта и предмета, противоречий и основных понятий, рабочих гипотез и предполагаемых результатов и заканчивая определением методов и средств изучения проблемы, характера обработки и анализа полученной информации.

Познавательная функция находит свое органичное продолжение в прогностической функции, которая чрезвычайно важна и значима для социологии. Без этого она (социология) теряет чувство нового, видение будущих результатов изменения социального процесса. Осуществлять познавательную функцию, не ориентируясь на социологический прогноз, – значит обеднять возможности науки. Представим себе исследование какой-либо острой социальной проблемы, включающее в себя лишь описание и анализ существующей ситуации и не показывающее перспектив ее изменения. Естественно, что такой подход вряд ли может удовлетворить заказчика этого исследования и тех, кто знакомится с его материалами. Между тем далеко не во всех социологических работах реализации прогностической функции уделяется должное внимание. Причиной такой своеобразной социологической «бескрылости» часто является не столько «забывчивость» авторов тех или иных исследований, сколько трудность и ответственность социального прогноза.

Суть *управленческой функции* заключается в том, что социологические выводы, рекомендации, предложения, оценки состояния социального объекта служат основанием для выработки и принятия решений. Там, где это имеет место, – в масштабах общества, регионов, городов, предприятий, организаций, – решения становятся более аргументированными, выверенными, их не просто оспорить. К разряду управленческих относится и организационно-технологическая функция социологии. Социальная технология – это и программа преобразовательной деятельности, и сама деятельность на основе этой программы, призванная в корне изменить ситуацию. В отличие от рекомендаций и предложений, с которыми часто

выступают социологи, у социальных технологий иные цели. Если первые, как правило, направлены на улучшение тех или иных сторон социальной практики, решение конкретных задач в рамках совершенствования действующей системы, то социальные технологии должны способствовать глубоким качественным преобразованиям социальных процессов и включать в себя комплекс соответствующих организационных мероприятий. Конечно, для достижения таких целей используются конкретные рекомендации и предложения социологов [11, с. 10-11].

Структура социологического знания. Переходя к вопросу о структуре социологического знания, прежде всего выделим онтологическое (об объекте изучения, т. е. о социальной реальности и мнениях, оценках, отношении к ней) и гносеологическое знание (о способе получения самого социологического знания, т. е. о методах, средствах, путях, процедурах его «добывания»). С этой точки зрения онтологическое знание может характеризоваться как предметное, а гносеологическое – как методологическое. Совершенно очевидно, что в социологии имеется большое количество направлений и школ – это еще одна линия структурирования социологии.

Структурные уровни социологии. Исследуя общество во всей совокупности его сложных социальных проблем, социология в силу объективной необходимости, связанной с природой ее объекта, оказывается достаточно дифференцированной и структурированной наукой, причем по нескольким линиям. Так, в ней принято выделять макросоциологию и микросоциологию, фундаментальную и прикладную, теоретическую и эмпирическую социологию. Это три наиболее распространенные разновидности структуры, выступающие в то же время уровнями изучения социальной реальности.

Макросоциологический уровень знания означает ориентацию на анализ социальных структур, общностей как больших социальных групп, систем и процессов, в них происходящих. Социальные общности, выступающие объектом макросоциологического изучения, – это цивилизация в целом и наиболее крупные социальные образования, включающие реальные виды обществ и их взаимодействия. Макросоциологический уровень знания не требует детального рассмотрений конкретных проблем и ситуаций, возникающих в данных общностях, а нацеливает на их комплексный охват, предполагает наличие широкого взгляда, позволяющего

включить эти локальные процессы, проблемы и ситуации в общетеоретический контекст анализа.

Микросоциологический уровень знания означает, во-первых, иную шкалу измерения (речь идет уже о конкретных социальных системах в рамках общества – социальных группах разных типов, межличностных отношениях в них). Во-вторых, акцент на внутренние аспекты поведения и действия общностей и людей в них. В-третьих, использование эмпирических методов получения знания (социологические опросы, социологическое наблюдение, социологический эксперимент и т.д.). В отличие от макросоциологического микросоциологический уровень сопряжен с изучением локальных процессов в отдельных сферах общественной жизни и социальных общностях.

В основе структуры социологии, включающей фундаментальный и прикладной уровни, лежит ориентация этой науки на тот или иной конечный результат. Вопрос состоит в том, решает ли социология масштабные собственно научные (тогда это будет фундаментальный уровень) или конкретные практические (прикладной уровень) задачи. Если целью первого уровня знания оказывается развитие фундаментальной теории, то второго – получение практических рекомендаций, имеющих зачастую сугубо прагматический характер.

Трактуя соотношение теоретического и эмпирического уровней социологического знания, следует отметить, что теоретическое знание объясняет социальную реальность сквозь призму общих и специфических тенденций ее функционирования и развития, ориентирует на анализ механизмов их действия и форм проявления в различных сферах общественной жизни. Эмпирическое социологическое знание связано с получением конкретной, развернутой информации относительно тех или иных явлений и процессов. Оно опирается на статистический анализ, использование методов конкретных социологических исследований (опросы – письменный, устный, телефонный, почтовый, экспертный, интернет-опрос, социологическое наблюдение, изучение бюджетов времени и др.).

На макросоциологическом уровне культура характеризуется как базис общества, как основа его развития, как материальная и нематериальная культура. Другими словами, на этом уровне культура

выступает как нечто целостное, охватывающее все общество и по существу сопоставимое с ним явление. Что касается микросоциологического уровня культуры, то здесь мы можем говорить об изучении отдельных видов культуры (к примеру, художественной, политической, нравственной и др.) и отношения к ним со стороны социальных общностей и групп. Микросоциологический уровень означает также изучение социальных взаимодействий людей или групп в сфере культуры» [12, с.11-12].

Общество и культура: понятия субкультуры, контркультуры, антикультуры. Социальные функции культуры. Культуру невозможно понять без ее соотнесения с обществом. Установление соотношения между ними является предметом теоретического анализа. В зависимости от целей и задач, концептуального подхода возможно рассмотрение их как полностью совпадающие системы, во втором случае культура может быть представлена как элемент. Общество может рассматриваться как всеохватывающая система, состоящая из взаимосвязанных, но все же самостоятельных систем (или сфер) деятельности: экономико-хозяйственной, социальной, духовной и политической. Каждая из них, равно как и общество в целом, имеет свои характеристики и механизмы, структуры, функции, институты и т. д. Хозяйственная система обеспечивает материальную жизнедеятельность общества, социальная – структуру отношений между различными группами и слоями, не обязательно связанными с собственно материальным производством. Политическая система – механизм реализации власти, воли и интересов составных элементов общества и его совокупности. Духовная система воспроизводит нормативно-ценностные, информационные и коммуникативные компоненты социальной регуляции. Социально-политическая регуляция осуществляется политикой во всем многообразии ее компонентов: государство с его органами (законодательная, исполнительная и судебная власть, органы контроля, управления и подавления) и то, что обычно называется общественными организациями... Системное рассмотрение места культуры в социальной регуляции содержит та общая теория действия, основным создателем которой был Т. Парсонс. В рамках этой теории в структуре деятельности следует выделить деятеля и ситуацию. Отношения между ними включают в себя: а) адаптационную

ориентацию, требующую вычленения из окружающей среды отдельных объектов, их обозначения по свойствам, месту и т. п.; б) целеполагание как стремление к достижению значимых потребностей; в) оценочную ориентацию, предполагающую установление положительного или отрицательного значения объектов с точки зрения человеческих потребностей; г) взаимодействие и согласованность социальных субъектов, снятие напряженности между различными группами, поддержание дифференциации и стабильности общества. Образующиеся в обществе различные подсистемы (экономика, государство, семья, образование) обеспечивают необходимые функции в разных сферах. Так, функцию адаптации обеспечивает прежде всего экономика, но и культура содействует этому через формирование познавательных ориентаций. Целеполагание относится как к сфере политики, так и опять-таки культуры, а их взаимная связь и переводит ценность в ценностную ориентацию, без которой невозможно разумное действие. Интегративная функция осуществляется через общие верования, моральные нормы и правовые принципы. Однако хорошо известно, что важным, хотя и противоречивым средством обеспечения единства и интеграции общества является государство как властная структура. Таким образом, культура присутствует во всех сферах социальной деятельности и системах регуляции, но при этом она может рассматриваться как особая сфера, функционирующая как система духовного производства, дополняющая материальное производство [13, с. 591].

Социология изучает взаимоотношения между элементами общества на различных уровнях, акцентирует внимание на поиске механизмов, которые консолидируют или разъединяют членов общества; культура объясняет смыслы интеграции на разных этапах существования и моделирует их.

Сама система взаимодействия рассматривается как продукт культуры. Она включает мышление, абстракции, анализ. Благодаря этому восхождению выделяются социальные (более простые) и социетальные (более сложные) системы общества. Т. Парсонс определяет общество как такой тип социальной системы (в любом универсуме социальных систем), которая достигает высшего уровня самодостаточности и действует в качестве системы по отношению к окружающим ее средам. На социетальном и социальном уровнях

выделяются сферы экономики, политики и культуры. Согласно Т. Парсонсу, экономика выполняет функции адаптации, политика – целедостижения, а культура – функцию поддержания образца взаимодействия в системе. Таким образом, культура уже не сводится только к нравственно-этическим характеристикам, она понимается в единстве традиций, образцов, норм и ценностей – духовного потенциала и свободы выбора. Она «отделена» от общества своей собственной подсистемой, она равнозначна с другими сферами общественной жизни (экономикой и политикой) и, взаимодействуя с ними, создает новые формы сообществ и определяет ориентиры их дальнейшего развития. Структурное представление общества должно, как мы отмечали выше, согласовываться с новыми смыслообразующими характеристиками взаимодействия. Общество усложняется и сильно дифференцируется. Оно состоит из разных социальных общностей. Разные люди выполняют разные роли и занимают разные статусные позиции в течение жизни, меняются и символы, обозначающие суть их взаимодействия.

Н. Луман предложил рассматривать характер и формы взаимодействия в обществе в зависимости от способов его дифференциации. В основу его классификации представлений об обществе легли три основополагающих принципа: сегментарное общество, состоящее из «примитивных», архаических народов; стратифицированное общество «высоких» культур и современное функционально дифференцированное общество. В сегментарном обществе все жизненно важное концентрировалось в мельчайших единицах: в орде, домохозяйстве, локальном поселении. Взаимосвязи больших масштабов функционировали лишь по случаю. Коммуникация осуществлялась через мифы, предания, личный опыт. Причем мифы и культовые формы могли приводиться в унисон с экологическими условиями, структурами и интересами. Культура была не отделена от труда. В танцах, ритмах воспроизводилась природа, работа, власть шамана или божества. В стратифицированном обществе первоначальная слитность заменяется выдвиганием на первый план то одной, то другой системы. И в описаниях общества, как мы убедились, тоже происходит смена акцентов: то политическая схема определяет смыслообразующую конструкцию общества, то экономические основания. Культура – это

сумма продуктов деятельности, сама же деятельность оказывается вне культуры.

Современное функционально дифференцированное общество определяется концом XVIII – началом XIX века. Согласно Луману, формами дифференциации в нем являются не локальные единицы – роды, семьи или иерархические слои – крестьяне, горожане, различные сословия, а сложные функциональные системы – хозяйство, политика, искусство, т. е. сферы деятельности. Культура как сфера общественной жизни имеет собственные институты (искусства, науки, образования), которые отличаются от других институтов специализированной деятельностью. Институты культуры являются формами организации жизни и служат посредником между субстанциональным и функциональным пониманием культуры.

Из представленной схемы (рис. 1) видно, что первичные структурные элементы общества сгруппированы в три основных блока: социальные общности, социальные институты и социальные организации. На социетальном уровне – в рамках мирового сообщества и в рамках конкретного общества – действуют сферы общественной жизни, на социальном уровне они разворачиваются в более детальном делении.

Культура в системе общественных отношений

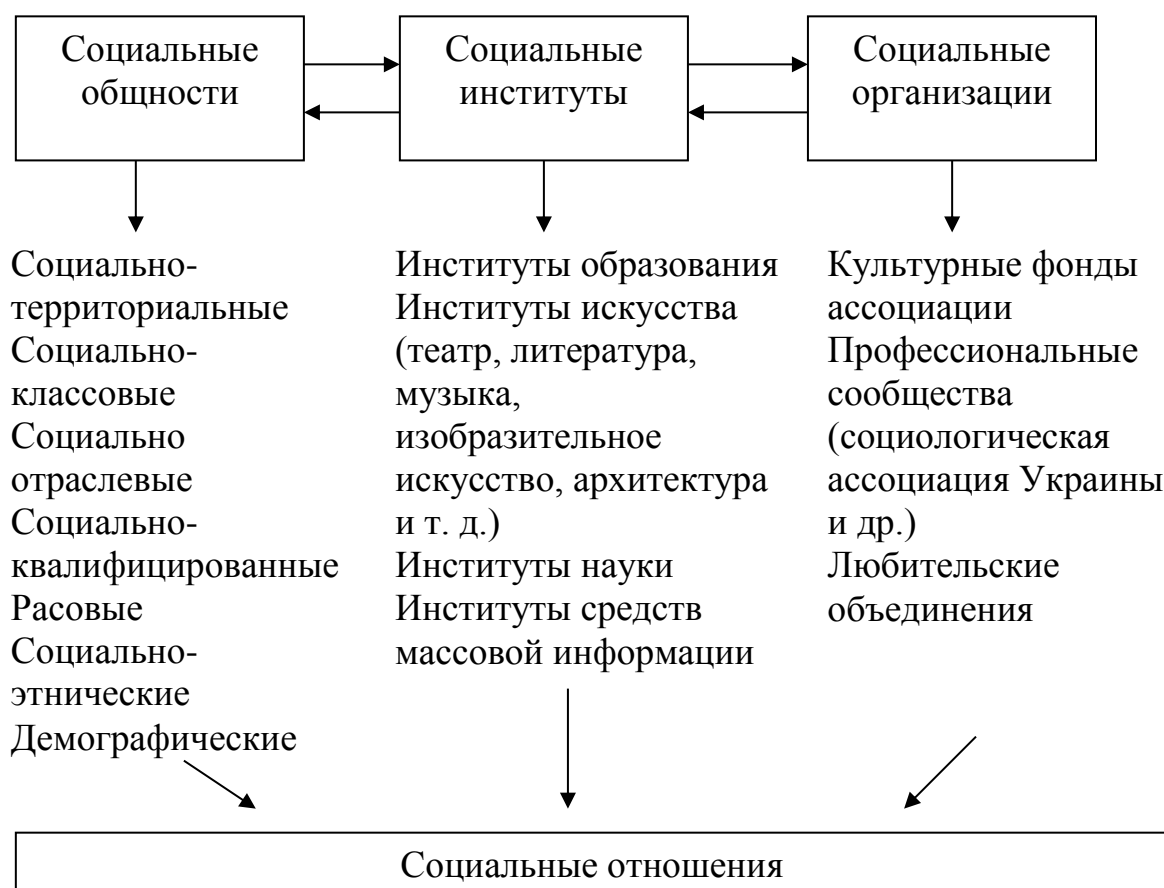

Рис. 1. Система взаимосвязей культуры в обществе [14, с. 30].

Социология, изучая закономерности общественного развития в их повседневности и в плане прогнозирования, занята проблемами становления, функционирования и развития конкретных социальных общностей, институтов и организаций. Ее предметом являются также социальные отношения. Будучи механизмом взаимодействия между социальными общностями, институтами и организациями, социальные отношения, в свою очередь, имеют собственный механизм, который на личностном уровне проявляется через потребности, интересы, ценности. Социальные отношения, интегрируя институциональные и личностные подсистемы, отражают и в определенной мере направляют общественную жизнь, представляя ее в виде закономерностей.

Культура, как и другие сферы общественной жизни, функционирует в прямом и опосредованном виде во всех срезax социальных отношений. Ее собственные сущностные характеристики

существуют и проявляются через способ мышления и способ действия. Способ мышления означает специфику отражения, диапазон познания, способ действия – выбор вариантов практического исполнения, обоснованный мотивами, стимулами, системой ценностей. Искусство, литература, наука, будучи видами духовного производства и особым классом явлений, специфически отражают мир, мыслят его существование в своих категориях и преобразуют его, создавая образы, «идеальные типы», обнаруживая новые законы и закономерности. Она, так же как и другие сферы деятельности, располагает собственными институтами и организациями, которые создают формы обучения людей и являются возможностями и условиями для самореализации личности или групповых интересов.

Однако еще один вопрос требует методологического рассмотрения: какова роль культуры в созданном многообразии обществ, в чем сила одних и слабость других? История развития цивилизации показывает, что отличаются между собой не только североамериканские и латиноамериканские общества, австралийское и африканские общества, европейские и азиатские, но и общества, представляющие сравнительно однозначные географические, природные и экономические условия. Например, Украина и Польша, Россия и Украина, Россия и Финляндия, Китай и Япония.

При всей вариантности независимых от стран объективных условий своеобразным стержнем (инвариантом) собственного (ускоренного или замедленного) развития является некая мера самостоятельности, определяемая через независимость, саморегулирование и самовоспроизводство общества. Культура имеет к этому прямое отношение: чем активнее рефлексировается и перестраивается внешняя политика и внутренняя жизнь страны, тем более активно развивается то или иное общество. Япония является ярким тому примером. При всей стойкости традиций и обычаев, патриархальности уклада она сделала резкий рывок в промышленном развитии в XX веке и встала в один ряд с наиболее развитыми индустриальными державами мира.

Единение, социальный порядок и целостность становятся основанием исследования условий человеческого существования. Целостность на разных уровнях общественного организма понимается как система социальных институтов и отношений между

ними, как система социальных статусов и ролей. Введение понятий целостности и взаимодействия связано с поиском механизма интеграции общества. Культура впервые выделяется в самостоятельную подсистему общества благодаря осознанию ее функций в качестве одного из образцов взаимодействия.

Многообразные социальные функции культуры реализуются в реальном культурном процессе синхронно и могут быть выделены только в процессе теоретического анализа. Типология Г. Е. Зборовского в этом плане представляется наиболее показательной. Он выделяет следующие социальные функции института культуры:

- во-первых, это функция материального и духовного производства, состоящая в обеспечении необходимых предпосылок для материального и духовного творчества, создания в этом процессе соответствующих ценностей;

- во-вторых, это функция сохранения, тиражирования и трансляции созданных вновь или воспроизведенных ценностей. В обществе существует заинтересованность в том, чтобы сделать их широким, массовым достоянием. Для этого работают издательства, типографии, предприятия, осуществляющие тиражирование изделий материальной культуры, продукции духовной культуры: музыкальных записей, фильмов и др.;

- в-третьих, институту культуры свойственна социорегулятивная функция, состоящая в регулировании процесса создания, сохранения, распределения, потребления материальных и духовных благ с помощью нормативных и ценностных механизмов, создаваемых в обществе. Социорегулятивная деятельность институтов культуры включает в себя использование традиций, обычаев, символов;

- в-четвертых, важной оказывается коммуникативная функция институтов культуры, состоящая в организации взаимодействия учреждений и групп лиц в ходе производства, сохранения и распределения культурных ценностей;

- в-пятых, институты культуры выполняют функцию социального контроля за тем, как осуществляется создание, распространение и потребление их продукции;

– в-шестых, институт культуры реализует интегративную функцию, объединяя в процессе культурной деятельности самые различные социальные общности, как создающие и воспроизводящие, так и потребляющие ее ценности;

– в-седьмых, одной из наиболее важных функций является передача достижений культуры и ее опыта, что сопряжено с соблюдением культурных традиций и использованием культурного наследия, а также выявлением того, как и насколько они включены в процесс формирования и развития личности;

– в-восьмых, отсюда вытекает человекотворческая (по Л. Н. Когану) функция, раскрывающая роль институтов культуры в формировании и развитии личности через приобщение ее к богатствам национальной и мировой культуры и превращение индивида из пассивного объекта ее воздействия в субъекта активного культурного творчества;

– в-девятых, значимой функцией учреждений культуры является организация исследований, в первую очередь социологических. В ходе этих исследований должна быть получена оценка населением деятельности института культуры. Все социальные функции институтов культуры тесно связаны между собой, каждая из них является условием реализации других функций и сама, в свою очередь, зависит от того, как воплощаются в жизнь основные направления функционирования институтов культуры» [15, с. 117].

Во всем многообразии функций культуры можно выделить такие «профильные» направления, как социально-интегративное, организационно-регулятивно-нормативное, познавательно-коммуникативное, рекреационное и оценочное.

Интегративная. Наиболее общей и универсальной функцией следует признать обеспечение социальной интеграции людей: формирование оснований их устойчивого коллективного существования и деятельности по совместному удовлетворению интересов и потребностей.

Консолидация. Объединение посредством выработки общих целей и идеалов их совместного существования, групповых интересов и потребностей, чувства солидарности личности с коллективом и защищенности им, удовлетворенности действующими

нормами и правилами совместного общежития и взаимодействия, стимулирование повышения уровня их групповой консолидированности и эффективности взаимодействия.

Идентификация. Формирование системы образов групповой идентичности и оснований личной самоидентификации человека в коллективе и самоотождествления с ним, заинтересованности членов коллектива в его социальном воспроизводстве как процессе, отвечающем их индивидуальным и групповым интересам.

Нормативная. Возникновение первичных социальных норм является одним из факторов антропосоциогенеза, т. е. длительного процесса эволюции человека и общества. Возвысившись над природным миром, человек в буквальном смысле совершил прорыв – он создал свои законы бытия – морально-нравственные принципы существования.

Регулирующая. Организация людей в их совместной жизнедеятельности основана на определении норм, правил, требований и реализации их в работе регулятивных механизмов конвенционального (ценностные ориентации, мораль, нравственность, обычаи, этикет и пр.) или институционального (право, политика, идеология, церемониал и т. п.) свойства.

Аккумулирующая. Накопление социального опыта по гарантированному социальному воспроизводству их коллективов как устойчивых сообществ. Основополагающие принципы культуры сохраняются во времени (например, добро, сострадание и т. д.), а научно-технические знания в культуре быстро меняются, постоянно совершенствуясь. Культура выражается в различных типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях.

Информационно-символическая – функция превращения реальных явлений и предметов культуры в ее символы, в условный знак, который не перестает нести семантический смысл реального явления, события или предмета.

Познавательная. Познавательная функция культуры расширяет диапазон знаний в сфере общечеловеческих ценностей. Эти знания могут существовать как на уровне обыденного – эмоционально-психологического сознания, так и на уровне теоретического. Теоретическое постижение различных форм национальных культур

отличается высокой степенью обобщенности и целенаправленностью, установлением причинных связей и закономерностей.

Воспитательно-образовательная. Воспроизведение человеком накопленного опыта в целях воспитания следующих поколений. Она может формироваться только во взаимодействии с другими членами общества, трансляции социального опыта (воспитание, просвещение, образование, традиции, обряды и ритуалы и пр.).

Коммуникативная. Коммуникативная функция осуществляет связь между людьми во времени и пространстве, внутри и вне определенной социальной организации. Культура есть форма общения, средством которой выступает язык в широком понимании его значения как определенная система знаков (слова, жесты, рисунки, нотная запись, рукотворные предметы и т. д.). Суть коммуникационного процесса состоит в достижении культурно-социальной общности при сохранении индивидуальности каждого ее элемента.

Компенсаторная. Компенсаторная функция (от лат. *compensatio* – уравнивание, уравнивание) – функция творческого восполнения, возмещения недоступного, труднодостижимого, утраченного, уравнивание дисбаланса между потребностями и возможностями их удовлетворения.

Творческая. Культура есть творческая деятельность по изменению и созданию окружающей среды: человек взаимодействует не только с «первой природой» – естественной средой своего обитания, но и со «второй природой» – искусственно созданной средой. Эта «вторая природа» является результатом его творческой деятельности, воплощением его идей, принципов и смыслов, способом его предметной самореализации [16, с. 508 – 511].

Культура любого общества целостна и гетерогенна одновременно. Целостность культуры, выражающаяся в том, что все члены общности не различаются значительно образом жизни; нормы и представления о реальности наиболее характерны для архаичных общностей, немногочисленных и слабо структурированных, где социальная дифференциация имеет зачаточные формы, базируясь лишь на возрастных, половых и родственных критериях. Когда процесс социальной дифференциации приводит к выделению функциональных сфер внутри общества, когда формируется социальная стратификация, культурное единство оказывается в

некоторой степени нарушенным. Выполнение той или иной социальной функции (производство; управление; обучение; религиозная практика и т. д.) связано с особыми специфическими интересами, поведенческими стандартами, навыками, своеобразием образа жизни. Группы, выполняющие эти функции, приобретают, следовательно, культурные особенности. Социальные слои и классы, занимающие различное место в системе стратификации, также зачастую имеют ярко выраженные особенности образа жизни.

Еще один важный фактор, изменяющий культурное единство современных обществ, – это интенсивный культурный обмен. Постоянные контакты между различными культурами в эпоху современности приводят к усилению их взаимовлияния, распространению культурных образцов далеко за пределы обществ, их создавших. Это непрекращающийся «диалог культур», где стороны не всегда равноправны.

Подводя итог, можно сказать, что чем более дифференцировано общество, чем более открыто оно для инокультурного воздействия, тем сложнее говорить о его культурной гомогенности. Культурное разнообразие общества, таким образом, может быть обусловлено следующими факторами: выделением функциональных сфер, связанным с социальной дифференциацией и разделением труда; социальным неравенством; различиями в уровне образования членов общества; личными предпочтениями людей; индивидуальным выбором системы убеждений и образа жизни (характерно, главным образом, для современных обществ); этническим составом общества, сосуществованием носителей различных этнических традиций; различиями в образе жизни людей, связанными с местом поселения (городская и сельская культура; культура мегаполисов и малых городов и др.); открытостью инокультурным влияниям, межкультурными контактами.

Проявлением культурного многообразия современных обществ являются субкультуры. Субкультурой называется культура группы, отличающаяся от доминирующей «культуры большинства».

В современной зарубежной социологической литературе понятие субкультура имеет следующие значения:

– автономное целостное образование внутри господствующей культуры, обладающее собственными институтами и

характеризующее определенный способ мышления и действия различных социальных групп;

- специфический способ дифференциации национальных и региональных культур;

- профессиональная культура, в которой своеобразно преломляются ценности и идеалы (кинематографическая, театральная, профессиональная среда: геологи, моряки и т. д.);

- совокупность некоторых негативно интерпретированных норм и ценностей в рамках традиционной и современной культур.

Такие подкультуры или субкультуры появляются в силу разных причин. Они могут быть реакцией на бюрократизацию системы и несут в себе инновационные элементы. Так, «контркультура» явилась протестом против массовой культуры, а рок-музыка и сопровождающая ее рок-культура – ответом на попытку сменить камерную и симфоническую музыки, господствовавших достаточно долго, новыми ритмами, соответствующими XX столетию.

В российской социологической науке общее определение субкультуры как системы норм и ценностей, отличающих группу от большинства населения, дифференцируется по следующим основаниям.

1. Субкультура – особая форма организации людей – автономное целостное образование внутри господствующей культуры, определяющее стиль жизни и мышления ее носителей, отличающееся своими обычаями, нормами, комплексами ценностей и институтами.

2. Субкультура – трансформированная профессиональным мышлением система ценностей традиционной культуры, получившая своеобразную мировоззренческую окраску.

3. Субкультура – совокупность негативно интерпретированных норм и ценностей традиционной культуры, функционирующих в качестве культуры девиантного слоя общества.

Степень соответствия ценностных ориентаций личности и системы ценностей той или иной субкультуры порождает различное отношение – от индифферентного до неприятия и недоверия. На основе длительных и неразрешимых конфликтов может быть сформирована контркультура. Группа, поставленная в невыгодное положение в обществе, лишенная возможности для решения проблем,

создает способы и формы жизнедеятельности, в той или иной степени противостоящие культуре общества в целом. Контркультура – это субкультура, нормы и ценности которой не только отличаются от широко распространенных, но и противоречат им. Контркультура зародилась как форма стихийного движения разных слоев западного общества после студенческого бунта 60-х годов XX в. и выражала протест против «организованной» бюрократии, превращающей общество в мир манипулируемых стилей, искусственно навязанных ролей и бесконечно разыгрываемый спектакль. Социологию в этом движении интересовала суть социально-культурных установок, которые отражали конфронтацию с традиционной или доминирующей культурой и общие социальные условия, вызвавшие образование специфических ценностей.

Феномен, названный «контркультурой», начал формироваться значительно раньше 60-х годов XX в. Принципы фронтальной оппозиции доминирующей культуры были оформлены еще в 60-е годы XX в. Г. Маркузе, Жаном-Полем Сартром, которые сами были вовлечены в молодежный протест и осмыслили корни нового мироощущения, главная направленность нового осмысления реальности состояла в определении характера взаимосвязи между культурой и обществом. Социальный смысл этой новой взаимосвязи может быть объяснен необходимостью восстановления «естественного» человека с его чувственностью как единственно подлинной и истинной силой, противопоставлением ее различным институтам общества и индустрии культуры, которые подавляли его творческие и сущностные потенции. Связывая падение общего уровня культуры с развитием технических средств, выбросивших на рынок культурной продукции массу низкопробных произведений литературы, кино, музыки, представители культуры критиковали технократию, сциентизм, потребительство. Идейные истоки культурного мироощущения эклектичны. Это и традиционная леворадикальная идеология (в том числе и анархизм), некоторые положения экзистенциализма и фрейдизма, это и романтизм в традициях утопической мысли. Это был скорее призыв к формированию «новых» отношений между людьми, новых ценностей, общественных норм и личности с «новыми формами» сознания и действия. Ее теоретики предполагали, что насильственный характер труда должен уступить место

инстинктивному влечению к «труду – удовольствию – искусству». В труде должны получать выражение те чувства и влечения индивида, которые в условиях «репрессивных» общественных отношений реализуются только в искусстве. Иначе – свободная чувственность, «замкнутая» в художественной форме, должна была, с этой точки зрения, прорваться в реальную жизнь и изменить роль искусства в обществе, сделать социальные отношения свободными и эстетичными.

Кризис гуманизма, связанный с идеологической и социальной ситуацией в развитых странах в середине века, и внимание к самооценности человека, провозглашенное сторонниками контркультуры, реализовались в ряде художественных направлений. Оценка движения контркультуры в разных странах позволяла сделать вывод о том, что зарождение, подъем и кризис отдельных художественных форм не совпадали прямо с политическими движениями. Сами внутренние процессы жанра диктовали особенности его развития, но обострение социально-политических конфликтов в разных странах было опосредующим звеном новых взаимоотношений между искусством и политикой.

В отечественной культуре, существовавшей в рамках СССР, проявление контркультуры также имело место. Основное ее социальное содержание состояло в противостоянии государственной тоталитарной системе, ибо она монополизировала не только производство политических ценностей и жестко их распространяла через государственные средства массовой информации, школы, вузы, театры, систему политпросвещения, но и присвоила себе право выбирать «передовых» писателей, актеров, режиссеров, художников, архитекторов, присваивая им звания лауреатов Государственной премии, и т. д.

Таким образом, политические и духовные ориентации «контркультуры» как движения свидетельствуют о том, что:

- они являются производными от социальных условий;
- распространенность движения в странах зависела от противоречивости политической ситуации и устойчивости художественных традиций, неоднозначности связи общекультурных закономерностей в тех или иных видах и жанрах искусства;
- движение контркультуры выдвинуло новые системы ценностей,

противопоставило их традиционной буржуазной и «советской» культуре и изменило систему координат в социокультурном пространстве.

Представления о субкультуре и контркультуре показывают, что это феномены многомерной системы культуры. Они не могут быть поняты упрощенно как чисто временное чередование определенных противоположных социально-политических и художественно-эстетических явлений или тенденций по принципу маятника; они являются реакцией на усложнение общественной жизни; они по-разному интерпретируют основные категории культуры, ее взаимодействие с обществом, ее деление на массовую и элитарную, на характер ее сюжетно-тематических пластов (политика, «ретро», деконструкция, отчуждение). Они показывают изменение критериев и канонизированных структур как внутри самой системы культуры, так и ее взаимодействие с другими сферами общественной жизни.

Элементы антикультуры. Когда часть общества владеет и воспроизводит свои собственные ценности, языки и социальные нормы, мы говорим о субкультуре. Когда верования, поведение и ценности определенных групп радикально отличаются от тех норм, которые существуют в доминирующей в стране системе ценностей и противостоят ей в нелегальных и легальных формах, мы называем это контркультурой; когда же речь идет о субкультуре, разрушающей общечеловеческие ценности и нормы поведения, мы называем это антикультурой. Примечательно, что некоторые элементы контркультуры, как мы показывали выше, были восприняты частью западного общества как антикультура, и даже сформировалось направление «новый консерватизм», целью которого была конфронтация контркультуры. Вместе с тем не погибли ни элитарная, ни массовая культуры, были найдены формы их сосуществования. Решающее значение для свободы индивида имело право выбора и право самореализации и оно было соблюдено. Это свидетельствует о том, что сами нормы и отклонения от них необходимо рассматривать в их социальном контексте, в их изменении и развитии.

Что же представляют собой элементы антикультуры? В самом общем виде это такие явления, которые разрушают целостность общества: расизм, фашизм, тоталитаризм, национализм, терроризм, коррупция, пьянство, наркомания, самоубийства, проституция и т. д. С одной стороны, это состояние общества, в котором нарушена моральная регуляция вследствие того, что старые нормы и ценности

уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились, с другой – это осознанный выбор поведенческой альтернативы конкретным человеком или группой лиц в соответствии с образцами той усеченной, гипертрофированной или, напротив, продвинутой к пониманию достижения целей и средств культуры, которая «организует» субъекты на противоправные действия. В социологии проблемы антикультуры обсуждаются в рамках концепции аномии, которую ввел Э. Дюркгейм, противопоставляя «традиционное» и современное промышленное общество, и которую развил Р. Мертон, предложив интерпретировать аномию как конфликт норм в культуре, и обозначил границы расхождения культурно-предписанными всеобщими целями. Заметим, что на стадии первоначального накопления капитала это расхождение особенно велико, доля преступлений оборачивается «обвалом» надстроечных структур. Люди не могут достичь навязанных государством целей «нормальными», ими же установленными средствами. Отсюда формы приспособления к декларируемым целям: конформизм либо цинизм, инновация либо отклоняющееся поведение (мятеж, уход от мира, грабежи, насилие и прочее).

Молодежная субкультура. Поскольку молодежная субкультура – это своего рода рефлексия социальной жизни, оценка востребованности определенных личностных свойств и самоорганизация, то значимыми индикаторами могут быть самоидентификация и идентификационные практики. Стандартная ситуация требует привычного реагирования, пассивного приспособления, что было типичным для периода государственного социализма со сложившейся ценностно-нормативной системой и всеобщим государственным регулированием подготовки и распределения специалистов. Иной механизм адаптации в нестандартных условиях рыночной экономики. Ключ к разрешению этой ситуации индивид не находит ни в опыте предыдущих поколений, ни в своем собственном. Поэтому опыт группы сверстников будет более предпочтительным и может выступать в качестве нормативного образца. Кроме того, подобная ситуация стимулирует усилия собственного поиска и личностной позиции. Для сегодняшнего поколения молодежи большинство ситуаций являются нестандартными. Поэтому формируется иной механизм адаптации – не через родительский опыт, или признанные и сложившиеся

институциональные идентификационные практики, как ранее, а через большую активность индивидуального поиска, желание нового опыта. При этом достаточно длительно продолжает существовать устойчивая группа лиц, которая использует родительский потенциал: эти молодые люди почти полностью могут полагаться на опыт и социальные связи родителей как в выборе специальности, так и в дальнейшем трудоустройстве. В стратегиях жизненного устройства появляются новые значения: первоначально – работа не по специальности, а работа – как форма занятости и способ существования соответственно ориентации на удлинение срока профессионализации из-за ожидания нужной работы и статуса.

Для оценки социальной зрелости как некоего результативного критерия молодежной субкультуры при всей ее изменчивости и вариативности необходимо найти социальные показатели в виде формирующегося устойчивого ядра. На когнитивном уровне это может быть выражено через отношение к системе жизненных ценностей, обеспечивающее связь времен и поколений, обозначение целей деятельности (притязания и статусы) и ценностные ориентации в разных сферах – как характеристика направленности деятельности. На поведенческом уровне – это реальное проявление молодежных подгрупп в повседневных занятиях, группах общения, работе, политических и любительских объединениях.

Третьим элементом, характеризующим специфику молодежной субкультуры на современном этапе, являются формы организационных объединений, выражающих разнообразие потребностей и спектр сложившихся устойчивых интересов, представляющих виды субкультур.

В стратифицированном (промышленном, индустриальном) обществе группа является центром притяжения для индивида, так как социальные институты фундаментальны. Референтные группы более доступны для молодежи, они выполняют функции первичной социализации, задают нормы и образцы поведения в рамках массовой стандартизированной культуры, регулируемой преимущественно национально-государственными институтами. В функционально-дифференцированном обществе или «информационном» обществе, напротив, структура связи социальных групп, их влияние приобретает иной характер. Не промышленно-экономическая сфера со спектром профессий материального производства, а сфера услуг, в

том числе менеджерской, финансово-банковской, информационно-аналитической, образовательной специализации становится наиболее важной и моделирующей будущее развитие общества. Можно согласиться с П. Бурдьё, который считает, что символический капитал и культурная идентичность определяют системы социальной иерархии и группообразования. Молодежная субкультура как относительно целостное и в то же время специфическое образование отражает попытку молодежи решить противоречия, возникающие на рынке труда и капитала, ее роли в общественной жизни, в понимании толерантности и инноваций. В рамках этой субкультуры молодежные объединения выступают как самоорганизационные единицы и заинтересованные группы. Молодежные объединения имеют более сильное влияние, чем в индустриальном обществе. Зачастую они альтернативны государственным структурам. Они не патронируются более властными органами, а сосуществуют с ними и регулируются целевыми программами. Исключение составляют институты образования. В информационном обществе именно образование становится доминирующей сферой общества. Являясь стратегическим ресурсом государственных и негосударственных экономических и политических структур, оно усиливает свою функцию в качестве статуснообразующего, группообразующего и дифференцирующего принципа. Молодежная субкультура (поскольку она не может существовать в рамках информационного общества вне образования) сильнее всего тяготеет именно к этим институтам, своеобразно включая в свой опыт идентификационных практик формальные и неформальные элементы разных образовательных форм и услуг. Таким образом, институты образования выдвигаются в число самых важных центров объединения интересов молодых. Относительная открытость институтов образования западных стран, активное проникновение образовательных технологий через средства массовой информации, в том числе через Интернет, перспективы работы за рубежом в масштабах глобального рынка делают канал образования мощным стимулом в объединении активного поиска, нового опыта, о чем речь шла выше.

Таким же важным институтом, где концентрируются объединительные групповые тенденции, является сфера музыкальных интересов. Институты музыки и музыкальной культуры проявляются на социетальном уровне и моделируют ныне жизненный мир

молодежи. Диско-культура, рок-культура, панк-культура, поп-культура, техно-культура имеют не локальную, а планетарную распространенность. В своем функционировании они обнаруживают специфические формы проявления в различных странах и в разных регионах одной страны. Музыкальная культура отражает противоречивые тенденции как самого жанра, так и социальных настроений. Она интегрирует разные молодежные слои и одновременно дифференцирует их. Быстрое появление и распад молодежных музыкальных групп и их слушателей зависит от эмоциональных настроений, художественных, нравственных и позиционных установок разных подгрупп. В целом музыкальная культура как институт формирует стиль жизни, уравнивая эмоциональную и рациональную стороны проявления жизни, в то же время является способом ухода от социума, формой жизни в локальной общине.

Символическим выражением объединений молодежных подгрупп можно считать разного рода идентификационные практики. Самоидентификация – это способ саморефлексии, отражение значимости тех или иных ценностей и принципов, характерных для группы и отнесение себя к определенной социальной общности. Общности «советский народ» уже нет, но ценности, сформированные в рамках этого государственного образования, продолжают инерционно существовать и даже воспроизводиться через родительское поколение. Гражданская идентификация, как и любовь к Родине, формируется не по паспорту, а через систему представлений, взглядов, убеждений, вселяющих уверенность в значимости личностной деятельности для государства, в его способности создать необходимое качество жизни, защитить интересы отдельного человека. Социальный смысл гибели идентификации состоит в том, что прошлый мир для человека и человек для самого себя перестают быть упорядоченными, понятными и значимыми. В этом случае поведение индивида не подчиняется и не отвечает более институциональным требованиям и нормам. Прошлое превращается в набор событий и фактов. Исчезает будущее, поскольку прошлое (опыт работы, система связей, принципы формирования карьеры) не работают на будущее.

Социокультурные основания молодежных объединений и солидарностей определяются через основные системы ценностей,

языковую компетентность и языковые ориентации; типы времяпрепровождения, любительские и художественные интересы. Культура превращает социальный опыт поколений в индивидуальный опыт, т. е. в процессе воспроизводства культуры происходит формирование индивидуальности человека: во-первых, путем отбора тех или иных ценностей культуры из всего предоставленного многообразия смыслов, видов, форм и т. д. Во-вторых, степень их освоения, «преломления» может быть различной, как могут быть различными и их интерпретации.

Именно интериоризированные ценности культуры формируют ценностные ориентации и приоритеты, определенный тип человека. Основатель Уральской социологической школы Л. Н. Коган отмечает, что «специфическая сущность состоит ... в том, что культура призвана формировать человека. Этот тезис надо понимать двояко: с одной стороны, культура формирует некий тип личности, соответствующий данной культуре. С другой стороны, культура формирует и каждую отдельную личность как неповторимую индивидуальность, которая соответствует тому или иному типу личности и одновременно отличается от него» [17, с. 58]. В результате отобранные, освоенные и интегрированные ценности культуры в деятельности конкретного человека могут иметь различные проявления. Данный момент позволяет нам приблизиться к пониманию механизма формирования мировоззрения конкретного человека, его ценностных ориентаций, его смысложизненных установок, которые проявляются в его деятельности.

Вопросы к главе 2

1. В чем заключается специфика социокультурного периода в изучении культуры?
2. Назовите объект и предметное поле социологии культуры.
3. Перечислите функции социологического знания по Г. Е. Зборовскому.
4. Соотнесите понятия: культура, субкультура, контркультура, антикультура.
5. Перечислите функции культуры в обществе.

Глава 3. Актуальная культура

Данная тема глубоко раскрыта в работах профессора кафедры социологии и социальных технологий управления, доктора социологических наук Валерия Трофимовича Шапко. Отдавая дань памяти разработчику теории актуальной культуры и научному руководителю, в этой теме мы воспроизводим его статью «Феномен актуальной культуры» [18, с. 93-104] с некоторыми купюрами.

Понятие «*актуальная культура*» еще практически не получило гражданства. В нашей культурологической литературе оно почти не употребляется (за исключением буквально нескольких публикаций) [19]. В чем особенность этого понятия? Что оно может дать для более полного, глубокого понимания культуры, для анализа социокультурных ориентаций россиян?

В отечественном общественном знании термин «*актуальная культура*» начинает использоваться в 1970-х годах. Но его эвристичность выявилась позднее, в связи с интенсивными исследованиями по теории и социологии культуры. Правда, эти исследования породили своеобразный гносеологический парадокс: сущность культуры, ее инвариантные черты становились все более неуловимыми, как бы растворяясь в многообразии ее форм и проявлений.

Культура – есть *качественная характеристика человеческой деятельности* во всем многообразии ее видов, форм, способов и результатов. Она – «сквозная» общественная система, как бы пронизывающая все общество, все его сферы и структуры. Многообразие проявлений культуры соответствует многообразию человеческой деятельности. Но еще более значима ее *гуманистическая, человекотворческая* грань. В этом смысле она есть человеческое, личностное измерение истории, выражение изменения самого человека в ходе исторического развития, процесс и мера самоопределения и самореализации человека. Она – средство социализации человека. Но процесс социализации в ходе освоения культуры реализуется как индивидуализация личности – обретение и проявление ее уникальности, неповторимости. Культура тесно связана со свободой человека. Она освобождает его от шаблонов и стереотипов, придает деятельности человека характер свободного самовыражения. И – в то же время – воспитывает ответственность,

способность к внутреннему, нравственному ограничению, без чего свобода легко превращается в своеволие, вседозволенность. Являясь необходимым условием свободы, индивидуального многообразия и выбора, культура в то же время и *нормативная система*. Ее нормы – ожидания и требования общества к человеку (от норм повседневного поведения до норм права и морали, до общепринятых стандартов поведения, деятельности).

Культура *опредмечивает* духовное богатство человека, его способности, знания, умения и привычки, которые в процессе творчества воплощаются в ценности культуры. Но само *творчество* возможно лишь тогда, когда личность *распредмечивает (осваивает)* уже существующие ценности культуры. И тем самым – *творит, меняет и обогащает себя*. Творчество личности разворачивается не только вовне, оно есть и самоизменение.

Культура – общечеловеческое явление. Она вбирает и аккумулирует созданное в разные эпохи, в разных странах и цивилизациях. То, что выдерживает испытание временем, приобретает характер общечеловеческих ценностей культуры. Но любая из них несет печать творца, эпохи, национальных особенностей. Возникает серьезная проблема. Множественность конкретных форм существования культуры – и исторических, и современных – означает: есть культура и есть культуры.

Анализ *«актуальной культуры»* лежит в иной плоскости, чем выделение указанных видов культуры. В чем-то его методология соотносима с анализом народной, демократической культуры. Эти понятия имеют двойственную природу: отражают качественную сторону культуры и характеризуют определенный класс явлений культуры. Актуальная культура может быть выделена как качественная характеристика культуры, как ее *временная константа*. Соответственно культура предстает как процесс, непрерывное изменение, сложное взаимодействие *традиций и новаторства, преемственности и изменений*. Происходит постепенное обновление культуры. В то же время что-то в ней устаревает, отходит в прошлое, представляя музейную ценность. Для обозначения тех ценностей культуры, которые реально функционируют в данном обществе и в данную конкретную эпоху, используется понятие *«актуальная культура»*. Оно позволяет отделить «живую», находящуюся в реальном обращении культуру, от культуры «не востребованной» в

данный период. Специфическая особенность актуальной культуры – в ней выражено деятельностное, функционирующее начало культуры. Она – «*наличная культура*», выражающая в масштабе общества массовое, типичное, господствующее.

В этом смысле представляют интерес размышления К. Маннгейма о взаимоотношении господствующей культуры и субкультур: «Субкультуры, хотя и возобновляются постоянно в истории, все же выражают процесс приспособления к господствующей культуре... Следовательно, субкультуры интересны только тем, что выражают некое преходящее отклонение от магистрального пути» [20, с. 86].

Такой подход к выделению актуальной культуры соотносим с выводом Ф. Тенбрука: «Культура является общественным фактом постольку, поскольку она является репрезентативной культурой, т. е. производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает все верования, представления, мировоззрения, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они активно разделяются людьми, либо пользуются пассивным признанием» [21, с. 49].

Для понимания актуальной культуры значимо и проводимое в литературе разграничение «*культуры*» и «*культурного наследия*»: «Культурное наследие ...есть не что иное, как опредмеченная, овеществленная культура. Оно не участвует непосредственно в воспроизводстве общественной жизни, хотя при определенных условиях может быть распредмечено и вплетено в живую ткань человеческих отношений. Сказать заранее, какие именно элементы культурного наследия обретут в тот или иной момент новую жизнь и обретут ли они ее вообще, невозможно» [22, с. 39].

Но актуальная культура не может быть ограничена лишь культурными ценностями, которые имеют современное происхождение. Напротив, именно ценности культуры, способные преодолеть испытание временем, несут на себе печать вечного, непреходящего. И потому они способны оказать воздействие, вызвать живой отклик у людей во все времена, в том числе и в настоящем времени, составляя *ядро актуальной культуры*. Как это ни покажется парадоксальным, ценности культуры прошлого, созвучные настоящему, с большим правом могут быть отнесены к актуальной

культуре, чем многие явления культуры, имеющие современное происхождение. Глубокий смысл приобретает вывод Ю.М. Лотмана: «актуальность в развитии экономики, техники и актуальность развития искусства имеют, видимо, совсем разные значения, поскольку речь идет об ориентации на разную временную дистанцию. В свое время под «актуальностью» мы часто понимали лишь соответствие лозунгу дня... В культуре особенно заметно, если мы ради представляющихся нам злободневными задач, разрушаем или наносим ущерб далеко идущим культурным целям и нашим культурным богатствам. А что станет необходимым для наших внуков и правнуков? Угадать сложно. Отсюда главный вывод: необходимы бережное отношение к историческому наследию и постоянная мысль – не все, что сейчас мы понимаем, есть конечная истина, и что всякое классическое наследие еще будет раскрываться» [23, с.2].

Необходимая исследовательская процедура – *анализ структуры актуальной культуры*. Вопрос этот мало изучен. Попытки такого анализа были предприняты в ряде более ранних публикаций автора [24, с. 18]. Более глубокий и детальный анализ реализован в работах Л. Н. Когана [25, с. 15]. В частности, выделяется 5 слоев актуальной культуры:

- общечеловеческие, непреходящие ценности. Этот слой сравнительно невелик по объему, имеет интернациональный характер;
- национальная классика. В других странах она менее известна широким массам, являясь достоянием преимущественно специалистов;
- произведения культуры прошлого и современности, поддерживаемые одними культурами (направлениями, школами), но отвергаемые другими;
- «культурный поток» – самый широкий, непрерывно меняющийся слой. В нем могут оказаться и замечательные произведения, которые со временем могут стать классикой, но основная масса его произведений обречена на забвение, причем часто довольно быстрое;
- ранее «не востребованные» ценности, которые обогнали свое время и лишь сейчас получают аудиторию.

Границы между этими слоями условны и подвижны. В своем единстве они и составляют актуальную культуру. Представляется, что этот плодотворный подход к структурированию актуальной культуры может быть дополнен и развит. Прежде всего за счет выделения двух взаимодополняющих оснований структурирования.

Одно из них – *по масштабу культурных ценностей и норм*: общечеловеческие; общецивилизационные; общенациональные; субкультурные.

Другое основание – *по способу существования явлений культуры в качестве актуальных, по способу их вписывания в настоящее время, эпоху*: вечные, непреходящие ценности культуры, классика; архетипы национальной культуры («способы ориентации в основных, наиболее важных проблемах бытия» [26, с. 97-110]); «культурный поток».

Структурирование актуальной культуры не является линейно-прогрессивным. К ней не относится то, что лишь вызревает в настоящем. Оно уже есть в действительности, но еще не укоренилось и как феномен культуры носит потенциальный характер. И напротив, явления актуальной культуры могут «забываться», уходить из нее и снова возвращаться – отвергаемое одним поколением может быть воспринято в изменившихся условиях другим; опередившее свое время – по-новому, заслуженно оценено в дальнейшем. Актуальная культура выступает как инвариантный компонент, овладение которым возможно и необходимо для каждого, чтобы быть в состоянии «войти» в современную культуру.

Нередко предлагается выделять явления актуальной культуры (и соответственно описывать ее границы) *по критерию соответствия их тем или иным социальным потребностям*. Такой подход созвучен представлениям о культуре как совокупности положительных, прогрессивных ценностей. Но тут сразу же возникает проблема субъекта оценки – кто будет определять, в каких ценностях культуры общество или отдельные социальные группы испытывают потребность? Недавний опыт нашей истории показывает, к каким негативным последствиям может привести произвол и субъективизм таких оценок. Однако необходимо видеть и стоящую за этим серьезную методологическую проблему. Долгое время наше общественное сознание довольно пренебрежительно относилось к миру *реальных* явлений, ориентируясь преимущественно на

умопостигаемые *сущности*. Разумеется, целью науки является постижение сущности. Но можно ли постичь ее, минуя анализ на уровне явлений? Сегодня причина этого достаточно ясна – действительность, мир явлений во многом не соответствовали (да и сегодня не соответствуют) умозрительным сущностям, и познание – в обход «неправильной» и «неудобной» реальности – устремлялось напрямик к сущности.

Заслуживает специального анализа *проблема соотношения и взаимодействия различных структурных элементов актуальной культуры* в различных видах и сферах культуры. В каждом виде культуры есть своя актуальная культура, доступная для каждого и необходимая для всех, отличная от профессиональной культуры.

В сфере художественной культуры, в частности, соотношение классики и «культурного потока», массовой культуры более сложно и противоречиво, чем это может показаться на первый взгляд. Да, классика актуальна всегда, но... Происходит парадоксальное явление. «Высокая» литература весьма идеологизирована и осложнена чисто интеллигентскими проблемами. В то же время существуют жесткие требования лояльности к стандартам высокого и вечного. Поэтому в сегодняшних реальных условиях она («высокая» культура в целом) зачастую оказывается ретроспективной, ориентированной на прошлое, на школьные шаблоны и имена. И ощущается читателем (по крайней мере, молодым) как чужая для него, несвоевременная и неуместная – неактуальная.

Напротив, *массовая культура* становится источником норм и образцов поведения, средством массовой психотерапии. Она выполняет в обществе сложные функции адаптации людей к изменениям. И в этом смысле она приобретает качество актуальной культуры, так как представляет собой репрезентативную, наличную культуру. Разумеется, она не всеобъемлюща. Но она – часть актуальной культуры, и с этим нельзя не считаться.

Основной читатель и зритель сегодня (по данным социологических опросов) – женщина. Массовая культура и сориентирована на нее как главного потребителя. А все, что связано с женским началом, имеет преимущественно аффективный, эмоциональный характер. Это со всей очевидностью обнаруживается при анализе аудитории телесериалов, от которых ждут сильных и напряженных эмоций и психологической разрядки. Не случайно

исследователи подчеркивают: «Восприятие сериала никогда не ограничивается только сюжетной линией. Его направленность иная: представить и отстоять в условиях нормативно-нравственного хаоса некую систему ценностей традиционного сознания, придать этим ценностям вид вечных, вневременных регуляторов. А с другой стороны, тех рецептов житейской мудрости, которые только и могут, проводя человека по лабиринтам его нелегкой судьбы, привести его к счастью и наделить эти бедствия смыслом» [27, с. 81]. Но главное, видимо, в том, что массовая культура «оперирует именно архетипами. В этом ее парадоксальное сходство с высшими творениями гениальных художников» [28, с. 81]. Ясно при этом, что переходное состояние общества, его нестабильность и кризисность благоприятствуют *мифологии*, актуализации массовой культуры.

Одна из функций «живых» мифов – увековечить обозначенную в мифе систему социальных ценностей в меняющемся мире. Исторически изменчивое и социально ограниченное предстает в них как естественное и вечное основание жизни.

Ситуация такова, что именно в этом нуждается сегодня наше общество (или многие в нем). Вопреки всем демократическим и цивилизационным преобразованиям население некогда великой державы стремится сохранить право считать прожитую жизнь не лишенной смысла. Это напряжение в культуре разряжается мифами, освобождающими энергию сопротивления коллективного бессознательного социальному хаосу.

Однако важно видеть и другую сторону этих процессов. Когда культура начинает выполнять функцию распространения «*модернизационных образцов*» – моделей поведения, норм и стереотипов западного образа жизни, а также механизмов адаптации людей к ним, происходит качественное понижение культурного уровня. Истончается слой культуры в ее «высоких образцах». Культура, по выражению Н.А. Бердяева, «переходит в цивилизацию», становится массовой, коммерциализуется. Происходит «кризис культуры», который мы и наблюдаем сегодня. Деиерархизация культурных ценностей (по сути – фактическое понижение качества культуры) выдается за рост многообразия культуры. Классическая модель культуры перестает занимать монопольное положение в качестве "официальной" культуры, образцы которой распространялись повсеместно. Она сменяется видимым

многообразием культуры. Но не возникает и реальный полистилизм. «Модель классической культуры в качестве официальной идеологии» замещается «сциентистской моделью культуры» [29, с. 129-130].

Сказывается и изменение способа «вхождения» современного человека в актуальную культуру – в условиях НТР. Как отмечает Г. Киссинджер, «сегодня мы переживаем новую революцию. Мы можем приобрести любые знания, не имея необходимости изучать что бы то ни было: если вы умеете пользоваться компьютером, он сообщит вам все, что вы хотите узнать... Сейчас люди приобретают знания скорее с помощью зрительной памяти, чем работы мозга» [30, с. 46]. Как следствие – широкое распространение аудиовизуальной культуры, «виртуальной реальности». Утверждается ориентация «лучше сто раз увидеть, чем один раз подумать».

В этих условиях особую значимость приобретают дискуссии об актуализации классики в рамках современной культуры. Примечательна и позиция современного исследователя культуры: «Вечное в искусстве не может существовать вне временного и независимо от него; оно проявляется только во временном и через временное, как бы "просвечивает" в нем и делает само временное вечным» [31, с. 22].

В социологическом плане нужно учитывать и такой аспект «культурного потока» – формирование вкуса массового читателя. Способность «текущей литературы» «прикоснуться к болевой точке своего времени оказывает немалое влияние на правильные представления общества» [32, с. 254].

В сфере науки, где более отчетливо выражен линейный характер развития, актуальность прочно связана с современностью, с последними (и, как правило, самыми эффективными) методологиями, методиками, технологиями исследования. Актуализация в науке связана со сменой научных парадигм. Научная классика служит в основном предпосылкой актуальной культуры в науке. Более того, *современная научная парадигма* связана с отказом от универсалий науки классического периода и рядом авторов определяется как *постмодернистская*. В социальном познании эти процессы (особенно в нашей стране) идут с отставанием по сравнению с естествознанием. Однако и здесь происходят впечатляющие сдвиги. Смена парадигмы социального *познания* началась не сегодня, но во многом продолжает определять современную познавательную ситуацию. Что же

переосмысливается и подвергается критике? Из многообразия высказываемых мнений выделим две позиции.

В рамках одной из них – сегодня подвергается сомнению «вера во всевластие человеческого разума, в объективность универсального миропорядка и основанный на этой вере идеал классического социального знания – универсальная концепция и соответствующие ей критерии научности» [33, с. 13].

В рамках другой – говорится о переосмыслении основных принципов классического обществознания: *монизм; фундаментализм; элементаризм; редукционизм* [34, с. 37-39]. Современный исследователь социокультурных процессов приступает к их изучению, не имея надежных методологических гарантий. Постиндустриальное общество лишено единого основополагающего центра, вокруг которого вращается вся социальная жизнь. Оно меняет центры своего притяжения и отличается подвижностью связей и зависимостей. Это требует изменения привычных установок социального познания и утверждения новых:

- отсутствие инвариантных базисных истин для объектов различных классов (неадекватность единых критериев истинности по отношению к любым утверждениям);
- мозаичность, гетерогенность современных объектов познания;
- смена тактики выбора базисного основания;
- приоритет индивидуального над целокупным [35, с. 47].

В рамках стохастической картины мира субъект и его деятельность могут быть описаны понятиями *нелинейность, сложность, вероятностный характер событий, их принципиальная непредсказуемость в точках бифуркаций* [36, с. 10].

В современной науке нарастает критика фундаменталистских воззрений. Речь идет о кардинальной смене научной парадигмы и даже *о качественно различных эпохах в развитии науки* (традиционной, фундаменталистской и современной, антифундаменталистской).

Еще в начале XX в. П. Валери предупреждал: «Две опасности не перестанут угрожать миру: порядок и беспорядок» [37, с. 111]. Конечно, общество всегда испытывает страх перед беспорядком. Очевидно, что многих россиян сегодня более всего пугает нарастающий социальный хаос, увеличение дезорганизованности,

вызванное разрушением привычных социальных связей, непредсказуемость кризисных ситуаций. Но не меньшую опасность для общества представляет и порядок – жесткий порядок тоталитарной системы. Он строится на подавлении элементарных проявлений свободы и самостоятельности, автономности индивидов, на порабощении человека на индивидуальными структурами.

Теория самоорганизации показывает несостоятельность идеи полного и всеохватывающего контроля над социальными процессами. Управляющее воздействие со стороны субъекта лишь включается в процесс социальной самоорганизации. Оно вносит коррективы в этот процесс, но никогда полностью не подчиняет его. Включение субъекта управления в социальный процесс, его воздействие может внести и дополнительную степень неурегулированности, хаоса. Прямое управленческое воздействие, даже успешное по каким-то параметрам, может увеличить степень дезорганизации по другим параметрам. *Синергетика*, теория самоорганизации убедительно показывает, что некоторая доля хаоса, стихийности, неопределенности – это не зло [38, с. 97]. Напротив, это – конструктивный фактор в процессах самоорганизации социальной среды.

Социокультурная сфера является одной из областей нового синергетического прочтения. Пока такое прочтение – на уровне самых общих методологических подходов, а не конкретных прогнозов. Но и такой уровень может быть полезен. Действительно, социальная сфера представляет собой постоянное столкновение необходимых и случайных явлений. В ней возникает множество нестабильных, неустойчивых процессов, действуют синергетически неравновесные социальные институты. Задуманное и спланированное часто при осуществлении оборачивается прямо противоположным, начинает развиваться иначе, подчиняясь каким-то своим самоорганизационным началам, своей логике.

Синергетика позволяет по-новому взглянуть на субъективное и случайное в социокультурной деятельности, осознать, что случайность – не побочное вторжение, а существенное условие развития социокультурной жизни. Случайное оказывается не просто формой проявления необходимости, предопределенности, а самостоятельным свойством, конструктивным элементом социальной жизни.

В современных условиях должна измениться и *методика предвидения будущего* – общества, культуры, актуальной культуры. Ясно, что возможности научного, жестко детерминистского прогноза весьма ограничены. Более плодотворной является сценарная методика предвидения будущего, анализ различных альтернатив, сравнение степени их вероятности.

Синергетическое понимание культуры (актуальной культуры) должно включать ее осмысление как многоуровневой системы, в которой решение проблем на макроуровне могут и не перестроить всю систему. Недооценка этого особенно опасна при осуществлении глубоких социальных преобразований.

В современном мире (в том числе и в России) исследователь культуры имеет дело с сосуществованием разных детерминант. По данным опросов, многие россияне определяют свою социальную удовлетворенность по критериям реализации их материальных интересов, успешности (или нет) экономических реформ. Но существует немало и тех (индивидов или социальных групп), для кого культура – более важный способ национальной идентичности, чем общность территории, экономика и т. д. Словом, социолог-культуролог оказывается в ситуации, описанной И. Пригожиным применительно к новейшему постклассическому естествознанию: «неустраняемая множественность точек зрения на одну и ту же реальность означает невозможность существования божественной точки зрения, с которой открывается вид на всю реальность» [39, с. 97]. Прежде экспансия естественно-научного рассудка состояла в стремлении распространить генерализацию на сферу наук об обществе и культуре. Сегодня, напротив, естествознание все больше интегрирует индивидуализирующую установку наук о культуре, ставя в центр понятия уникальности, органической деятельности, антропности.

Новая эвристика (*неклассический взгляд на социокультурную действительность*) ориентируется на новые регуляторы, предписания: *плюрализм; полиэкранность; ипостасность; холизм; синергизм; дополненность; релятивизм; нелинейность* [40, с. 39-42].

Облегченно-оптимистический взгляд классического обществознания сменяется на более реалистический. Социальный мир, мир культуры вновь видится непонятным, заколдованным. Неклассические методологии не противопоставляют

специализированное (теоретическое) знание здравому смыслу. Центр тяжести с анализа «оснований» и «клеточек» переносится на изучение жизненных проявлений, человеческого взаимодействия.

Описывая новые, неклассические методологии в науке и новые стилистические особенности в художественной культуре, многие авторы используют понятие *«постмодернизм»*. Речь идет не просто о формальных поисках андеграунда в поэзии и изобразительном искусстве, а о важном компоненте актуальной культуры конца XX в. Справедливо мнение: «Новая ситуация связана с умонастроением, которое называют постмодернизмом. Однако представляется, что это более широкое культурное течение. Оно связано с жизненным миром человека: повседневного, массового, архетипического... В конечном счете речь идет об отказе от принципа подчинения. Это – отказ делить людей на творцов и мещан, не способных получить доступ в мир высших ценностей» [41, с. 145]. Происходит возврат к нормальному звучанию человеческого голоса, к обычной жизни – без помпы и парада... Исчезает образ жреца искусства, как исключительной личности, противостоящей толпе, обывателям. Постмодернизм стирает оппозицию между *элитарной и массовой культурой*.

Среди важнейших свойств постмодернизма можно выделить *симуляцию*, производство реальности, когда телевидение воспроизводит событие, которое осуществляется специально для того, чтобы ...телевидение могло его воспроизвести. Еще одна характеристика постмодернизма – он «расстается с большими идеологиями, претендующими на целостность, и переводит культуру в состояние идейной эклектики и фрагментаризма» [42, с. 171]. Сказывается реакция на «идейность», «идеологичность» классического мировидения. В постмодернизме выражено понимание: все ужасы жизни не так страшны, как выдуманные совестью и разумом идеи. И это заставляет подвергнуть дешифровке любые общепринятые смыслы. «Полифония», «разнородность» и «локализм» постмодернизма противостоят стремлению к глобальным проектам и трансформациям, реализующимся сверху и за счет тех, кто лишен возможности изложить свою точку зрения [43, с. 13].

Постмодернистское мировидение – лишь часть сегодняшней актуальной культуры, причем отличающаяся значительной рефлексированностью и рафинированностью. Но это связано с более

глубокими социокультурными причинами. Мир становится слишком сложным, сложность очень быстро нарастает. Сбывается прогноз О. Тоффлера, высказанный еще в начале 1970-х годов. Быстрое возрастание сложности общества опрокидывает классическую эстетику и классическую науку. Как отмечает Г. Померанц: «Достаточно сложным был и мир Чехова, но эта сложность еще не ошеломяла, не сбивала с ног... А потом новое повалило в таком темпе, что уравновешенное сознание не выдержало» [44, с. 27]. Обнаруживаются пределы человеческих возможностей. И не только в связи с конечностью и исчерпаемостью ресурсов, но и в собственно человеческом смысле. Оказывается – не все проблемы (в точном понятийном смысле этого слова) имеют решение, во всяком случае – эффективное и легитимное. Все это создает общий фон, на котором формируется актуальная культура современной *молодежи*. Конечно, экзистенциалистские установки о необходимости борьбы с миром абсурда (хотя эта борьба и безнадежна) чужды молодежному сознанию. Но в адаптированном виде они не могут не вписываться им.

Применительно к личности актуальная культура есть выражение драматического противоречия – между абстрактной возможностью человека *распредметить любые ценности культуры в любом количестве* и реальной возможностью *осуществлять это в весьма узких количественных границах*. Если учесть многочисленность явлений культуры, которое уже есть и продолжает стремительно увеличиваться, становится ясно: реально человек может освоить лишь мизерную часть их. В отношениях личности и культуры имеется противоречие и на качественном уровне – между принципиальной возможностью *сколь угодно глубоко и всесторонне осваивать любые – сложные, непреходящие, вечные – ценности культуры* и реальными возможностями конкретного человека.

И тут актуальная культура связана с фундаментальной проблемой человеческого бытия – *проблемой выбора*. На первый взгляд актуальная культура выступает как социокультурный механизм, облегчающий такой выбор. Конечно, она выполняет такую функцию – прежде всего в силу своей *нормативности*. Актуальная культура как бы определяет тот минимум культурности, которым должен обладать каждый современный человек. Но актуальная культура и обостряет проблему выбора, его необходимость. Другое

дело, что в различных типах актуальной культуры характер выбора, его структура, способы и цели – различны.

Проблема выбора и отбора культурных ценностей и образцов поведения в актуальную культуру связана с тем, *кто и как производит отбор*. В тоталитарном обществе роль верховного духовного арбитра присвоила себе правящая партия. Официальная господствующая культура стремилась занять все поле актуальной культуры. И решающим критерием отнесения того или иного культурного явления к актуальной культуре был классовый идеологический подход (в рамках и теории, и практики управления). Это относилось и к отечественной культуре прошлого, и к различным явлениям современной мировой культуры, особенно культуры буржуазного общества. Конечно, несводимость культуры к классовым, идеологическим явлениям исследователям да и просто людям, интересующимся проблемами культуры, была ясна давно. И все-таки приоритет классовых ценностей, ориентация на формирование типа личности, нужного классу или обществу, долгое время рассматривались как важнейший принцип и признак определения актуальной культуры. Смена приоритетов во всех сферах жизни общества, выдвижение на первый план общечеловеческих ценностей позволило изменить критерии актуальной культуры.

Важно по-иному осмыслить и *связь актуальной культуры с развитием личности* – не формирование личности по жестко заданной модели, социально-классовому шаблону, а создание поля свободы, свободного выбора, свободной деятельности. Применительно к такому подходу более точным было бы *понимание свободы как проявления возможностей, поля возможного выбора*. Соответственно и нормативность актуальной культуры предстала бы не жесткой системой внешних предписаний, а процессом своеобразного превращения идеала, внутренне принимаемого человеком в образец, а образца в норму.

Нормативность актуальной культуры – одна из сложнейших и противоречивых ее характеристик. Актуальная культура – некий инвариант, обязательный для личности социокультурный минимум. Именно актуальная культура выступает по отношению к личности инструментом социализации и индивидуализации, концентрируя в

себе социокультурные требования социума и группы к человеку. Но это и порождает ее внутренние противоречия:

- как совместить нормативность со свободным сотворческим характером потребления культурных ценностей, со свободным выбором личности в мире культуры?

- если актуальная культура многослойна, дифференцирована, то могут ли быть едиными требования социума к культуре конкретной личности?

Многоуровневость, иерархичность структуры актуальной культуры предполагает различную жесткость требований к личности. В рамках разграничения по признаку «непреходящее – проходящее» наиболее жесткие требования к личности – по поводу вечных, непреходящих ценностей. Напротив, в рамках «культурного потока» степень жесткости минимальна. Здесь требования скорее не к тому, что именно личность выбирает. На первый план выходит обязательность приобщения к культурному потоку и значимость самостоятельности, осознанности, личностности этого выбора.

Еще сложнее ситуация в рамках разномасштабности актуальной культуры. С одной стороны – можно ли быть культурным человеком без освоения общечеловеческих ценностей актуальной культуры, родовых, универсальных способов человеческой деятельности? В известном смысле вопрос этот – риторический. Эти ценности – родовые, общечеловеческие и потому обязательны для культурного человека. Если же они не освоены личностью, то это, что называется, факт ее биографии. Понятно, что и здесь невозможно объять необъятное и необходим какой-то отбор, выделение «основ» начал. Этот же подход может быть использован и по отношению к общецивилизованным и общенациональным ценностям. Но тут мера разнообразия усиливается. Значительно возрастает плюрализм актуальной культуры на уровне различных социокультурных групп, субкультур. Но при этом именно требования (и нормативность актуальной культуры) на уровне группы могут быть предельно жесткими, идентифицирующими принадлежность к данной группе. Если же личность не готова или не способна принять многие из этих групповых требований, то она оказывается за пределами данной группы. Отсюда – распространенность в духовной жизни общества «маргиналов» (порвавших с одной культурой, но не освоивших

другую) и «изгоев» (попавших в своеобразные «ниши» между разными культурами).

Культура любого – даже минимально дифференцированного и структурированного – общества наряду с общезначимыми нормами и ценностями содержит и множество специфицирующих. Любая культура предстает как система различных субкультур. Идентично и положение с актуальной культурой: «единой актуальной культуры в обществе не было и нет. В каждой из систем культуры общества есть своя актуальная культура» [45, с. 64].

Сегодня процессы *дифференциации* преобладают не только в реальной жизни, но и в подходах к различным социокультурным явлениям. Так, в современной российской культуре исследователи выделяют *субкультурные подсистемы* по различным основаниям. Одно из них – *ценностное, ментальное* [46, с. 21]:

- высокая интеллигентская субкультура, развивающая традиции элитарной культуры;
- «советская культура», основанная на привычке людей старшего поколения к патернализму и уравниловке;
- субкультура либеральных ценностей, охватывающая часть молодежи, предпринимателей, интеллигенции;
- комплекс маргинальных субкультур низов, их объединяет преимущественно тоталитарный подход к личности и «окопная» психология.

В результате деградации системы советских культурных ценностей образуется социокультурная ниша, за заполнение которой идет борьба между "западной" и "маргинальной" субкультурами.

Представляется, что такой подход продуктивен и реалистичен. Он позволяет более четко *соотнести субкультуру и актуальную культуру*. На наш взгляд, различие между ними не столько предметное, сколько функциональное. Субкультура (в частности, молодежные субкультуры) выражает специфические особенности культурного бытия данной группы, имеет идентифицирующий, специфицирующий характер. Актуальная культура (в том числе и молодежная) отражает всю полноту репрезентативных, наличных норм и ценностей, не только специфических, но в первую очередь – принимаемых группой. Поэтому она более сложна и многогранна, чем субкультура. Так, конкретное поколение молодежи выбирает

систему своих ценностей из актуальной культуры общества, а не создает каждый раз какие-то специфически молодежные, особые. В этом смысле анализ актуальной культуры молодежи – это не поиск особых молодежных культурных явлений и ценностей, сколько попытка выяснить и понять, какие культурные ценности принимает молодежь (учитывая и ее социальную неоднородность).

Вопросы к главе 3

1. Перечислите слои «актуальной культуры» по В.Т. Шапко.
2. Проанализируйте степень их представленности в современной социокультурной реальности.
3. Проанализируйте функции и дисфункции массовой культуры в современном обществе.
4. В чем специфика постмодернизма?
5. Соотнесите понятия «актуальной культуры» и «субкультуры».

Глава 4. Основные тенденции и противоречия современной культуры

Социально-экономические преобразования, происходящие в современном российском обществе, неразрывно связаны с переоценкой традиций, идей и взглядов. В настоящее время в России идет поиск новых смысловых ориентиров, способных придать ее обществу устойчивость и стабильность. Актуальность исследования культуры общенаучными и социологическими методами несомненна: высокая степень динамизма культурных процессов в обществе детерминирует анализ состояния актуальной культуры, методы социологии позволяют зафиксировать в актуальной культуре существование различных ценностных моделей, проанализировать оценку состояния культуры, перспективы развития культуры, а следовательно, и общества. Культура современного российского общества и соответственно состояние современного этапа развития общества противоречива, амбивалентна, «полистилистична» (термин Л. Г. Ионина). По мнению С. Н. Иконниковой, множественность структур создает «мозаичную» картину культурной жизни. Социология культуры «воссоздает» эту многогранность, выявляет динамику их развития, причины консолидации или распада, растворения в общих тенденциях или кристаллизации новых ценностей. Важным направлением в социологии культуры является изучение культурных последствий таких процессов. Социология культуры дает возможность представить типологию личности в зависимости от отношения к сложившейся общественной ситуации.

Анализ современной литературы позволяет сделать вывод о единообразии мнения авторов относительно кризисного состояния современной российской культуры, переходного этапа от культуры, соответствующей авторитарному обществу, к культуре, соответствующей демократическому обществу. Российское общество находится в состоянии аномии, т. к. ядро ценностей авторитарной культуры разрушено, а новое только складывается, идет поиск различных ценностных моделей и вариантов. Одновременность существования разных типов и видов культуры способствует восприятию современного этапа российской культуры как кризиса и распада.

«XX век рассматривается как переломный момент в развитии человека и человечества и создании новых форм культуры. Это – кризисная эпоха, выражающая переход от старого к новому, причем в высшей стадии этого перелома, переходящая в разрушение старого. Культура XX века – не первая переломная неклассическая эпоха, эстетические, этические ценности которой были поставлены под сомнение. Но культура XX в. характеризуется переломом, сдвигом во всех сферах жизни: начиная от науки и техники, революционных сдвигов, военных и политических баталий, охватывающих масштабные территории до кардинальных изменений в искусстве и нравственности человека... Культура XX в. имеет множество направлений. Можно говорить о плюрализме, мультикультурной реальности...» [47, с. 207-209]. Л. И. Михайлова выделяет признаки такого состояния и анализирует причины:

«Кризис культуры является отражением современного состояния общества, фактов экономической и политической жизни страны. Он проявляется в противоречивости социокультурных ориентаций людей и обусловлен рядом обстоятельств.

Во-первых, идеалы социалистического общества и коммунистического будущего утратили свою силу и значимость в обществе. Разочарования в прежних идеалах усугубляются отсутствием новых, объединяющих людей в обществе и являющихся своеобразной целью достижения.

Во-вторых, кризис культуры обусловлен разрушением идеала единой социалистической культуры.

В-третьих, наблюдается нравственный кризис значительной части общества. Он выражается в смещении понятий добра и зла, долга, чести, совести, достоинства и др.; в притуплении чувств стыда, сострадания, любви, дружбы, товарищества; в изменении смысла и характера межличностного общения с великодушия и щедрости на практически выгодные; в возрастании значимости индивидуалистических ценностей с эгоистической направленностью. Уходит в прошлое тип нравственности, связанный с общественно значимой направленностью, и такие ценности, как стремление быть полезным людям, обществу. Формируется новый тип нравственности, в котором на первое место выходят индивидуалистические материальные ценности, связанные с обогащением и потреблением.

К четвертому признаку, свидетельствующему о кризисе культуры, можно отнести социальные нормы, переставшие быть барьерами, нарушение которых ведет к осуждению и наказанию.

Распад авторитарной системы позволяет обществу ориентироваться на индивидуально-личностные ценности, но в то же время снятие всех запретов приводит к своеобразному беспределу. Широкие слои и группы населения с различными ориентациями становятся новыми субъектами культуры, демонстрирующими свои культурные и общесоциальные ориентации. При этом важную роль играют слои и группы, уже не ориентирующиеся на прежние механизмы социокультурного регулирования, но для которых и новые еще не стали значимыми. Социальные институты, особенно средства массовой коммуникации, не учитывают их особенностей и задают новые ценности, не соотнося их с фундаментальными ценностями культуры. Радио и телевидение заполнены произведениями художественной культуры, имеющими преимущественно развлекательный характер и рассчитанными на самый низкий уровень вкуса» [48, с. 40-49].

Понятие кризис в различных концепциях социодинамики имеет различные трактовки: от разрушения общества и культуры до рассмотрения кризиса как естественной стадии. «Любая социокультурная система переживает моменты культурных кризисов, которые характеризуются следующим:

- это естественный этап развития культурной системы, изменения, приводящие к нему, вызревают внутри нее;
- содержанием культурного кризиса является постепенное замещение элементов одной культурной системы элементами другой;
- культурный кризис сопровождается напряжением ментального поля (споры и смена направлений в искусстве, науке...)» [49, с. 118-119].

В последнее десятилетие открылись новые пласты духовной культуры, скрывавшиеся ранее в не издававшихся художественных и философских произведениях, не исполнявшихся музыкальных сочинениях, запрещенных к показу в советское время картинах и кинофильмах.

Культура общества амбивалентна: с одной стороны, колоссальные достижения, с другой стороны, потрясающие разрушения и катаклизмы. В этой связи необходимо обратить

серьезное внимание на концепцию бинарного характера русской культуры. Перед современным обществом стоит сложная задача – выработать свой стратегический курс на будущее в быстро меняющемся мире. Решение этой глобальной задачи чрезвычайно сложно, так как упирается в необходимость осознания глубинных противоречий, присущих нашей культуре на всем протяжении ее исторического развития.

Несмотря на то, что XX столетие проиллюстрировало ограниченность европоцентричного взгляда на культуру, при котором техногенная европейская культура объявлялась главенствующей, базисной по отношению ко всем другим региональным и национальным культурам, влияние западной культуры сохраняется. Современный опыт показал: восточные страны вполне смогли адаптировать науку в своих системах производства и образования. Страны тихоокеанского региона превратились в один из локомотивов научно-технического прогресса. При этом культурная основа их жизни оставалась специфически особенной. Современные исследования демонстрируют удивительную пластичность самобытных национальных культур в восприятии рыночных механизмов.

Следует особо подчеркнуть, что современной эпохе свойственны не замкнутость, не закрытость, а взаимодействие и взаимообогащение национальных культур. Так, характерная для Востока идея коллективизма оказалась в определенной степени приемлемой и для США – страны высокоразвитой индивидуалистической культуры.

По мнению Л. Г. Ионина, происходит переход от моностилистической к полистилистической культуре, создающий условия для постепенного изменения социокультурных ориентаций: «Выше говорилось, что сегодняшние изменения в социокультурной жизни России – это движение от моностилистической культуры к полистилистической... Однозначно ответить на вопрос о том, что является источником новых культурных стилей и форм, невозможно. Новые стили и формы приходят буквально отовсюду: с Запада, с Востока, из недавнего прошлого и глубокой древности, из разных временных слоев истории России» [50, с. 190-192].

Л. Г. Ионин выделяет следующие критерии полистилистичности:

Деиерархизация. Эта категория важна для нашего изложения в нескольких аспектах. Деиерархизация – это, во-первых, отсутствие иерархии экспрессивных средств культуры, во-вторых, отсутствие сакрального доктринального ядра, которое очерчивает некую священную, «неприкасаемую», не подлежащую анализу и критике область жизни, определяющую степень сакральности других областей и служащую критерием интерпретации и оценки любых социокультурных фактов и явлений, в-третьих, отсутствие отличающей группы бюрократов, экспертов или же творцов культуры, стоящих на вершине культурной иерархии, причем культурная иерархия может даже вообще исчезнуть как таковая.

Деканонизация. Данная категория полистилистической культуры выражается в отсутствие либо ослаблении жанровых и стилевых норм.

Неупорядоченность. В полистилистической культуре пространственно-временной порядок реализации культурных явлений нарушается: представления начинаются в «неурочное» время (причем временной сдвиг понимается как один из выразительных элементов представления), сцена и зрительный зал в театре меняются местами, театральные, концертные и прочие группы дают концерты на улицах, а сами улицы (например, Арбат в Москве) воспринимаются как художественный феномен, театр под открытым небом, и их посещают именно для того, чтобы получить эстетические впечатления; в обыденной жизни исчезает (в прошедшие времена четко фиксируемое) различие между жилым помещением и офисом.

Детотализация. Данная категория полистилистической культуры означает исключение какого-либо видимого, воспринимаемого единства в многообразии культурных феноменов.

Включение. Эта категория так же характерна для полистилистической культуры, как «исключение» для моностилистической, и означает максимум «культурной терпимости». Любые содержания актуально либо потенциально включаются в культуру, совершенно различные по происхождению системы знаков и символов начинают взаимодействовать, а некоторые символы постоянно «путешествуют» из одной системы в другую.

Диверсификация. Данная категория означает усложнение вместо упрощения. В полистилистической культуре возникают и

складываются все более сложные системы взаимодействия традиций культурных стилей, образов жизни, часто внутренне не связанных друг с другом.

Эзотеричность. В полистилистической культуре возникает тенденция к эзотерике вместо официального консенсуса, характерного для моностилистической культуры. Появляются эзотерические группы со своей собственной сакральной доктриной, собственным сакральным сознанием, своей символикой, своей внутренней иерархией и т. д., что автоматически ведет к исчезновению согласия.

Негативность. В полистилистической культуре отрицание или равнодушное непризнание существующего социально-культурного порядка занимает место позитивного отношения к нему, свойственного для моностилистической культуры.

Ателеология. Возникновение новых культурных форм и стилей часто сопровождается отказом признавать какую-либо цель развития культуры, общества, цель жизни, человеческого существования вообще.

Этот набор категорий позволяет представить ситуацию в ее типических характеристиках; так сказать создать идеально-типическую конструкцию полистилистической культуры. Старые структуры и символические системы живут; они, правда, лишены монополии на репрезентацию социокультурного целого и входят в нынешнюю реальность на правах одного из многих возможных стилей культуры. В то же время на поверхность жизни всплывают десятки и сотни новых или просто забытых традиций, жизненных форм, жизненных и культурных стилей. В целом эта ситуация может быть охарактеризована как переход от моностилистической культурной организации к стабильной полистилистической» [51, с. 190-192].

Экспансия западной, прежде всего американской, культуры разрушает основу национального самосознания, формирует «рыночного человека-потребителя», готового быть тем, на что имеется спрос. Сложная проблема, которая не может не волновать многих, – взаимодействие культуры и рынка. Разрушение социалистического общественно-политического уклада и резкая смена ценностных ориентаций, вступление России в рыночные отношения, возникшее классовое расслоение и социальное неравенство привели к системному кризису российское общество и российскую культуру, к девальвации образования, духовных

ценностей и культуры в целом, к разрушению материальной базы культуры и инфраструктуры сферы культуры, к ориентации учреждений культуры не на решение собственно культурных задач, а на получение прибыли. Происходит коммерциализация культуры, при которой так называемые «некоммерческие» произведения художественной культуры остаются незамеченными, отдаляется возможность освоения классического наследия. Но при этом сама логика функционирования массовой культуры превратила художественное творчество в стандартизированный производственный процесс. На смену «художнику-творцу» пришел «профессионал», вооруженный знанием социальной и индивидуальной психологии и новейшими технологиями, целенаправленно создающий «художественный продукт» с заданными свойствами, предназначенный для массового сбыта. «Художественная интеллигенция», видящая смысл своего существования в служении прекрасному, имеет сегодня гораздо меньше влияния на массовое сознание, чем создатели телевизионных сериалов. При огромном культурном потенциале, накопленном предшествующими поколениями, происходит духовное обнищание народа. Культура вышла из-под жесткого идеологического контроля, но попала в тиски финансовой зависимости. В законопроекте о культуре Российской Федерации подчеркивается, что культурное пространство России состоит из двух крупных составляющих: одна из них представляет культурное наследие народов Российской Федерации, другая – активную, находящуюся в социально-экономическом обороте часть культуры, которая потребляется населением в виде культурных благ, товаров и услуг, являющихся результатом духовного производства. Граница между этими частями условна. В каждый момент элементы первой составляющей культурного пространства могут активно использоваться населением, а отдельные элементы второй составляющей в то же время могут выйти из активного оборота, превратившись в архивную, законсервированную его часть. Обусловленные и тесно связанные со всеми предыдущими слоями культуры и культурным потенциалом потребности представляют форму бытия, определяющую сегодняшнее состояние культурного пространства.

Культурные потребности зависят от степени развития производства культурных благ, товаров и услуг; разнообразие и

неограниченность потребностей человека, в том числе и в сфере культуры, всегда наталкиваются на ограниченные возможности производства соответствующего товара (услуги) и более того – в конечном счете, определяются возможностями этого производства, в частности – дефицитом интеллектуальных и творческих ресурсов. Это хорошо понимают менеджеры культуры, формирующие зрительский интерес потребителя. Это вовсе не говорит о тождественности производства и потребностей (спроса) в сфере культуры. Напротив, такое совпадение является эпизодическим, как и всякое рыночное равновесие вообще. Чаще встречаются ситуации избыточного производства культурных благ и услуг, что требует применения специальных мер по организации освоения культурного пространства. С другой стороны, нередко недостаточное предложение культурных благ ограничивается недостаточностью ресурсов.

Социологические исследования, анализирующие состояние культурной жизни на современном этапе, обнаружили следующие противоречия: демократизация многих сфер духовной жизни не сопровождается приобщением миллионов людей к признанным (доступным ранее не многим, а теперь всем) образцам и нормам культурного поведения; эталоны художественного развития личности не становятся общезначимыми в той мере, в какой созданные социально-культурные условия позволяют это сделать.

«Поверхностный прагматизм и вульгарный материализм нанесли большой ущерб культурному пространству России, вызвав распространение примитивизма и варварства. Разрушение городских и сельских храмов, осквернение исторических памятников, упрощение и засорение русского языка, беспорядочность и захламленность застройки, загубленные водоемы и мертвые ландшафты, уничтожение старинных жилых кварталов, пренебрежение к русским национальным истокам и традициям народной культуры – все это нанесло колоссальный ущерб культурному пространству России. Потребуется немало сил и времени для его восстановления... Процесс социального реформирования и модернизации в России оказал существенное воздействие на состояние и перспективы развития культуры. Одни сферы ликвидировались, распались; другие – лишились государственной поддержки и должны были «выживать» на свой

страх и риск; третьи – приобрели новые статус и приоритет. Пока еще трудно предсказать весь спектр последствий этих перемен, их влияние на ценностные ориентации людей, особенно молодежи...» [52, с. 40-42].

Опасность для настоящего и будущего страны представляет бедственное положение образования. Основой мировоззренческой культуры личности является знание: философское, естественнонаучное, гуманитарное и т. д. Знание – познание как форма теоретического освоения мира и интериоризированная индивидом культура формируют мировоззренческий комплекс человека. Ориентация познания на формальное освоение объема информации, невостребованность сущностного знания (метазнания), организующего сознание, разрывает духовную преемственность поколений и ценностных ориентаций общества. Формальное освоение суммы знаний, какими бы ценными они ни были, способствуют выхолащиванию содержания понятия «познание». Освоение – осуществляемое в деятельности человека превращение законов мира и условий бытия человека в его собственную сущность. То есть знание как освоение предполагает интериоризацию знания и на этой основе совершенствование личности в различных сферах: когнитивно-познавательной, экзистенциально-бытийной, морально-нравственной, мотивационно-ценностной, межличностно-социальной. Только освоенное знание является потенциалом развития личности: критически-рефлексивного мышления, развития умений, овладение творческой деятельностью и в целом является основой для реализации сущностных сил человека, подлинного бытия.

По мнению немецко-американского социолога Э. Фромма, «продуктивную ориентацию характера способны иметь все человеческие существа, ибо потребность в ней коренится в самой человеческой природе. Но, к сожалению, она подавляется установкой на обладание рыночной ориентацией характера» [53, с. 70]. И далее: «Оптимальное знание по принципу бытия – это знать глубже, а по принципу обладания – иметь больше знаний» [54, с. 57]. Освоение – вовлечение человеком познания в сферу его деятельности и превращение в собственную сущность через усвоение. Усвоение – неотъемлемый элемент неформального освоения. В усвоенно-освоенном познании содержание этого познания становится частью

собственной системы мышления, расширяя и обогащая мировоззрение человека.

Э. Фромм, анализируя «процесс усвоения знаний у студентов, которые избрали в качестве основного способа взаимоотношений с миром бытие», акцентирует внимание на том, что «они не пассивные вместилища для слов и мыслей... То, что они слышат, стимулирует их собственные размышления» [55, с. 58]. Усвоенно-освоенные знания через преемственность культуры в широком понимании дают возможность вырабатывать устойчивые ориентации даже в условиях социальных потрясений, системного кризиса общества и сознания. Усвоенно-освоенные знания формируют определенный устойчивый нравственно-этический стержень человека, который является в свою очередь основой для преемственности мировоззрения, традиций, ценностей.

Выхолащивание содержания познания привело к незаметной подмене ценностно-ориентированной личностной модели когнитивной моделью, представленной не духовной, а материальной культурой, закрепившей потребление в качестве конституирующего момента образа жизни и поведения человека. Обладание и потребление для многих считается наиболее естественным, если не единственно приемлемым образом жизни человека. Отчужденные формы познания, имеющие место в современном познании и в образовании и концентрирующие внимание на внешних аспектах (оценки, аттестаты, дипломы), выражаются в деонтологизации смысла и морально-ценностном вакууме.

«Между студентами и содержанием лекций так и не устанавливается никакой связи, они остаются чуждыми друг другу» [56, с. 58]. Отчуждение выступает как превращенная, искаженная форма освоения мира человеком, где теряется сущность как процесса, так и результата познания как формы теоретического освоения мира человеком. Сущностное знание, не интериоризированное, не усвоенно-освоенное, явившись нам, растворяется и исчезает. Отчужденное явление, оторвавшись от своей основы, предстает как нечто истинное и ценностное само по себе. Если в освоении мы познаем природу сущности, то в отчуждении происходит «выхолащивание родовой сущности».

Отчуждение как формальное освоение порождает социальную дезадаптацию, ведет к понижению интеллектуального и культурного

уровня. «На протяжении всего XX столетия нарастало чувство абсурдности бытия. Технический и научный прогресс резко усилился, но обнаружил свою полную отрешенность от забот и тревог, которые обуревают человека в его повседневной жизни... Духовная притягательность всех старых ценностей в XX веке была безвозвратно утрачена» [57, с. 397-398].

Выявление основных проблем общества и их причин, соотношения традиций и инноваций в культуре, национальной и глобальной, определение объективных и субъективных условий для стабильного развития общества и личности необходимы для определения перспектив развития и построения культурной политики. Кроме того, оценка современного состояния общества осложнена динамизмом процессов и обусловлена субъективными взглядами исследователя, поэтому, не претендуя на полный анализ всех аспектов, рассмотрим наиболее актуальный на современном этапе.

Становление рыночных отношений способствует формированию рыночно-ориентированного типа личности. Необходимо отметить, что у личности рыночной ориентации есть как положительные, так и отрицательные черты. Среди положительных Э. Фромм выделяет целеустремленность, контактность, любознательность и т. д. К отрицательным он относит беспринципность, релятивизм, неразборчивость в средствах достижения цели и т. д. Основопологающим фактором для формирования определенного типа рынка («дикого» или «цивилизованного») является ценностная ориентация личности:

- как члена общества, как субъекта различных видов деятельности от вектора альтруизма, проявляющегося в концепции социально-этичного маркетинга до личности, возводящей в абсолют свои потребности;
- на уровне индивидуального бытия – ориентация на специфические ценности как смыслы жизни.

Большое значение имеет выделение терминальных и инструментальных ценностей. Терминальные ценности – ценности, связанные с высшими смыслами, самооценные. В инструментальных ценностях запечатлены нормы, средства достижения целей. Стимулирующая функция тех или иных ценностей зависит от степени значимости их для человека.

Вопросам смысло-жизненных ориентаций в обществе массового потребления посвящены исследования американского психоаналитика и социолога Э. Фромма. Двум способам существования человека посвящена его книга: бытию, при котором человек не жаждет иметь что-либо, но счастлив, пребывая в единении со всем миром, и обладанию, при котором потребитель определяет себя по формуле – я есть то, чем обладаю и что потребляю. Анализируя способ человеческого существования в капиталистическом обществе, нацеленный на обладание, Э. Фромм показывает его несовместимость с гуманистическими требованиями человеческой природы. Так же как и другие критики общества массового потребления, он пишет об искусственных потребностях, навязанных индивиду производством, умирании его духовного начала вследствие чрезмерного потребления и роскоши. По мнению Э. Фромма, потребление – это одна из форм обладания, абсолютизируемая в современном ему обществе. Многие считают обладание наиболее естественным способом существования и даже единственно приемлемым для человека. Все это создает трудности для уяснения сущности бытия, для понимания того, что обладание – это всего лишь одна из возможных жизненных ориентаций. Э. Фромм выступает именно против абсолютизации данной ориентации в жизни. Он не отрицает «экзистенциального обладания»: «Обладание представляется нормальной функцией нашей жизни: чтобы жить, мы должны обладать вещами» [58, с. 41]. И далее: «Само человеческое существование в целях выживания требует, чтобы мы имели и сохраняли определенные вещи, заботились о них и пользовались ими. Это относится к нашему телу, пище, жилищу, одежде, а также к орудиям производства, необходимым для удовлетворения наших потребностей. Таковую форму обладания можно назвать экзистенциальным обладанием, потому что оно коренится в самих условиях существования. Оно представляет собой рационально обусловленное стремление к сохранению... Экзистенциальное обладание не вступает в конфликт с бытием...» [59, с. 108]. Анализируя сущность индустриального общества, Э. Фромм полагает, что индустриальный век не выполнил своих обещаний: неограниченное производство на основе техники и знаний, ведущее к неограниченному потреблению, не установило «всеобщего

благоденствия и безграничного счастья». Более того, он продемонстрировал очевидность следующих положений:

– «Неограниченное удовлетворение всех желаний не способствует благоденствию, оно не может быть путем к счастью...»;

– «Мы начали осознавать, что стали винтиками бюрократической машины и нашими мыслями, чувствами и вкусами манипулируют правительство, индустрия и находящиеся под их контролем СМИ»;

– «Сам технический прогресс создал опасность для окружающей среды и угрозу ядерной войны...» [60, с. 30].

Гуманист XX века пытается переориентировать человека на постижение собственной индивидуальности, на реализацию собственных сущностных сил. Э. Фромм, вслед за К. Марксом, утверждает, что смысл человеческого существования – быть всем, а не владеть всем. «Быть активным – значит дать проявиться своему таланту, всему богатству человеческих дарований, которыми ... наделен каждый человек» [61, с. 109-110].

Основой этой активной, созидающей деятельности является, по Э. Фромму, независимость мышления и наличие практического разума, ясное сознание ненадежности, сомнительности внешних источников счастья и наслаждений, которые подчинены случаю и поэтому могут иссякнуть даже при благоприятных возможностях. Жизненный проект человека с материальной доминантой обозначен словом «иметь». Э. Фромм выявил антропологическую сущность человека такой ориентации следующей формулой: «Я есть то, чем я обладаю, и что я потребляю», что способствует формированию показного, престижного потребления.

В условиях растущего влияния рынка смысл понятия «я» трансформируется в «я есть то, каким меня хотят видеть», так как человек, живущий в системе рыночной экономики, чувствует себя товаром. Фромм рассуждает об искусственно созданных потребностях, превращающих человека в «вечного младенца» – потребителя. Утрата собственной личности – сюжет многих работ Э. Фромма. Превращаясь в отражение чужих ожиданий, человек в значительной степени теряет себя, отказывается от имманентных потребностей. Образцы потребления окружающих определяют направленность потребительской практики индивида: он покупает тот или иной товар из-за того, что его приобретает большинство или

отказывается от покупки товара на том основании, что другие этот товар не покупают. Для таких потребителей большой значимостью обладают оценки других людей, и они могут покупать бесполезные для себя товары только лишь потому, что эти товары пользуются повышенным спросом, используются друзьями, соседями и т. д. Эти люди не стремятся выделиться среди других, они своим поведением хотят лишь показать, что они такие же, как все. Если в группе потребителей происходят изменения, то потребность в самоутверждении побуждает отказаться от привитого потребительского поведения. Эта потребность в самоутверждении становится той внешней необходимостью, которая формирует внутреннюю необходимость в приобретении нового изделия. Чужое мнение становится основой возникновения новых ценностных представлений. Воспринимая чужие ценностные ориентации, индивид отказывается от самостоятельного выявления таковых. Ранее существовавшие установки разрушаются под влиянием новых ценностных ориентаций.

Работы Р. Инглегарта, основанные на детальном социологическом анализе ценностей и предпочтений современного человека, проводившегося группами прикладных социологов во многих странах мира, базируются на исследовании дихотомии материалистических и постматериалистических ценностей. Р. Инглегарт дает четко разработанную методику определения того типа ценностей, который в наибольшей мере определяет поведение человека как субъекта производства и субъекта потребления. Основным выводом служит положение о резком расширении в последней четверти XX века круга нематериалистически мотивированных членов общества. «Постматериалисты имеют лучшую работу, солидное образование и более высокие доходы, нежели материалисты; однако для ценностей, на которые ориентируются постматериалисты, характерен отказ от акцента на экономический успех. Они уделяют второстепенное внимание экономическому росту по сравнению с качеством жизни, а в своей личной жизни делают акцент не столько на обязательную занятость и высокий доход, сколько на работу интересную, осмысленную, осуществляющуюся в контакте с близкими им по духу людьми» [62, с. 254]. То есть Р. Инглегарт утверждает, что индустриальное общество способствовало распространению материалистических

ориентиров. Переход к постиндустриальному обществу вновь выводит на первый план духовные ценности. Во главу угла снова ставится понимание цели и смысла человеческого существования. При этом он отмечает: «экспансия нематериалистических ценностей происходит очень быстро, что это явление связано со сменой поколений и обусловлено постепенным изменением мотивации, повышением материального благосостояния и ростом образовательного уровня людей. Учитывая, что именно развитие постматериалистических ценностей во многом обуславливает хозяйственный и культурный прогресс западных стран в последние годы, можно серьезно усомниться в реальности вступления России в круг постиндустриальных держав, избавиться от существующих на этот счет иллюзий» [63, с. 247].

Аналогично оценивая социокультурную ситуацию в современной России, – «С начала 90-х гг. XX в. быстрыми темпами происходит смена ценностей. Вместо коллективизма, социальной справедливости, порядочности и патриотизма активно внедряются индивидуализм, эгоизм, потребительство, отказ от нравственных ценностей. Наметился сдвиг в сторону гедонизма, опустошения внутреннего духовного мира. Устремленность к богатству в предметно-вещном выражении, к деньгам становится сегодня главной ценностью и в России. Богатство человеческой личности, культура жизни девальвированы; понятие «совесть» нынче не в моде. Начинают обнаруживаться постмодернистские тенденции в потреблении. Все это особенно касается поведения молодого потребителя...» [64, с. 92-93], – профессор Л. И. Ростовцева оппонирует Ингледарту, утверждая, что если на Западе материальное благосостояние лишь создает предпосылки для становления новой мотивации, то в России такие предпосылки существуют просто в силу нашего менталитета.

«...Ценности культуры не погибли, однако они стали другими по своему рангу. В любой перспективе появление нового элемента влечет за собой перетасовку всех остальных в иерархии. Таким же образом в новой спонтанной системе оценок, которую несет с собой новый человек, которая и составляет этого человека, выявилась одна новая ценность – витальная – и простым фактом своего присутствия начала вытеснять остальные» [65, с. 150].

«Теоретически очевидно, что, поскольку утверждение утилитарной нравственности является необходимым для перехода к либеральным ценностям, российские реформы должны опираться на гибридный нравственный идеал, объединяющий либеральные, утилитарные и традиционные ценности. Но будет ли жизнеспособен этот гибрид, и какая лаборатория должна его создать?»

О необходимости формирования новой структуры ценностных предпочтений в России говорит и А. Панарин [66, с. 4]. По его мнению, только так Россия может ответить на вызовы глобализма XXI века. Если элита действительно занимает позицию медиатора, то предательство национальной элиты может оказаться роковым для России, инверсионные настроения в народе будут нарастать. Но кроме усугубления внутренних проблем эта ситуация объективно ухудшает положение России в мире. Глобалистика рубежа XX–XXI вв. отличается от глобалистики 60-х годов XX в. тем, что вся критика экономической элиты, алчность которой рождает экологические и социальные кризисы и деградацию повседневности, превращена в ее восхваление. Если прежний глобализм подпитывался чувствами сострадания к потерпевшим и безгласным, то новейший заряжается расистскими и социал-дарвинистскими комплексами, презрительной ненавистью к неприспособленным. Победа Запада в «холодной войне» была истолкована победителями как новая победа Запада над Востоком, цивилизации над природой, экономического начала над социальным, приспособленных над неприспособленными. Вчера еще обездоленность выступала как социальное понятие, связанное с несправедливыми условиями, которые надлежит исправить. Сегодня обездоленность – расовое понятие, обозначающее неисправимую ментальность тех, кто обездолен и на самом деле достоин своей участи. Настоящая ситуация раскрыла в полной мере кризис идеи прогресса – зараженность мотивацией сверхчеловека, безжалостным титанизмом. И в данном случае неважно, против чего выступают «все прогрессивные силы» – против меньшинства или против большинства. Языческий восторг перед силой и эффективностью – психологическое ядро морали прогресса. Как бы ни меняла эта мораль свои плюсы на минусы, она неизбежно будет обращена против неорганизованных и неэффективных. Поэтому противостояние России однополярному миру «золотого миллиарда» должно выразиться в противостоянии экономического человека и

человека социального, морали успеха и солидаристской морали. Противостояние Америке как носителю языческого культа силы и успеха уже не будет, как прежде, разворачиваться в военно-технической и политической сфере. Оно будет протекать в духовной и культурной, ценностной сфере. Национальная идея, способная противостоять американоцентризму, должна содержать новый ценностный кодекс эпохи, созвучный с ментальными ценностями народа. Мифологемы соборности, солидарности и коллективизма, с одной стороны, и идея государственности, как модификация авторитаризма, с другой стороны, воплотят традиционный вечевой идеал. Эти идеи позволят скорректировать мотивацию. Новое поколение выбирает не только «Пепси», но и беззастенчивость, напористость или погружение в инфантильные фантазии. Чтобы мобилизовать энергию лучших, а не худших, требуются качественно новые общественно признанные цели. Энергетика самоутверждения разобщает людей. Иная энергетика – альтруизма, сострадания, сочувствия, становящихся действенным пониманием» [67, с. 97].

Вопросы к главе 4.

1. Назовите признаки трансформации современного типа культуры.
2. Перечислите критерии полистилистичности культуры (по Л. И. Ионину).
3. Проанализируйте основные проблемы культуры современной российского общества.

Глава 5. Социокультурная среда. Культура и личность

Проблема человека в XX веке оказалась одной из ведущих в гуманитарном знании. В рамках отношений «человек – мир» возникает мир человека и очеловеченный мир в их неразрывном единстве. Основой возникновения этого нового мира оказывается существование человека в мире, его жизнедеятельность. Сознание, подсознание, психическое, физиологическое – все слито в единый процесс, а потому жизнедеятельность, природу человека необходимо рассмотреть в культурно-историческом плане. Только оформившись в качестве индивидуальности, человек достигает уровня всеобщности. Конкретно-исторические основания индивидуального существования нельзя вскрыть без культурологического исследования. Культура отвечает за функцию перевода родового в индивидуальное, а индивидуального – в родовое. Культурная среда выносит индивида во всеобщность, она и есть аккумулятор всеобщности, проявляющийся через индивидуальное. Нет бытия людей, их мира вне культуры. Культура же «оседает» и в социуме, и в индивиде. Плюсами культурно-исторического развития выступают «индивид» и «род», а между ними помещается все разнообразие культуры – групповое, социальное, этническое, формационное и пр. Усваивая нормы общества, человек индивидуализируется и социализируется одновременно. В античности личность оказалась синонимом воплощения нормативов общества, синонимом социальной роли, социального статуса. Хотя более античность ориентирована на телесность. Начиная с эллинизма, телесность сосуществует с осознанием роли разума, духа, морали, интеллекта. В средние века в качестве приоритетного начала берется духовность. В эпоху Возрождения осознается ценность личности, индивидуальность (портрет). Появляется возрожденческий гуманизм на основе осознания высочайшего предназначения личности. В новое время индивидуальность начинает вырождаться в индивидуализм, в эгоцентризм. Тенденция растворения индивида в социуме, приоритета социальности над индивидуальностью. Промышленно-техническая революция привела к превосходству материального в жизни общества. Человек измеряется тем, чем он владеет. В западном технотронном обществе нарастает отчуждение, абсолютизация индивидуализма. Разъединенность, внешние и поверхностные формы

связи тяжело переживаются и вызывают тягу к противоположности – к общности.

В социологии существует два подхода к изучению человека: социоцентризм объясняет человека исходя из общества; антропоцентризм за отправную точку берет человека, и из этого объясняет общество. Анализ взаимоотношений человек – общество, или социальное – индивидуальное требует изучения человека как личности, индивида, субъекта общественной жизни и имманентно присущих характеристик человеку как родовому существу. Процесс развития родившегося человеческого организма в полноправную личность происходит в ходе взаимодействия с социальной средой. Индивид формируется в процессе усвоения опыта человечества, общения, деятельности. Этот процесс ведет к внутреннему формированию неповторимо уникального облика. Индивид – это интегральная характеристика, включающая: биологические качества, психологические качества, социальные качества. То есть это единство индивидуального, социального и типичного. Главным результатом является формирование мировоззрения – мост, связывающий индивида и общество.

Социология культуры рассматривает социальную сущность личности, определяет ее место в системе культурной регуляции. Личность детерминирована социокультурной системой, которая формирует структуру ролей, наделяет личность субъективными характеристиками. Личность как социальное свойство индивида, как совокупность системных качеств, определяющих ее своеобразие в данном типе общества и в данную эпоху, представляет собой индивидуальное и самостоятельное начало. Социальная психология определяет данную особенность личности как ее субъектность. Социология культуры рассматривает личность в ее отражении в разных культурах. Личность в определенной культурной среде предстает как переменное существо, поскольку любое современное общество характеризуется культурным полиморфизмом. Тем не менее современный человек представляет собой культурный продукт своего времени или, иными словами, объект разнообразных культурных влияний, с одной стороны, и, с другой – субъект социокультурной деятельности.

Социальные институты, включая институты науки, образования, культуры, средств массовой информации, искусства, досуга и т. п.

аккумулируют нормы и ценности, свойственные данному обществу и разделяемые его социальными слоями и группами. В свою очередь, социальные слои и группы состоят из индивидов, которые являются такими же носителями культуры, как и социальные организации. Их поведение и деятельность определяются обычаями, нормами и ценностями, которые имеются в составе культуры, изменяются, исчезают и возникают в зависимости от процессов, происходящих в обществе.

М. Мид предложила новый подход к исследованию личности, опирающийся на концепции типичной, или *базовой*, и *модальной* личности. Базовая личность, согласно данной концепции, – особый тип интеграции индивида в культурную среду, которая осуществляется на основе опыта социализации членов данной этнической общности и их индивидуально-личностных характеристик. Каждый народ имеет свою базовую структуру личности, она передается в поколениях через социализацию и формирует ментальность народа. Связь между индивидом и его социальным окружением оказывается диалектической и тесной: через индивида передается социокультурный опыт, и он же становится средоточием культурного влияния среды.

Здесь культура рассматривается состоящей из двух подструктур: институтов первичной социализации, определяющих базовую личность (семья, друзья, родственники, соседи), и институтов вторичной социализации (религиозные группы, фольклор, стереотипы и представления, производственные группы и т. п.). Базовая личность формируется посредством двух основных механизмов – проекции свойств и качеств окружающих людей на конкретного индивида и адаптации индивида к своему непосредственному окружению. Изменения в социальной организации – смена территории проживания (миграции), смешение рас, племен, появление новых технологий неизбежно ведут к трансформации базового типа личности.

Модальной называется такой тип личности, который наиболее часто встречается, самый массовый тип личности. Это описательная концепция, позволяющая обобщить присущие данному народу социально-культурные качества и свойства. Из данной категории вытекает понятие национального характера – устойчивого сочетания определенных психических особенностей, типичных для

представителей данного этноса, которое является продуктом определенных социокультурных условий и выражается в системе отношений людей к действительности.

Черты базовой и модальной личности имеют большое значение для межкультурного общения. Усвоенная личностью в процессе социализации культура влияет на межличностное взаимодействие посредством таких механизмов, как представления личности, социальные стереотипы, черты личности. Как культурный феномен рассматриваются и самоконцепции личности. Они представляют собой совокупности мыслей и чувств индивида по отношению к себе как к объекту и включают в себя социальную и личную идентичность. Социальная идентичность позволяет индивиду рассматривать себя как члена различных социальных групп, личная идентичность – как индивида и личность. Культуры Запада и Востока по-разному трактуют данные феномены. На Западе самоактуализация, самореализация представляются как наиболее важные цели, поскольку в западных обществах господствуют индивидуалистические культуры. На Востоке, где культуры характеризуются коллективизмом, самоуважение личности неразрывно связано с уважением к другим людям. Именно через других людей достигаются как личные, так и социальные цели. Групповое членство имеет важное значение для членов коллективистических культур, следовательно, эти культуры воспитывают социальную идентичность, тогда как индивидуалистические культуры – личную. Культуры, таким образом, составлены из элементов, которые находятся в разном иерархическом соотношении друг с другом. Личностное начало имеет значение для каждой культуры, различия же в его статусе связаны с религиозным компонентом данной культуры. Европейская культурная традиция, как указывает Б. С. Ерасов, утверждает человека автономным субъектом деятельности. Личность едина, ее ролевые функции интегрированы, тогда как в восточных культурах они перекрывают самосознание личности. Человек ведет себя в разных социальных группах – религиозной, семейной, родовой так, как того требуют их правила и нормы. Осваивая социальные традиции, человек приобретает необходимые для функционирования в данной среде навыки, знания, нормы и ценности. Важны преобладающий тип культуры, социальная принадлежность

индивида, социокультурная среда, которые в совокупности представляют объективные условия для формирования определенного типа личности. Поведение – форма действия человека, связанная с реакцией на социальную среду, или действия преимущественно ситуативного характера. Действия, воспроизводящиеся постоянно и оцениваемые целями более высокого уровня (в основе которых лежит сущность, особенность проявления индивида или группы), составляют деятельность. Именно в этом разрезе важно разделять потребности на те, которые выполняют функции ситуативного порядка (их называют промежуточными, инструментальными), и терминальные, свидетельствующие о целостной структуре личности, ее индивидуальности, ее деятельном характере. Первые могут в какой-то мере носить адаптационный характер. Стандарты поведения в этом случае показывают, как индивид приспосабливается к той или иной среде. Эти стандарты являются реакцией на «принуждение» среды. Это ориентации в историческом времени и социальном пространстве. Вторые – представляют внутренний механизм самоопределения личности в этом пространстве, т. е. способы самоутверждения, реализации своих ценностей.

Социокультурная среда создает не только условия, но и ограничения. Общество влияет на индивида через государственную систему, политические и социально-культурные институты, организации, формы общественного сознания. На смену традициям, которые действовали как естественные законы на ранних этапах человеческого общества и тем самым сохраняли его целостность, с усложнением общественной жизни и усиливающимся разделением труда пришли законы, сформулированные государственными институтами. И хотя демократические начала позволяют общественным неправительственным организациям вносить в законопроекты свои изменения, сами законы являются не только регулируемой формой социальных отношений, но и способом принуждения различных групп населения жить так, а не иначе во имя сохранения мира и спокойствия. Социально-культурные институты отражают экономические, культурные и политические интересы общества и моделируют, в определенной степени, духовные отношения.

Социально-культурная среда представляет собой социально-территориальную общность. Она раскрывает особенности функционирования культуры различных групп населения в определенной социальной среде. Социально-культурная среда относится к классу культурных комплексов или культурных систем. На уровне общества это – культурная макросреда, она будет включать крупнейшие города с их уникальными художественными ценностями, музеями, архитектурой, творческими союзами, театрами, концертными залами, библиотеками, университетскими центрами, научно-исследовательскими институтами, издательствами, радио и телевидением и т. д. Но социокультурная среда общества складывается также из культурного достояния крупных, больших и малых городов, сельских населенных пунктов, их взаимодействия между собой. С социальной точки зрения нас интересует вопрос о возможностях для культурного развития различных групп населения, которые предоставляют человеку город или деревня, в которой он живет. Диалектическая связь между производством духовных ценностей и их потреблением в конкретной культурной среде состоит в том, что новые ценности должны быть востребованы обществом или его отдельными группами, и они, включенные в реальную жизнь, будут преобразовывать систему общественных отношений. Ее собственно социологическая дефиниция состоит в том, что социально-культурная среда предстает как совокупность вещественных и личностных элементов, с которыми взаимодействует социальный субъект (личность, группа, класс, слой) в процессе внепроизводственной деятельности. Вещественные элементы – это прежде всего социальные институты культуры различных уровней организации (система образования, театры, музеи), целью которых является производство, сохранение и распространение культурных благ. Это также сами материальные и культурные блага, являющиеся достижениями культуры на определенном витке развития, ибо мы изучаем ее по архитектурным памятникам, произведениям литературы и искусства, театральным спектаклям, техническим средствам – аудиовизуальным, печатным и другим устройствам. Но социологу важно не ревизовать их, а представить как некое статистически значимое множество, которое характеризовало бы возможности выбора и их доступность для культурной деятельности различных слоев населения. Общественная ценность и социальная

значимость каждого вещественного (предметного) элемента культурной среды определяются тем, что он, удовлетворяя потребности в одной сфере деятельности, оказывается вовлеченным в другие взаимосвязанные сферы, вызывая появление новых потребностей, более сложных по своей структуре.

Личностные элементы культурной среды – это этнические, демографические, социально-классовые, профессиональные группы, объединенные общностью определенных культурных условий (города, села, конкретного типа поселения) и участвующие в той или иной степени в культурной деятельности. В этом смысле культурная среда связана с каким-нибудь городом не только возможностями материальной базы, уникальностью или, наоборот, бедностью культурных благ и ценностей, находящихся в нем, но и со всей социальной структурой, т. е. уровнем образования граждан, степенью развитости их потребностей, традициями проведения свободного времени.

Культурная среда зависит от многообразия контактов, в которые вступают люди. Чем шире социально-профессиональная структура, тем более разнообразен город; чем больше в нем творческих союзов и обществ, тем более интенсивно развивается духовная жизнь.

Но эта связь не линейная. При сравнительно большом числе учреждений культуры часть людей никогда не посещает их и живет сравнительно невысокими интересами. В этом случае мы говорим о противоречиях между вещественными и личностными элементами. Оценка степени включенности вещественных элементов в культурную жизнь конкретных социальных групп позволит судить об эффективности деятельности одних социальных институтов культуры по сравнению с другими, а также об уровне актуальной культуры самих этих групп.

Поскольку культурная среда формирует индивида, является результатом совокупного труда, а впоследствии может меняться под воздействием наиболее интеллектуально развитых, или, как говорят социологи, «продвинутых» групп, то предметом научного интереса является самореализация личности в культуре. В данном случае речь идет о специфическом виде деятельности, связанной с процессами потребления и участия в производстве духовных ценностей на профессиональном или непрофессиональном уровнях. В узком смысле слова – это культурная деятельность. Разумеется, культурная

деятельность чрезвычайно широка. Даже таким ее аспектам, как познавательный, научный, художественно-эстетический, промышленно-технический, трудно найти операциональные характеристики, адекватные объему этих понятий. Но поскольку социокультурная среда города или села является посредником между обществом и личностью, то рамки культурной деятельности могут быть сужены – возможно рассматривать ее как участие личности, группы, класса в процессах потребления и производства культуры на базе имеющихся в городе вещественных элементов.

В этой ситуации культурная деятельность будет характеризоваться по набору видов деятельности в свободном времени индивида, группы, класса (например, чтение, посещение кино, театра, концертных залов, занятий типа хобби, деятельность в общественных организациях и т. д.). Их количество покажет диапазон деятельности и степень включенности личности в разные общности:

- направленности и избирательности видов деятельности;
- устойчивости избранных видов – частоте обращения и воспроизводимости в свободном времени.

Таким образом, личность выступает носителем культуры своего общества. Без нее культура не может существовать. При этом культура общества и личность не тождественны. В личности присутствует лишь часть актуальной культуры, усвоенная в процессе социализации.

По мнению доктора философских наук, профессора С. Н. Иконниковой, «...культурное пространство является жизненной и социокультурной сферой общества, «вместилищем» и внутренним объемом культурных процессов. Оно – главный фактор человеческого бытия. Культурное пространство имеет территориальную протяженность, в нем очерчены контуры культурных центров и периферии, столицы и провинции, городских и сельских поселений» [68, с. 41].

Но причина еще и в том, что культура не может существовать как одномерная, универсальная, одинаковая для всех эпох и народов. Это противоречит ее природе и сущности, поэтому она сопротивляется подобным экспериментам, даже если инициаторы руководствуются благими намерениями. Культура всегда существует как «дробное множество», но объединенное в целостную систему,

где все регионы взаимозависимы и дополняют друг друга.

Культурное пространство может выполнять собирательную функцию, способствовать объединению и сплочению нации, государства, всех социальных сил. Но возможна и другая модель, когда оно уменьшает силы притяжения между регионами, делая их обособленными и замкнутыми. Эта «рассеивающая» функция культуры значительно ослабляет и тормозит возможность интеграции народов, их стремление к взаимопониманию. Динамизм культурного пространства обнаруживает волны культурных контактов, исходящие из внешних или внутренних регионов. Византийская, монголо-татарская, французская, немецкая, американская, китайская, японская и иные волны влияний оставили заметный след в культурном пространстве России. Они могут затрагивать на первый взгляд автономные области: будь то мода на одежду, новинки техники, реклама товара, «заморские» продукты, породы собак, оформление офиса или городские вывески. Но в любом случае все это меняет облик, а иногда даже «лицо» культурного пространства.

Вторжение иных культур всегда сопровождается целым комплексом перемен, то более кратковременных, то более длительных. Со временем многие заимствования воспринимаются как собственные достижения. В силу целостности культуры любые влияния не проходят бесследно, а влекут за собой немало изменений в других, казалось бы, отдаленных сферах культуры, изменяя образ мысли и образ жизни, создавая новые черты в облике человека. Вначале «культурный луч» вызывает расщепление пространства, и в новой ситуации общество, «обожженное» облучением более мощной и незнакомой прежде культуры, реагирует неодинаково: от безусловного принятия нового и всеобщего восхищения до сопротивления, агрессивного раздражения и осуждения. Новый «клин», вторгаясь в традиционное культурное пространство, производит существенные перемены во всем окружении, меняя систему ценностей.

Возможны следующие варианты перемен при контакте разнородных культурных пространств.

1. Утрата народом собственной культуры под влиянием другой, располагающей либо большим авторитетом, либо значительными средствами воздействия, либо особой привлекательностью, соответствующей уже сложившимся

ожиданиям и установкам. Этот процесс может протекать спокойно, постепенно меняя культурное пространство традиционной и самобытной культуры.

Но может быть и другая ситуация, когда предпочтения новым ценностям оттесняют собственную культуру на второй план и это приводит к отчуждению и смене ценностей, утрате связи с историческими корнями.

2. Под влиянием натиска новой культуры в культурном пространстве возникают активные силы противодействия и защиты традиционной основы этнической самобытности, призывы к борьбе с иноземным влиянием и утверждение идей «почвенничества».

3. Под влиянием культуры-донора в культурном пространстве возникают новые ориентации, изменяющие некоторые ценности, но сохраняющие общий самобытный облик данной культуры.

4. Культурные контакты могут порождать возникновение совершенно новых культурных форм, которых не было ни в одной из взаимодействующих культур.

Результат трансформации социокультурного пространства с неизбежностью сопровождается трансформацией мировоззренческих констант, прежде всего терминальных ценностей, смысложизненных ориентаций. Вопрос о смысле жизни – это не просто «конечный», «итоговый» вопрос о жизни и смерти, назначении человека, но он одновременно и ситуационный вопрос. Ведь вся жизнь человека состоит из совокупности многообразных действий, интегрированных в многоразличные социальные ситуации, противоречия, конфликты, разные формы общения и т. д. Через всю жизнедеятельность личность реализует свои цели, которые конкретизируются в задачах.

Смысл жизни – это своего рода внутренний стержень культуры человека. Чем человек больше владеет общечеловеческими ценностями, тем его смысл жизни благороднее, возвышеннее. Внутренний каркас культуры составляют ценности. В широком смысле слова, под ценностью понимаются «предельные», безусловные основания человеческого бытия. Ценность – это то, что важно для жизни субъекта, это осевой смысл человеческого бытия в мире, его смысловой центр. Их можно назвать «идеей эпохи», «духом культуры». Ценности связаны с идеалами. Это нечто, что относится к определяющим основаниям, во имя которых можно прожить жизнь.

В узком же смысле ценность – это характеристика объектов и процессов мира, имеющая положительное или отрицательное значение для жизни человека, социальных групп, всего общества.

Самоопределение и самореализация – это важные аспекты бытия и деятельности людей, процесс, обеспечивающий постоянное наполнение экзистенциальным смыслом. Необходимость понимания смысла жизни возникает и в обыденном сознании и органически входит во всю жизнедеятельность человека. Человек связан с миром множеством связей и отношений, из которых одни им воспринимаются как необходимые, важные, иные как несущественные и он к ним безразличен, третьи даже вовсе могут им не осознаваться. Многообразные ситуации делают и жизнь, и человеческую деятельность наполненными определенным смыслом.

Смысл жизни соотносится с понятием «деятельность», он имеет предметную направленность, объективное и субъективное содержание. А так как человек в своей повседневной жизни осуществляет и индивидуальный и родовой способы бытия, то эта предметная направленность смысла проявляется в его деятельности: ее результатах, целях, средствах, а также в самой жизни как высшей ценности. В свою очередь деятельность человека есть всегда целеполагающая: она обусловлена удовлетворением его потребностей, реализацией интересов и целей, решением поставленных задач. Сама сущность человеческой деятельности позволяет говорить о ее смысле как цели, назначении. Ценность выражает способ существования личности. Выделяют ценности-цели, или высшие (абсолютные) ценности, и ценности-средства (инструментальные ценности). Одни и те же высшие ценности могут достигаться при помощи различных ценностей-средств. Ценности-средства в большей степени, чем высшие ценности, подвержены влиянию конкретных обстоятельств и их выбор зависит от возможностей, имеющихся в наличном бытии и общественной практике.

Разные ценности имеют для личности различное значение и с этим связана иерархия ценностей. Как и сами ценности, их иерархическая структура носит конкретно-исторический и личностный характер. Одни и те же предметы и явления для разных людей могут представлять неодинаковую ценность, так же как и в разное время у одного и того же человека. Сытый и голодный

будут по-разному относиться к куску хлеба, а симфоническая музыка (или рок-музыка) может вызвать у людей не только чувство глубочайшего наслаждения, но и раздражение. Существует не только историческая, но и индивидуальная динамика ценностей и их иерархии.

И. В. Алешина, акцентируя внимание на значимости влияния культуры на поведение потребителей, отмечает, что каждому обществу присущ свой набор ценностей и их приоритеты [69, с. 41]. Она выделяет 3 группы ценностей:

1. Ценности, ориентированные на другого, отражающие степень приятия индивидуализма или коллективизма в обществе. Также в разряде этих ценностей находится романтическая ориентация культуры, предпочтение конкуренции или кооперации, молодости или старости, маскулизма или феминизма.

2. Ценности, ориентированные на среду, среди которой выделяют отношение к природе, чистоте, выбор разных типов культуры между традициями и изменениями, риском и безопасностью, личными достижениями и предписанным статусом.

3. Ценности, ориентированные на себя, в которых выбор осуществляется между:

а) активностью или пассивностью, то есть деятельностно-ориентированное или мечтательное поведение;

б) материальностью или нематериальностью, то есть является ли накопление материального богатства позитивной ценностью само по себе. Что способствует повышению статуса – богатство или деятельность;

в) упорным трудом или досугом – «ценится ли работа сама по себе, независимо от внешних наград, или она – лишь средство достижения цели?»

Ценности личности образуют систему ее ценностных ориентаций, под которыми имеется в виду совокупность важнейших качеств внутренней структуры личности, являющихся для нее особо значимыми. Эти ценностные ориентации и образуют некую основу сознания и поведения личности и непосредственно влияют на ее развитие. При этом в соответствии с конкретной, индивидуальной иерархией ценностей наблюдается относительный характер ценностных ориентации. Так, один учится, чтобы больше зарабатывать, а другой работает, чтобы иметь возможность учиться и

самосовершенствоваться. Система ценностных ориентаций и их иерархии выступают регуляторами развития личности. Они служат критерием норм и правил поведения личности, по мере усвоения которых происходит ее социализация.

Среди многочисленных типологий личности приведем типологию В. Г. Немировского, основанную на эмпирических исследованиях трансформации ценностных установок россиян начала XXI века, разработанную в рамках деятельностной концепции [70, с. 162-211].

Сама по себе человеческая деятельность обладает сложной структурой, которая содержит такие элементы, как цель, средства, процесс и результат. И поиск ответа на вопрос: «В чем заключается смысл жизни?» лежит на пути выделения основных форм отношения.

Опираясь на принцип минимального универсума, в человеческой деятельности можно выделить три уровня.

Нижний – *вещественно-энергетический* – включает в себя две формы деятельности – созидание (инструментальный элемент) и потребление (экспрессивный) элемент. Созидание направлено на развитие человека, на утверждение его как ценности, как «меры всех вещей». Человек при этом рассматривается как индивидуальность, наделенная самосознанием и свободой воли. Потребление связано с использованием человека в качестве средства достижения каких-либо целей. Диапазон этих целей может быть весьма широк: от чьих-то эгоистических побуждений до некой высокой идеи. При этом человек воспринимается как вещь, обезличенный объект, составляющий «трудовые ресурсы», «народные массы».

Средний уровень – *функционально-организационный* – отражает функции и место человека в организации социальной жизни. В наиболее общем виде это властвование (инструментальный элемент) или подчинение (экспрессивный).

Высший уровень – *информационный* – характеризует формы деятельности, направленные на ее процесс: сакральную (инструментальный элемент) или мирскую (экспрессивный). Мирская деятельность, направленная на свой процесс, не что иное, как игра. Сакральная деятельность – различные формы религиозной жизни, цели которой – служение Божеству и спасение души – лежат в потустороннем, непроявленном мире. Субъективное же удовлетворение человек получает от самой деятельности.

Таким образом, выделились шесть мировоззренческих социокультурных доминант: созидание, потребление, властвование, подчинение, сакральное, мирское.

Они образуют целый ряд концепций жизни.

Информационный уровень.

Теологический или религиозный смысл жизни означает служение Богу в той или иной форме. В соответствии с конкретной религиозной доктриной может содержать различные представления о бессмертии: бессмертие души, воскрешение человека, перевоплощение души и т. п.

Духовно-нравственный – заключается в стремлении человека к духовному развитию и нравственному самосовершенствованию. Довольно часто бывает тесно связан с теологическим смыслом жизни, однако отнюдь ему не тождествен.

Созидательно-альтруистический – бескорыстная забота об общем благе и связанная с ней готовность поступиться во имя блага общества и других людей собственными интересами.

Социально-творческий – состоит в том, что человек стремится к созданию духовных и материальных ценностей и надеется жить в соответствии с результатами своей деятельности.

Социально-демографический – заключается в рождении и воспитании детей и внуков и соответственно в надежде «продолжить жизнь» в своих непосредственных потомках... Игровой элемент включают в различные варианты игровой деятельности:

- ориентированную преимущественно на культурное и интеллектуальное развитие личности (игра в шахматы, ролевые театрализованные игры, разного рода любительское творчество, чтение высокохудожественных произведений, посещение театров, выставок, концертов серьезной музыки и т. п.);
- направленную прежде всего на физическое развитие индивида (имеется в виду в первую очередь спорт);
- нацеленную на формирование не только физических, но и нравственных качеств человека, например некоторые виды спорта;
- пассивное убивание времени с помощью домино, карт, спортивного боленья и т. п.

Игра преодолевает отчужденность и тяжеловесную серьезность утилитарно-практической деятельности, выполняемой за деньги.

Игровой элемент зачастую присутствует и в трудовой деятельности, совершаемой во внерабочее время...

Престижный – это совокупность разных способов повышения своего социального статуса, своей значимости в глазах окружающих: от профессиональной карьеры до погони за богатством. Долговечность и даже принципиальная неразрушимость своего социального статуса, своего благополучия подсознательно воспринимается таким человеком как продолжение собственного «Я».

Властвование – тесно связано с престижным смыслом жизни. Оно выражается в стремлении к власти над людьми в любых формах, причем известность и слава, которые приносят власть, воспринимаются как залог обретения бессмертия в памяти людей.

Гедонистический – присущ людям, которые стремятся к разного рода удовольствиям, наслаждениям.

Конформистский – характеризуется стремлением «жить как все», ничем не выделяясь. Такому человеку безразлично, каковы ценности и жизненные принципы окружающих его людей: он приспособливается к любым, растворяясь в человеческой массе, самоотождествляя себя с неким сообществом...

Философско-культурологический анализ типологии личностей требует иных, «последних» оснований. Типы личностей – своеобразные «мосты», соединяющие один «берег» – *общественные* разделения деятельности – с другим «берегом» – специфическими дарованиями и жизненными проектами людей (*«горизонтальный срез»*). Эти типы выявляются также по степени интенсивности их реализации (*«вертикальный срез»*) [71, с. 131].

В истории человечества возникли, множатся и исчезают бесконечно многообразные профессионально-квалификационные *виды* деятельности, но их устойчиво воспроизводимые *типы* – разделения на *материальную, политическую, коммуникативную и духовную* деятельность. В пределах этих типов личность ориентируется на специфические ценности как смыслы жизни. Они могут быть обозначены такими девизами: материальный человек – «Я имею, значит, я существую»; политический – «Я властвую, значит, я существую»; коммуникативный – «Я общаюсь, значит, я существую»; духовный – «Я мыслю, значит, я существую» (знаменитое картезианское *cogito ergo sum*). Общность людей,

принадлежащих к этим культурным типам, в том, что все они «у себя дома» достигают органической самоидентификации.

Можно выделить две основополагающие, стратегические смысловые ориентации: *духовность и инфернальность*. Если первая выражает стремление людей к выполнению важнейших социальных норм и ценностей, то вторая – пренебрежение основополагающими принципами человеческого существования. По сути, ориентация на духовность совпадает с модусом бытия, согласно определению Э. Фромма, а ориентация на инфернальность – с модусом обладания.

Определение духовности или инфернальности того или иного социума (страны, общественной группы, населенного пункта, предприятия и т. п.) – важнейший этап социологического анализа базовых ценностей в массовом сознании. Вопросам смысловых ориентаций в современном обществе массового потребления посвящены исследования американского психоаналитика и социолога Э. Фромма [72, с. 384]. Двум способам существования человека посвящена его книга: бытию, при котором человек не жаждет иметь что-либо, но счастлив, пребывая в единении со всем миром, и обладанию, при котором потребитель определяет себя по формуле – я есть то, чем обладаю и что потребляю. Анализируя способ человеческого существования в капиталистическом обществе, нацеленный на обладание, Фромм показывает его несовместимость с гуманистическими требованиями человеческой природы. Так же как и другие критики общества массового потребления, он пишет об искусственных потребностях, навязанных индивиду производством, умирании его духовного начала вследствие чрезмерного потребления и роскоши. По мнению Э. Фромма, потребление – это одна из форм обладания, абсолютизируемая в современном ему обществе. Многие считают обладание наиболее естественным способом существования и даже единственно приемлемым для человека. Э. Фромм обосновывает несостоятельность абсолютизации данной ориентации в жизни. Он не отрицает «экзистенциального обладания»: «Обладание представляется нормальной функцией нашей жизни: чтобы жить, мы должны обладать вещами» [73, с. 41]. И далее: «Само человеческое существование в целях выживания требует, чтобы мы имели и сохраняли определенные вещи, заботились о них и пользовались ими.

Это относится к нашему телу, пище, жилищу, одежде, а также к орудиям производства, необходимым для удовлетворения наших потребностей. Такую форму обладания можно назвать экзистенциальным обладанием, потому что оно коренится в самих условиях существования. Оно представляет собой рационально обусловленное стремление к сохранению... Экзистенциальное обладание не вступает в конфликт с бытием...» [74, с. 108]. Анализируя сущность индустриального общества, Э. Фромм полагает, что индустриальный век не выполнил своих обещаний: неограниченное производство на основе техники и знаний, ведущее к неограниченному потреблению, не установило «всеобщего благоденствия и безграничного счастья». Более того, он продемонстрировал очевидность следующих положений:

- «Неограниченное удовлетворение всех желаний не способствует благоденствию, оно не может быть путем к счастью...»;
- «Мы начали осознавать, что стали винтиками бюрократической машины и нашими мыслями, чувствами и вкусами манипулируют правительство, индустрия и находящиеся под их контролем СМИ»;
- «Сам технический прогресс создал опасность для окружающей среды и угрозу ядерной войны...» [75, с. 30].

Гуманист XX века пытается переориентировать человека на постижение собственной индивидуальности, на реализацию собственных сущностных сил. Э. Фромм, вслед за К. Марксом, утверждает, что смысл человеческого существования – быть всем, а не владеть всем. «Быть активным – значит дать проявиться своему таланту, всему богатству человеческих дарований, которыми ... наделен каждый человек» [76, с. 109-110]. Основой этой активной, созидательной деятельности является, по Э. Фромму, независимость мышления и наличие практического разума, ясное сознание ненадежности, сомнительности внешних источников счастья и наслаждений, которые подчинены случаю и поэтому могут иссякнуть даже при благоприятных возможностях. Жизненный проект человека с материальной доминантой обозначен словом «иметь». Э. Фромм выявил антропологическую сущность человека такой ориентации следующей формулой: «Я есть то, чем я обладаю, и что я потребляю», что способствует формированию показного, престижного потребления. В условиях растущего влияния рынка

смысл понятия «я» трансформируется в «я есть то, каким меня хотят видеть», так как человек, живущий в системе рыночной экономики, чувствует себя товаром. Фромм рассуждает об искусственно созданных потребностях, превращающих человека в «вечного младенца» – потребителя. Утрата собственной личности – сюжет многих работ Э. Фромма. Превращаясь в отражение чужих ожиданий, человек в значительной степени теряет себя, отказывается от имманентных потребностей. Образцы потребления окружающих определяют направленность потребительской практики индивида: он покупает тот или иной товар из-за того, что его приобретает большинство или отказывается от покупки товара на том основании, что другие этот товар не покупают. Для таких потребителей большой значимостью обладают оценки других людей, и они могут покупать бесполезные для себя товары только лишь потому, что эти товары пользуются повышенным спросом, используются друзьями, соседями и т. д. Эти люди не стремятся выделиться среди других, они своим поведением хотят лишь показать, что они такие же, как все. Если в группе потребителей происходят изменения, то потребность в самоутверждении побуждает отказаться от привитого потребительского поведения. Эта потребность в самоутверждении становится той внешней необходимостью, которая формирует внутреннюю необходимость в приобретении нового изделия. Чужое мнение становится основой возникновения новых ценностных представлений. Воспринимая чужие ценностные ориентации, индивид отказывается от самостоятельного выявления таковых. Ранее существовавшие установки разрушаются под влиянием новых ценностных ориентаций, формируемых социокультурной средой современного общества.

Вопросы к главе 5

1. Проанализируйте роль и значение социокультурной среды для формирования личности.
2. Проанализируйте специфику восточных и западных культурных традиций.
3. Проанализируйте варианты изменений социокультурной реальности в результате взаимодействия разнородных культурных пространств.

4. Проанализируйте социокультурную реальность, применяя типологию ценностей И. А. Алешиной.
5. Проанализируйте типологию личности по В. Г. Немировскому.
6. Раскройте понятие «показное, престижное, демонстративное потребление» на примере работ институционалистов.
7. Раскройте интерпретацию понятий «самоопределение» и «самореализация» в зависимости от типа культуры.

Глава 6. Интеллектуалы и интеллигенты. Интеллигенция как социокультурный феномен

Понятие «интеллигенция» («интеллектуалы») не имеет четкого и общепринятого определения. Причиной этого является крайняя разнородность во многом условного социального слоя, обозначаемого данным понятием. Если считать принадлежащими к «интеллигенции» людей, занятых интеллектуальным трудом, то придется причислить к одной социальной группе (или слою) и менеджеров, и врачей, и юристов, и министров, и журналистов, и библиотекарей, и политехнологов. Список можно продолжать бесконечно: в современном обществе количество «интеллектуальных профессий», предполагающих, что их представители имеют дело с «идеями», а не «вещами», постоянно возрастает. При этом характер деятельности и мотивы, основные интересы, образ жизни у менеджера и учителя, врача и прокурора, журналиста и банковского служащего совершенно различны.

Одним из первых исследователей феномена интеллигенции и ее роли в обществе был К. Мангейм. Сущностью интеллигенции, по мнению Мангейма, является ее «специфическое отношение к культуре». Для интеллигенции в любую эпоху большое значение имеет ее «жизнь в культуре» как смысловой реальности, нежели жизнь в сфере непосредственных прагматических интересов и потребностей. Этим обусловлена свобода интеллигенции, ее более широкий, чем у других социальных слоев, кругозор. Именно благодаря своей свободе от непосредственных жизненных проблем интеллигенция может заниматься культурным творчеством. Для Мангейма бытие интеллигента в качестве «культурного человека» само возникновение этой специфической социальной группы обусловлено несколькими «разделениями» или «различиями».

1. Разделением физического и умственного труда, которое стало возможным лишь на определенном этапе общественного развития, социальной дифференциации. Следует отметить, что умственный труд часто считался более почетным, чем физический, но такая оценка не универсальна.

2. Различение между «свободными профессиями» и «оплачиваемыми профессиональными занятиями». Свободные профессии подразумевают художественную или интеллектуальную

деятельность – ради самой этой деятельности, а не ради материального вознаграждения. Понятно, что заниматься «свободными профессиями» может тот, кто имеет средства к существованию. Профессиональные занятия, в чем бы они ни заключались, подразумевают вознаграждение за труд. Не во всех обществах это различие отчетливо выделяется. Там, где оно существует, «свободные профессии» – показатель престижа, высокого статуса, которым обладают те, кто ими занимается.

3. Различение между «образованными» и «необразованными» людьми. «Образованность» сама по себе придает определенный вес суждениям. Человек, претендующий на то, чтобы «учить» и «наставлять» других, должен быть более компетентен, чем они. Образованность воспринимается как необходимая предпосылка авторитетности суждений лишь в тех обществах, где появляется сам феномен образования и осознается его ценность [77, с. 110-111].

Влияние и статус интеллигенции, так же как и ее численность, неодинаковы в разных обществах и разные эпохи. Следует отметить, что массовость, общедоступность образования в современном обществе, утрата «ореола избранности» образованными людьми во многом обесценивает значение образованности как предпосылки авторитетности суждений. Функции интеллигенции также обусловлены социальным контекстом. На протяжении длительного этапа было широко распространено представление как на уровне общественного мнения, так и в научных кругах об интеллигенции как о слое людей с высшим образованием, понятия «интеллектуал» и «интеллигент» не дифференцировались. В концептуальной, глубокой по содержанию книге доктора педагогических наук, профессора А. В. Соколова «Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории», адресованной всем поколениям русской интеллигенции, прежде всего постсоветскому студенчеству, рассматриваются актуальные и дискуссионные проблемы интеллигентоведения – сходство и различия между интеллигентами и интеллектуалами, формулы интеллигентности и интеллектуальности. Далее будут представлены основные теоретические положения концепции А. В. Соколова [78, с. 344], поскольку автор учебного пособия придерживается по основным моментам подобной точки зрения. Кроме того, тема будет дополнена идеями представителей Уральской социологической школы, подтверждающими данную концепцию.

«Мне кажется, что, избегая схоластических дебатов, можно согласиться со следующим определением: *интеллект есть свойство создавать и понимать смыслы*. Под «смыслом» в данном случае подразумеваются знания, умения, эмоциональные переживания, волевые побуждения. Важно обратить внимание на то, что в интеллекте интегрируются не только выводы рационального познания (знания, умения), но и результаты эмоциональной и волевой деятельности. Поэтому интеллект *нельзя отождествлять с разумом* (умом, мышлением), ибо разум (сфера познания) – лишь один из аспектов интеллекта; другие его аспекты связаны с эмоциональной и волевой сферами человеческой психики. Обладание интеллектом есть *интеллектность*.

Понятие интеллектности нам потребовалось для того, чтобы уяснить, чем интеллигент, обладающий качеством интеллигентности, отличается от интеллектуала, обладающего интеллектуальностью, и в чем они подобны друг другу. Интеллигентность обязательно включает интеллектность. «Неинтеллектный интеллигент» абсурден, как «пеший всадник». Обратное же неверно. Интеллектный, то есть образованный и творчески одаренный человек, может быть не интеллигентом, а интеллектуалом. Выходит, что содержания понятий «интеллигент» и «интеллектуал» имеют общий корневой признак – интеллектность, но объемы этих понятий не пересекаются, так как один и тот же человек не может быть одновременно и интеллигентом, и интеллектуалом. Поэтому нелепы выражения «интеллигентный интеллектуал», «интеллектуальный интеллигент»...

Начнем издалека, с самого начала. Об интеллигенции знали древние римляне. Боэций (480-524), известный как «последний римлянин», в своем предсмертном «Утешении философией» называет интеллигенцией (*intelligentia*) «божественный разум», «высший способ познания». К термину «интеллигенция» обращалась немецкая классическая философия (Ф. Шеллинг, Г. Гегель), употребляя его в смысле «самосознание народа», «дух народа», использовали его и русские философы. В «Опыте философского словаря», составленного А. И. Галичем, среди 217 научных терминов есть «*интеллигенция, разумный дух*». Таким образом, вырисовывается первоначальное, ныне почти позабытое, философско-теологическое значение слова «интеллигенция». В пореформенной России понятие интеллигенции профанировалось и приобрело содержание, зафиксированное во

втором издании «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (1881): *«разумная, образованная, умственно развитая часть жителей»*. Поскольку обладающая стабильными социальными свойствами «часть жителей» есть социальная группа, определение В. И. Даля можно назвать социологическим.

Эта трактовка с непринципиальными редакционными вариациями воспроизводилась другими словарями и энциклопедиями. Обратим внимание на то, что здесь отсутствуют какие-либо профессиональные или сословные ограничения: подразумевается, что любой образованный дворянин, разночинец, священник, чиновник или земский служащий может именоваться интеллигентом. Не учитывается и моральное достоинство: бессовестный, но просвещенный деспот, карьерист или мошенник с университетским дипломом признавался интеллигентом. Так или иначе, но произошло «опредмечивание» бестелесного интеллигентского духа в виде вполне осязаемого и наблюдаемого социального явления, также именуемого «интеллигенция».

Описание интеллигентских кружков конца XIX века, сделанное наблюдательным писателем, хорошо согласуется с характеристикой субкультурных сообществ, принятой в социологии. Отличительными признаками этих сообществ являются: обособление и откровенная оппозиционность по отношению к культуре господствующего общества (истеблишмента); наличие собственных харизматических лидеров (пророков, вождей), своего языка (жаргона), стиля поведения, обрядов; разделяемые членами группы общие ценности, идеалы, жизненные цели; присутствие игрового компонента, придающего эмоционально-эстетическую привлекательность субкультуре. Именно субкультурный образ жизни провоцировал С. Л. Франка, Ф. А. Степуна, Н. А. Бердяева на сравнение этико-политической интеллигенции с религиозным орденом или со старообрядчеством, отличавшимся развитым этическим самоопределением.

Стало быть, в начале XX века обозначились две одновременно существовавшие трактовки русской интеллигенции: социологическая и субкультурная (этико-политическая и этико-просветительная), что обусловило полисемию термина «интеллигенция», к сожалению, ни одним лексиконом того времени не зафиксированную.

В советские времена как социологические определения в духе В. И. Даля, так и субкультурные трактовки были отвергнуты, и общепринятой стала социально-экономическая трактовка: «Интеллигенция – социальная прослойка, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом (ученые, инженеры, преподаватели, писатели, художники, врачи, агрономы, большая часть служащих)». Или: «Интеллигенция – общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры». Принадлежность к интеллигенции обуславливалась родом занятий работника. Если кого-то назначали на должность учителя, инженера, писателя, то этот человек автоматически становился интеллигентом; если освобождали от занимаемой должности, он выбывал из рядов советской интеллигенции.

Поэтому советскую трактовку рабоче-крестьянской интеллигенции мы называли социально-экономической. Важно отметить, что социально-экономическая трактовка неправомерно *отождествляет* понятия «интеллигент» и «специалист». Специалист умственного труда – это человек, удовлетворяющий духовные потребности общества путем создания, хранения и распространения духовных продуктов, пользующихся общественным спросом. В общем случае специалист работает по найму, он выполняет в пределах своей компетенции любые заказы, за которые ему платят. Интеллигент же осуществляет не любую хорошо оплачиваемую работу, а только ту, которая не противоречит его совести и убеждениям. Интеллигент, будучи образованным и творчески активным человеком, как правило, является специалистом; специалист же, в зависимости от этического самоопределения, может быть интеллигентом, а может быть интеллектуалом. Таким образом, объем понятия «специалист» *включает* объем понятия «интеллигент». В монолитном корпусе советских тружеников умственного труда можно распознать, по крайней мере, три субкультуры с разной этической ориентацией. Во-первых, кастовая субкультура партийной номенклатуры со своими этическими нормами, авторитетами, образом жизни. Эта субкультура единственная в своем роде, она не дает оснований для обобщения, поэтому исключим ее из рассмотрения. Во-вторых, этико-

просветительная субкультура сохранила, несмотря ни на что, альтруистические традиции интеллигенции Серебряного века. Наконец, в-третьих, в конце 1960-х годов в недрах советской интеллигенции возникла диссидентская этико-политическая субкультура, оппозиционная могущественному тоталитаризму. Эта интеллигентская субкультура – близкий аналог разночинной этико-политической субкультуры, сложившейся в пореформенной России XIX века, но с иными идеалами и ценностными ориентациями.

В постсоветское время интеллигентские субкультуры, исчерпав себя, самоликвидировались. Произошла дифференциация бывшей советской интеллигенции на две части: а) этически нейтральные специалисты, продолжающие вопреки всему заниматься своим привычным делом; б) рационалисты-прагматики, российские интеллектуалы, руководствующиеся нравственностью либерального предпринимательства в погоне за утилитарными ценностями и личным успехом. Кроме того, обнаружилась *этико-культурологическая* группа преимущественно гуманитарной элиты, активно исповедующая интеллектуальную свободу и высокие нравственные нормы, прежде всего – обостренную совестливость, отвергающая мещанский эгоизм и утверждающая благоговейное отношение к национальной и общечеловеческой культуре.

Для интеллектуалов-рационалистов, естественно, годятся трактовки, принятые за рубежом, например, в словаре Уэбстера читаем: *интеллектуал* (intellectual) – «человек, обладающий превосходным интеллектом и полагающийся на свой интеллект больше, чем на чувства и эмоции».

Этико-культурологическое понимание русской интеллигенции представляет собой гуманистическую реакцию на экспансию утилитаризма и технократизма. В качестве образца для подражания постсоветской молодежи предлагается не удачливый бизнесмен, «берущий от жизни все», а идеал «подлинного русского интеллигента», представляющий собой апологетический *этико-культурологический миф*. Сущность этого мифа в афористической форме выразил М. С. Каган: «интеллигент – образованный человек с больной совестью». Живым воплощением идеала интеллигентности в перестроечные годы стал академик Д. С. Лихачев.

Возможно, в современной России обнаружится еще десяток или даже несколько десятков идеальных русских интеллигентов, но

говорить о формировании этико-культурологической субкультуры мы не можем. Вместе с тем игнорировать эту интеллигентскую трактовку никак нельзя. Хотя в социальных структурах «образованным людям с больной совестью» принадлежит то же место, что и интеллигенции в философско-теологическом понимании, они вписали яркую страницу в интеллигентскую мифологию, очень полезную в педагогическом процессе.

В таблице систематизированы в хронологическом порядке трактовки понятия «интеллигенция», имевшие хождение в России в XIX–XXI веках.

Таблица 1

Трактовки понятия «интеллигенция», имевшие хождение в России в XIX–XXI веках

	Общекультурные	Субкультурные	
XIX век	<i>Социологическая:</i> «Разумная, образованная умственно развитая часть жителей» (В. И. Даль)	<i>Разночинная этико-политическая:</i> нигилисты, народники, боевики-террористы	<i>Разночинная этико-просветительная:</i> народные учителя, врачи и т. п.
Советский период	<i>Социально-экономическая:</i> «Социальная прослойка, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом» (БСЭ: 2-е изд. Т. 18. М., 1953).	<i>Диссидентская</i> – аналог разночинной, но с иной идеологией	<i>Этико-просветительная,</i> продолжающая традиции разночинцев
Постсоветская Россия	<i>Интеллектуально-рационалистическая:</i> «Человек, обладающий прекрасным интеллектом и полагающийся на свой интеллект больше, чем на чувства и эмоции» (Webster's Dictionary)	<i>Специалисты:</i> Люди, профессионально занятые умственным трудом, с обыденным этическим самосознанием	<i>Этико-культурологическая:</i> «образованный человек с больной совестью» (М. С. Каган)

Итак, «интеллигенция» – слово многозначное, имеющее, по меньшей мере, семь разных трактовок, приведенных выше:

1) исходная философско-теологическая; 2) социологическая в смысле словаря В. И. Даля; 3) этико-политическая, относящаяся к различным субкультурам XIX века и советскому диссидентству; 4) народническая этико-просветительная субкультура, в слабовыраженной форме сохранившаяся до наших дней; 5) советская социально-экономическая, распространенная на постсоветских специалистов умственного труда; 6) интеллектуально-рационалистическая, заимствованная за рубежом и подменяющая интеллигента интеллектуалом; 7) этико-культурологическая, развиваемая гуманитарной элитой постсоветской России.

Формулы интеллигентности и интеллектуальности

Почему «интеллигентности», а не «интеллигенции» или «интеллигента»? Потому что интеллигентность есть исходное ключевое понятие, так сказать, главный семантический множитель, посредством которого можно выразить другие понятия. Интеллигент – это человек, обладающий качеством интеллигентности, а интеллигенция – множество (социальная группа) интеллигентов. Раскрыв качество интеллигентности, мы определим сущность интеллигента и интеллигенции.

Обратимся вновь к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля. Формулировка этого словаря «интеллигенция – разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» была общепринятой в XIX веке, недаром она воспроизводилась всеми дореволюционными энциклопедическими словарями. В качестве признаков «интеллигентности» здесь выступают: во-первых, *образованность*, во-вторых, разумность, умственное развитие, то есть способность к духовному творчеству, или, говоря современным языком, *креативность*.

Надо заметить, что креативностью обладают все нормальные люди, но интеллигентская креативность приобретает форму рационально-критического рассуждения. Интеллигенция «живет» уровнем выше – теория, теоретическая рефлексия.

Действительно, для интеллектуально развитых индивидов (интеллигентов и интеллектуалов в равной мере) характерна склонность к теоретическому обобщению, они думают не только о том, что есть, но и о том, что должно быть, интересуются далекими от ежедневного бытия вещами, например, «конечными ценностями», началами природы и общества, происхождением Вселенной.

Налицо два бесспорных элемента интеллигентности, названные В. И. Далем. Но этих элементов недостаточно. Образованность и креативность в совокупности представляют собой не интеллигентность личности, а интеллектуальность, то есть обладание интеллектом. Интеллект же «образованного, умственно развитого человека» может быть направлен на достижение различных жизненных целей.

Жизненное целеполагание (понимание смысла жизни) зависит от этического самоопределения, то есть, говоря философским языком, этоса. Этическое самоопределение санкционирует те жизненно важные смыслы и ценности, к достижению которых следует стремиться, те нормы и эталоны, которыми нужно руководствоваться в практической деятельности, те добродетели, которые желательно культивировать, и те пороки, которых следует избегать. Именно этическое самоопределение отличает интеллектуала от интеллигента, оно и является необходимым третьим элементом формулы интеллигентности. Этическое самоопределение либо вырабатывается самостоятельно – это удел духовно сильных личностей (аристократов духа), либо приобретается путем приобщения к какой-либо интеллектуальной субкультуре.

В отличие от образованности и креативности – постоянных членов формулы, содержание которых предопределяется современным уровнем культуры, этическое самоопределение – переменная составляющая, направленность которой может меняться в широком диапазоне. Оно может быть ориентировано политически, и тогда перед нами представитель этико-политической субкультуры начала XX века; этико-просветительские и этико-культурологические концепции интеллигентности акцентируют иные духовные ценности интеллигентного человека, главными из которых остаются гуманизм, альтруизм, толерантность, осуждение мещанского стяжательства и агрессивного насилия, бескорыстное служение культуре.

Получается следующая формула русской интеллигентности: *интеллигентность* – интегральное качество личности, включающее на уровне, соответствующем определенному поколению интеллигенции, образованность, креативность, этическое самоопределение (этнос).

Постоянная часть формулы показывает отношение к сфере общественного производства: образованный субъект, занятый

умственным трудом. Переменная часть – этос – характеризует отношение к сфере личностного потребления, то есть к средствам удовлетворения потребностей и интересов. Разграничение интеллигентов и интеллектуалов происходит не в сфере производства, где они могут занимать одинаковое положение и выполнять одни и те же функции, а в сфере потребления, где происходит относительно свободная самореализация индивида.

Поколение интеллигенции – историческая общность, характеризующаяся типичными для нее мировоззрением, интеллектно-этическими идеалами, ценностными ориентациями, социально-психологическим складом. Смена поколений интеллигенции означает смену культурно-исторических эпох.

Очевидно, что каждому поколению интеллигенции свойственны свои, исторически обусловленные нормы этического самоопределения. В этих нормах выражаются: направленность личности – альтруизм или эгоизм; отношение к оппонентам (агрессивность) – толерантность или насилие; отношение к культуре – благоговейное почитание или потребительская эксплуатация. Согласно этико-культурологической и этико-просветительной трактовкам интеллигенции, этическая переменная интеллигента должна обязательно включать: а) альтруизм, б) толерантность, в) благоговение перед культурой. Уточним эти понятия.

Альтруизм понимается как ощущение ответственности за благополучие не только свое и своих близких, но и других людей, общества, человечества в целом. Альтруистический этос включает признание равенства (равноценности) и братства людей, ощущение потребности в других людях и братской любви к ним.

Толерантность (ненасилие) – межнаучное понятие, принятое в политологии, этике, культурологии, психологии. При рассмотрении интеллигентности будем иметь в виду понимание толерантности как «способности индивида без возражений и противодействия воспринимать отличающиеся от его собственных мнения, образ жизни, характер поведения и какие-либо иные особенности других индивидов», как отказ от насилия и «отрицание принуждения как способа взаимодействия человека с миром, природой, другими людьми». Толерантность не означает примирения со злом, потакание злу своим бездействием. Напротив, она предполагает сопротивление

злу словом или неповиновением, бойкотом распоряжений злобной власти, но никак не силой оружия.

Благоговение перед культурой представляет собой, с одной стороны, самоидентификацию с национальной культурой и ощущение бремени культурного наследия, то есть осознание личной ответственности за сохранение культурных ценностей предков; с другой – почитание культурных памятников других стран и народов в качестве общечеловеческого культурного наследия. Интеллигентный человек относится к произведениям культуры как к безусловной и абсолютной ценности, а ни в коем случае не как к утилитарному средству.

Итак, исходная формула интеллигентности соответствует фигуре интеллигента-гуманиста, этическое самоопределение которого включает альтруизм + ненасилие + благоговение перед культурой.

Аналогично можно построить исходную формулу интеллектуальности, которая выглядит так же, как формула интеллигентности, а именно: формула интеллектуальности соответствует этико-политической субкультуре и интеллектуалам западного образца. Главное ее отличие от формулы интеллигентности заключается в том, что этическая переменная имеет иное содержание, ибо разумные эгоисты и интеллектуалы, согласно определению, руководствуются разумом, а не эмоциями и чувствами (значит, им чужды моральные эмоции сострадания, привязанности, благоговения, чувства совести и стыда). Место альтруизма в формуле интеллектуальности занимает эгоизм, место толерантности – интолерантность (нетерпимость), практикующая насильственные методы по принципу «цель оправдывает средства», вместо благоговения перед культурой – потребительское использование ее в качестве вспомогательного средства или источника комфорта и развлечения. В связи с этим интеллектуалу свойственны культурная индифферентность, готовность адаптироваться к любой культурной среде, отказ от самоидентификации с определенной национальной культурой. Нарисованную фигуру интеллектуала назовем интеллектуал-циник, учитывая, что ее этическое самоопределение характеризуют эгоизм + насилие + потребительское отношение к культуре. Как известно, циник – безнравственный человек, использующий любые средства для достижения своих целей.

Наконец, представим формулу интеллектности, соответствующую социологической и социально-экономической трактовкам интеллигенции. Поскольку в этих трактовках отсутствует этическое самоопределение, формула упрощается и выглядит следующим образом: отсутствие в формуле интеллектности этической составляющей не означает, что реальные субъекты интеллектуального слоя этически нейтральны. Ведь не зря дореволюционную интеллигенцию обвиняют в нигилизме и фанатизме, а советскую интеллигенцию упрекают в конформизме и сервилизме, легко перераставших в «рептильную приспособляемость и рабскую угодливость».

Соглашаясь в целом с концепцией А. В. Соколова, с составляющими формулы интеллигентности как идеальной модели, в неоднозначных условиях и промежуточных результатов модернизации высшего образования, редукции смысла университетского образования, его прагматичной ориентации в условиях рыночного общества, бессодержательной формы (диплом с несоответствующим уровнем знаний), определить значимость составляющих формулы в современных условиях. Обязательным ли для интеллигента является высшее образование? В нашей литературе настойчиво утверждается, что интеллигенция и интеллектуалы не тождественные понятия: можно быть интеллектуалом, не являясь интеллигентом, но нельзя быть интеллигентом, не будучи интеллектуалом. И всё же оппозиция «интеллектуал – интеллигент» имеет основания, что убедительно показано в работах Л. Н. Когана, точка зрения которого приводится ниже [79, с. 279-285]. Нравственные начала в обществе всегда имеют конкретные формы воплощения. Интеллигенция западного типа вызвала к жизни такое качество, как интеллектуализм, в котором акцентируются моменты рационалистические, прагматические, утилитарно-деловые. Западная традиция анализирует феномен интеллигентности в социологическом аспекте с точки зрения социального происхождения, функции. Что касается российской традиции в осмыслении этого явления, то здесь доминирует культурологический подход. Исследуется, как правило, отношение русской интеллигенции к ценностям духовного порядка. В Британской энциклопедии понятие «интеллектуал» имеет специальную главку «Русский интеллигент», что вызвано своеобразием явления, так как в России интеллигенция

осмысливалась в качестве духовной элиты общества, для которой было характерно единство интеллектуального и нравственного начал. Д. С. Лихачев акцентирует внимание на главном критерии интеллектуальности – высокой нравственности. В связи с этим Лихачев отказывает в чести быть названными в качестве первых русских интеллигентов князьям Владимиру Мономаху (не заботился о своем народе, как требует нравственное начало), Андрею Курбскому (бросил войско, предал царя, нарушил закон совести в отношении к Отечеству), поэту Державину (был близок к власти, слишком зависел от нее). Основным критерием русской интеллигенции является высокая нравственность, воплощение духовно-нравственного эталона времени, тяготеющего к общечеловеческим ценностям. Академик Д.С. Лихачев с полным основанием пишет: «Я встречал настоящих интеллигентов среди самых простых людей, а неинтеллигентов – среди академиков» [80, с. 181]. Занятия интенсивным умственным трудом и даже духовным творчеством не всегда требуют специального образования. Известно, что среди писателей, актеров, художников и пр. было и есть немало людей, не имеющих специального образования, что отнюдь не мешало им быть высокоинтеллигентными людьми. Понятно, что это отнюдь не означает, что интеллигент не может быть дилетантом. Жизнь показывает, что прочные и глубокие знания можно получить и путем самообразования и воспитания. Именно эта деятельность и открывает путь каждому в ряды интеллигенции.

Сегодня интеллигентность – концентрированное выражение культурного генофонда общества. Критерием интеллигентности являются приоритет нравственного начала, ориентация на общечеловеческие духовные ценности, обеспокоенность судьбой народа и людей, готовность к жертвенности во имя гуманистических идеалов. А. Ф. Лосев в статье «Об интеллигентности» пишет, что она есть «функция личности» в рамках определенной идеологии, которая «блюдет интересы общечеловеческою благоденствия». Интеллигентность, как правило, проявляется бессознательно, поэтому притвориться интеллигентом, выдавать себя за него невозможно. Ю. М. Лотман считает, что интеллигентность устойчива и способна к воспроизводству, так как чувство гуманизма лежит в природе человека. Сущность интеллигентности в стремлении понять другого,

толерантности, терпимости, праве на сомнение, в единстве слова и дела, во внутренней силе духа.

Принято считать, что российской интеллигенции свойственна двойственность характера. С одной стороны, идейная свобода духа, активная генерация идей, а с другой – неумение их реализовать, найти адекватные формы воплощения. Интеллигенция как социальная общность неоднородна по своим корням и включает разные группы. В частности, можно выделить ученых и, условно говоря, «мастеров слова». Ученые и специалисты-профессионалы с высшим образованием становятся все более многочисленной и влиятельной группой общества. Наконец, следует отметить возникновение СМИ и массовой культуры. Среди современных творцов идей и мнений популярные писатели, журналисты и публицисты занимают важное место. Ученые создают новое знание, что позволяет увеличивать технологические возможности человека, улучшать материальные условия существования. Интеллектуальное воздействие этой группы на другие группы и общество в целом не прямое, а опосредованное. Технические новации, новые лекарства могут иметь огромные последствия для общества, но уже в качестве материальных артефактов. «Идеи» же, стоящие за этими артефактами, большинству людей неизвестны и непонятны, способны оказать непосредственное и глубокое воздействие на культуру эпохи. Идеи и мнения, продуцируемые публицистами, писателями и журналистами (к этой же группе следует отнести ученых, если они пропагандируют свои идеи за пределами научного сообщества) – напрямую воздействуют на мнения людей, формируют эти мнения. При этом последствия распространения новых идей часто не менее значимы, чем последствия научных открытий и технических изобретений. Данную группу интеллигенции следует назвать гуманитарной интеллигенцией, в то время как первую – научной.

Роль, функции и происхождение двух этих групп современной интеллигенции различны, функцией научной интеллигенции является производство и использование идей в прикладном, утилитарном аспекте, а функция гуманитарной интеллигенции – быть «самосознанием» общества, в котором она существует, вырабатывать общие духовные ориентиры в условиях мировоззренческой и нормативной неопределенности.

Гуманитарная интеллигенция исторически возникла раньше научной [81, с. 283-290]. К ее представителям мы можем отнести Вольтера и Д. Дидро, В. Белинского и Н. Чернышевского, а также множество подобных исторических персонажей, занимавшихся литературным творчеством и публицистикой. Научная интеллигенция как социальный слой сформировалась в результате превращения науки в «производительную силу» общества, и произошло это лишь в XIX – начале XX вв. Деятельность научной интеллигенции связана с реализацией прагматических целей. Но при этом сам научный поиск нередко воспринимается представителями данной группы как самоцель. Создателей атомной бомбы интересовали в первую очередь не практические последствия их изобретения, а новые знания и возможность найти решение интересной технической проблемы. Представители научной интеллигенции, как правило, интегрированы в сложившуюся социальную структуру и решают конкретные задачи: совершенствуют организацию труда, повышают эффективность вакцины от гриппа, увеличивают точность наведения новых крылатых ракет и т. д. Научная интеллигенция в целом не заинтересована в социальных и культурных изменениях, хотя своей профессиональной деятельностью может способствовать этим изменениям. К этой же группе интеллигенции относятся и представители общественных наук, если их интересы лежат в сфере научного поиска и решения конкретных задач. Однако если представитель научной интеллигенции вдруг займется решением мировоззренческих проблем и обратится к достаточно широкой аудитории, то он, условно говоря, «превратится» в представителя интеллигенции гуманитарной. Естественно, что различие между научной и гуманитарной интеллигенцией – типологическое и вовсе не подразумевает наличия непроходимой границы между этими «подгруппами» интеллектуалов.

Гуманитарная интеллигенция существует для производства и распространения идей и смыслов, которые не связаны с прагматическими, утилитарными целями. Она комментирует и критикует сложившийся социальный порядок, публично обсуждает нравственные, моральные, мировоззренческие проблемы. Социальное положение гуманитарной интеллигенции делает ее отчасти независимой, автономной по отношению к сложившемуся социальному устройству. Ее функция – говорить и мыслить, а не

производить и управлять. «Культурный капитал», которым она обладает, позволяет ей считать себя способной выносить квалифицированные суждения. Позиция независимого «наблюдателя», не включенного непосредственно в практическую деятельность, дает возможность интеллигенции «экспериментировать» с идеями, а также верить в их преобразующую силу, нередко упуская из виду возможное «сопротивление материала» – социальной и культурной среды. Влияние гуманитарной интеллигенции на общество не стоит недооценивать. Идеи Ж.-Ж. Руссо и К. Маркса оказали на ход исторического развития не меньшее воздействие, чем овладение энергией атома [82, с. 145-168].

Гуманитарная интеллигенция может быть и «охранительной» – выступать в качестве защитника традиций и устоев, существующего социального порядка. В этом качестве она всегда востребована властью, нуждающейся, как мы отмечали выше, в идейном обосновании своего господства и сохранении «status quo». «Интеллектуальные поединки» представителей критической и охранительной гуманитарной интеллигенции сыграли большую роль в истории культуры Европы и России эпохи Нового времени.

В нашей стране водораздел между гуманитарной и естественнонаучной ветвями культуры был всегда относителен. Гуманитарную культуру создавали врач Чехов, химик Бородин, физик Сахаров, математик Солженицын и многие другие служители «точных наук».

Специфической группой интеллигенции является интеллигенция художественная, сфера деятельности которой – искусство. Воздействие произведения искусства на сознание, а также эмоциональную сферу человека огромно. Удачно найденный художником образ может влиять на индивидуальное и массовое сознание не меньше, чем слово. Причем это влияние не обязательно «сиюминутно». Выдающиеся произведения искусства сохраняют свое воздействие на протяжении десятилетий и даже столетий. В сфере художественного творчества нередко возникают эмоционально насыщенные идеи и образы, способные изменить сложившиеся в обществе стереотипы мышления и поведения. Для гуманистической духовной революции эпохи Возрождения художники сделали не меньше, если не больше, чем философы. Массовое сознание помнит

Возрождение именно как эпоху Леонардо да Винчи, а не Пико Делла Мирандолы.

Выделяя характерные черты интеллигенции как социокультурного феномена, доктор философских наук Е. С. Элбакян анализирует их изменения в современных условиях [83, с. 82-95].

«Социальная и культурная природа российской интеллигенции тесно связана с особенностями российской цивилизации. Если в западных странах начиная с XIX века ведущую роль стала играть техническая интеллигенция (интеллектуалы), ориентированная, в первую очередь, на утилитарные («земные»), злободневные интересы и предоставившая высшие идеалы в распоряжение религии и церкви, то в России главенствующее место заняла гуманитарная интеллигенция, которая стремилась сама решить, что есть истина, справедливость, общественные идеалы, и отвергала монопольное право церкви давать ответы на подобные вопросы. Анализируя единый комплекс специфических нравственно-психологических черт, присущих сознанию российской интеллигенции, Н. Лосский полагал, что его основные черты укоренены в русском национальном характере. «Борьба против мещанства, то есть против буржуазного умонастроения и строя жизни, ведется русской интеллигенцией во имя достоинства индивидуальной личности, во имя свободы ее, против подавления ее государством или обществом, против всякого низведения ее на степень лишь средства».

Историк-эмигрант Д. Кончаловский так характеризовал российскую интеллигенцию: критически мыслящая, отчасти атеистичная, склонная скорее к деструкции, чем к созиданию, в большей степени рефлексирующая, чем деловая.

Продолжая эти размышления о социокультурном облике российской интеллигенции и выделяя в нем ряд черт, в качестве первой черты можно назвать ее скептицизм. Его истоки лежат в неустойчивости группового мировоззрения. В этом есть определенный позитивный момент: именно переменчивость собственного мировоззрения заставляет интеллигенцию обратить свои взоры на мировоззрение других социальных групп. Но, несмотря на это, социальное дистанцирование (и это – вторая черта) между интеллигенцией и другими социальными группами сохраняется. Дистанция между интеллигенцией и народом, проявляется в речи, языковых оборотах, возможностях адекватного выражения своих

мыслей, продуцировании идей, наконец, в общем культурном уровне. Но помимо социального дистанцирования у интеллигенции существует «экзистенциальное» дистанцирование – осознанная и остро переживаемая дистанция между собственным «я» и другой личностью, а также между человеком и Богом.

С проблемой дистанцирования тесно связана и третья черта – способ самоидентификации интеллигенции, т. е. выработка системы ориентации в мире на основе отождествления себя с каким-то признанным образцом. В каждую эпоху у каждой социальной группы существует определенная форма самоидентификации, которая очень часто носит ситуативный характер и не всегда адекватна. Вместе с тем, изменение самоидентификации влечет эволюцию самосознания социальной группы.

В наши дни происходит распад самоидентификации интеллигенции, деформирующий ее сознание и выражающийся в неспособности к выработке собственного устойчивого образа. Причины этого процесса следует искать, во-первых, в неоднозначности и колебаниях привычных рамок самоидентификации интеллигенции (в результате трансформации ценностных ориентиров, годами и десятилетиями вырабатываемых обществом); во-вторых, в снижении роли выработанных и признаваемых авторитетов и устойчивых символов, в изменении структуры коллективного символического пантеона и, в-третьих, в сужении пространственно-временного поля, характерного для кризисных этапов в развитии общества.

Смена ценностных установок, норм, символов, изменение отношения к различным феноменам социума, потеря самоидентификации и дистанцирование от других социальных групп характерны для интеллигенции, особенно в кризисные моменты развития общества. В стабильные периоды эти характеристики приобретают позитивное звучание, когда ценности постепенно становятся нормами.

И все-таки «нормативное бунтарство» (четвертая черта), глубоко свойственное российской интеллигенции, на протяжении истории выступает катализатором и идеологией социального конфликта. В основе подобного «горя от ума» (явления сугубо русского) лежит важный психологический факт: стремление к абсолюту при полном неприятии усредненности, нежелание видеть в

повседневности объект приложения культурных усилий. Христианская заповедь «не любите мира, ни того, что в мире» (I Иоанн, 2, 15) носит для российской интеллигенции фундаментальный характер. Погружаясь в «мир идей» и забывая о «мире вещей», решая смысложизненные духовно-нравственные проблемы, она уходит от проблем «мирских». Место «профанного» (конкретные проблемы) в ее сознании занимает «сакральное».

Очевидны углубление амбивалентности и противоречивости элитарной психологии интеллигенции в последнее десятилетие. Кризисное состояние современной российской науки и культуры, падение социального статуса и комплекс невостребованного человека, преобладание логики выживания, деформация системы ценностей, характеризующаяся, с одной стороны, апатией, а с другой – нетерпимостью, агрессивностью, глубоким социальным расколом, ослабляют влияние интеллигенции как элиты общества и носителя культуры, защитника устоев и общечеловеческих ценностей и на политиков, и на народ, и на общество в целом. Сложившаяся в современной России реальная социально-политическая ситуация вступает в определенное противоречие с функциями интеллигенции, которые она должна выполнять в обществе.

В основе элитарной психологии и идеологии интеллигенции лежит объективный социальный феномен – общественное разделение труда. Если сфера приложения труда других социальных групп общества – отдельный «участок», непосредственно связанный с их профессиональной деятельностью («земля – крестьянам», «заводы – рабочим»), то сфера приложения труда интеллигенции – общественная жизнь в целом. Это лишает интеллигенцию практицизма, присущего другим общественным группам, отрывает ее от реальности. Такую ситуацию можно назвать шестой чертой интеллигенции. Она представляет собой «свободно парящую» социальную группу и часто ищет средства от общественных потрясений не в мире практических действий, а в мире иллюзий и идей. Поэтому в качестве седьмой черты российской интеллигенции можно назвать эскапизм – уход в мир отвлеченных идей и утопических проектов, рождающий чувство мессианства, но в свою очередь очень часто делающий невозможным для нее воплотить в реальную жизнь свои программы.

Подобная ситуация рождает политическое отчуждение интеллигенции (восьмая черта). Опираясь на абстрактными понятиями, строя идеологические модели полного преобразования всей системы общественных отношений, пытаясь отыскать вечные ценности для народа и указать пути их достижения, интеллигенция стала играть роль главной оппозиционной и критической общественной силы.

Отсюда специфическое, двойственное отношение российской интеллигенции к народу (девятая черта). С одной стороны, народолюбие, служение народу, чувство вины перед ним, с другой – социальная дистанция, элитарная психология, навязывание определенных идей, иллюзий, социальное мифотворчество. Проблема вины интеллигенции перед народом имела два пути преодоления: просвещения народа или революционно-освободительной борьбы. На разных исторических этапах разные группы российской интеллигенции выбирали либо один, либо другой из названных путей, либо оба.

Все сказанное рождает неоднозначный образ российской интеллигенции. С одной стороны, ей свойственны позитивные качества: сострадание обездоленным, искреннее желание помочь им, стремление к истине и справедливости, чувство повышенной личной ответственности за судьбы цивилизации, мечты о свободе и независимости, противостояние власти во благо народу, попытка его просвещения, повышения его культурного уровня, потребность в творческом и самостоятельном труде».

Основные идеи и представления об интеллигенции представителей Уральской социологической школы Л. Н. Когана и Г. К. Чернявской оппонируют точке зрения Е. С. Элбакян и подтверждают концепцию А. В. Соколова. Мы посчитали необходимым привести достаточно обширную цитату из их работы.

Что дает интеллигентность человеку? Ответим одним словом – свободу. Интеллигентность делает человека свободным, ибо нормы права и морали, заповеди религии оказываются для него не внешними, чуждыми и враждебными, а выражающими его свободную волю, входящими в повседневный быт, в привычку. Интеллигентность обеспечивает свободу и независимость суждений, освобождает от рабского преклонения перед мнением толпы, от конформистского восприятия готовых шаблонов и стереотипов. Интеллигентный человек не будет объектом манипулирования ни

власти, ни тех или иных оппозиционных лидеров. Он свободен, ибо имеет собственное мнение. Интеллигентность дает свободу общения, ибо само общение получает новый смысл, становясь общением по поводу культуры. Другими словами, подлинная интеллигентность обеспечивает свободу мысли, поведения и общения, подлинную естественность, возможность в любой ситуации оставаться самим собой, верным себе самому. *Интеллигентность*, кратко говоря, *это культура, ставшая повседневной нормой поведения человека*, столь же естественной для него как дыхание.

Российская интеллигенция имеет богатейшие традиции, которые она выстрадала на протяжении своей короткой, но подлинно трагической истории. Ее традиции формировались Ф. Достоевским и А. Чеховым, Л. Толстым и В. Вернадским, В. Соловьевым и Н. Бердяевым, А. Сахаровым и М. Ростроповичем и многими другими – целыми поколениями русских интеллигентов, каждое из которых обогащало и умножало эти великие традиции. В книге речь будет идти об этих замечательных традициях и о трагедии русской интеллигенции, гонимой властью и люмпенизированными слоями общества. Невозможно найти другую страну, где интеллигенция пережила такую же трагедию и в то же время сумела сохранить и умножить свои традиции. Важно подчеркнуть, что в отличие от стран Запада, где интеллигенция (точнее – интеллектуалы) прежде всего рекрутировалась из людей, имеющих гуманитарное образование, в России значительную роль в ее формировании и развитии играли инженеры, натуралисты и естествоиспытатели. Они являлись ядром интеллигенции, ее оплотом.

Какое определение точнее всего отражает сущность интеллигенции? Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует исходить из трех основных принципов:

1. *Интеллигенция не есть особая социальная группа*. Скорее, это духовная элита общества.

2. *В основной своей массе интеллигенция, безусловно, рекрутируется из образованных слоев общества*, из специалистов, профессионально занятых умственным трудом. Однако далеко не все специалисты могут быть отнесены к интеллигенции, в то же время в интеллигенцию входит и определенное количество людей физического труда, имеющих сравнительно низкое образование.

3. *Главное отличие интеллигента состоит* не в уровне его

образования и специальной подготовки, а в его нравственном облике, его мировосприятии, его духовности.

Не учитывая любой из этих принципов, невозможно дать верное определение интеллигенции. Если принадлежность к тому или иному классу или социальной группе (в том числе – к специалистам) обусловлена объективным местом человека в социальной структуре, то принадлежность к интеллигенции зависит от *субъективных качеств* индивида, от меры его *духовности*. Интеллигенция – ценностное понятие. Качество интеллигентности, необходимое для каждого принадлежащего к интеллигенции, – ценность. Естественно, границы интеллигенции весьма подвижны и относительны, подобно тому как подвижны и относительны критерии принадлежности к интеллигенции, разные у разных групп и в разное время. Интеллигенция, понимаемая таким образом, не может рассматриваться как определенная часть социальной структуры общества (такой частью является социальный слой *специалистов*), а представляет собой *культурно-этическую группу*. Границы же интеллигенции, напротив, весьма размыты, поскольку человека относит к ней общественное мнение окружающих. Если меняется социальное окружение, то приходится снова и снова подтверждать это мнение. Принадлежность к интеллигенции – комплексная оценка человека, его гражданственности, нравственных принципов, мышления, поведения и творчества.

Интеллигенция (в отличие от слоя специалистов умственного труда) не была и не является ныне особой социальной группой. Принадлежность к любой социальной группе определяется объективным и не зависящим от личных качеств положением человека в обществе. *Интеллигент – это прежде всего характеристика именно личностных качеств*. Интеллигенты могут принадлежать к разным социальным группам, в том числе – к рабочему классу по своему объективному общественному положению, но оставаться при этом интеллигентами...

Какие же конкретно качества, необходимо присущие *каждому* интеллигенту? Понятно, что речь идет не о каком-то обязательном «наборе», не о простом перечне определенных качеств и свойств, а об их органическом *единстве, целостности*, неповторимо индивидуальной у каждого конкретного интеллигента. Более того, именно интеллигенты – люди с наиболее ярким проявлением

личностного начала, наиболее развитой индивидуальностью. Конечно же, интеллигенты – живые люди, им не чуждо ничто человеческое, у каждого из них есть свои достоинства, недостатки и слабости. Различны их умственные способности и дарования. Ангелов во плоти не бывает. Однако при всех таких различиях интеллигентам присуще и коренное *общее*. М. Вебер писал об «идеальных типах» в общественной жизни. Это индивид, выступающий «теоретически конструированным чистым типом смысла, субъективно предполагаемым действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации». От этого «идеального типа» всегда существуют у жизни отклонения в ту или иную сторону.

Систему присущих каждому интеллигенту качеств можно представить следующим образом: системным качеством, основной характеристикой интеллигентности, очевидно, можно считать *воспитанность*, которая является результатом не только воспитания, но и самовоспитания. Воспитанность, в свою очередь, проявляется в толерантности (включающей и уважение к людям, их мнению), тактичности, милосердии, доброте. Воспитанность мы понимаем как внутреннюю культуру человека, ее ни в коем случае нельзя сводить только к правилам внешнего этикета. Интеллигентность обязательно предполагает воспитанность, но она не может быть сведена только к ней. Воспитанных людей несравненно больше, чем интеллигентов. Помимо воспитанности, интеллигентность предполагает участие человека в духовном творчестве. Ошибочно считать, что этим творчеством способны заниматься только специалисты. Искключительно широкие просторы открывает для духовного творчества *народная культура* – народная этика, педагогика, народное художественное творчество, народная медицина и т. д. У нас до сих пор распространен нелепый термин: «творческая интеллигенция». К ней относят обычно только художественную интеллигенцию. Но может ли быть «нетворческая интеллигенция»?! Само такое предположение абсурдно. Участие в духовном творчестве в самых различных формах – необходимая характерная черта интеллигента. Человек может быть назван интеллигентом только тогда, когда он повседневно упорно занимается *самообразованием*, овладевает *культурой*. Интеллигента отличает широта и глубина знаний – неважно, получены ли они в тех или иных учебных заведениях или путем самообразования. Наконец, интеллигенту

присущи высокие *нравственные качества*: *правдивость*, кристальная честность, принципиальность, высокая гражданственность. Интеллигентность – общность *нравственных функций*. Профессиональные функции у интеллигента-физика и интеллигента-артиста разные, а нравственные функции одни и те же. Интеллигент – не многознайка, можно иметь весьма обширные знания в различных областях, но не быть интеллигентом. Римский философ и оратор Цицерон в трактате «О природе богов» употребляет слово «интеллигенция» в двух различных смыслах: как «разумность» и как «способность понимать». Таким образом, многовариантность этого термина имеет очень древние традиции. Особенно интересен второй из смыслов, вкладываемых Цицероном в это слово. В российской традиции интеллигент – человек, способный самостоятельно *понимать* сущность природных и социальных проблем.

Исходя из сказанного, *интеллигенция* – культурно-этическая элита общества, как правило, занимающаяся творческим умственным трудом и обладающая высокими нравственными качествами, подлинной духовностью, гражданственностью, заботой об общественном благе. Разумеется, подобно любой дефиниции, это определение упрощает и огрубляет суть изучаемого явления, но все же, думается, оно схватывает главное. Главная функция интеллигенции – быть *совестью* общества. Именно интеллигенция в первую очередь должна сознавать ответственность перед Историей за судьбы страны...

С этой функцией тесно связана и другая – интеллигенция, как уже говорилось, по самой своей природе выступает *критиком общества*. При этом объектом ее критики является не только власть, но и народ, те или иные его общественные группы (в том числе – она сама), феномены массового сознания, психология толпы. Именно интеллигенция выступает основным *творцом и хранителем национальной культуры*. Если большинство специалистов участвует в распространении и сохранении (библиотеки, музеи, архивы) культуры, то интеллигенция составляет ядро ее *творцов*. Хотя участвуют в создании «ученой» культуры и все другие слои общества, но интеллектуалам-интеллигентам здесь принадлежит приоритет. Интеллигенция играет важнейшую роль в отборе и сохранении *социальной памяти* нации, в передаче этой памяти молодым поколениям...

Наконец, необходимо остановиться еще на одной функции интеллигенции, назовем ее функцией *социальной экологии* человека. Интеллигенция оберегает окружающую человека среду, она в первую очередь обеспечивает образование вступающих в жизнь поколений, их быт и культурный отдых, она охраняет здоровье людей. Таковы важнейшие функции интеллигенции. Необходимо отметить, что действительность неизмеримо сложнее веберовских «идеальных типов» и интеллигенция далеко не всегда успешно выполняла свои функции. Интеллигенция составляет сейчас небольшую часть слоя специалистов, людей умственного труда. Слой этот весьма сложен и неоднороден. Неоднозначно и его отношение к реформе. Та часть специалистов, которую А. И. Солженицын метко назвал «образованцами», не имея ни глубоких знаний, ни подлинно высокой квалификации, понимает, что она не будет иметь шансов на трудоустройство при свободном рынке труда. Наконец, наиболее образованная и квалифицированная часть специалистов мечтает о таких общественных отношениях, при которых они могли бы плодотворно, творчески и в полную силу работать и получать высокую заработную плату за свой труд. Именно к этой части и принадлежит в основной своей массе *интеллигенция*. Интеллигенция не может принять обстановку общего поклонения золотому тельцу, торгашества, господства бездуховности. Русской интеллигенции всегда было присуще стремление жить на результаты своего собственного умственного труда, хотя при этом интеллигент в России никогда по-настоящему не был действительным собственником продуктов своего интеллектуального творчества. Его всегда грабили издатели, антрепренеры, предприниматели. Если обратиться к письмам А. С. Пушкина, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского и многих других корифеев русской культуры, мы увидим, в каких стесненных материальных обстоятельствах жили они. Речь идет отнюдь не о богатстве, а лишь о самом элементарном материальном достатке, хотя бы в какой-то мере эквивалентном их вкладу в русскую культуру. Российской интеллигенции всегда был чужд дух стяжательства, обогащения, скопидомства. В ее сознании духовные ценности всегда преобладали над материальными... [84, с. 279-299].

Говоря о перспективах современной российской интеллигенции, необходимо отметить, что будущее – за цельным общественным сознанием, а плюрализм мнений является промежуточной формой.

Главные задачи, стоящие перед интеллигенцией в условиях социальных трансформаций, заключаются в сохранении позитивных элементов существующего в обществе мировоззрения и в преобразовании социального наследия в направлении его рационализации. Это возможно лишь при активном участии интеллигенции в процессе социальных изменений. Общий кризис общественного сознания, остро ощущаемый интеллигенцией, необходимо преодолеть, и помочь здесь во многом может ее огромный и уникальный опыт, накопленный на протяжении двух столетий. И тогда, быть может, будут найдены ответы на извечно волнующие нас вопросы – «Кто виноват?» и «Что делать?».

Вопросы к главе 6

1. Проанализируйте основные теоретические положения концепции А.В. Соколова.
2. Что означает понятие «интеллектуальность»?
3. В чем специфика социологической и субкультурной трактовки понятия «интеллигенция»?
4. Какие трактовки понятия «интеллигенция» Вам известны?
5. Проанализируйте формулы интеллектуальности и интеллигентности.
6. Какое из определений наиболее точно отражает сущность интеллигентности?
7. Проанализируйте функции интеллигенции в обществе.

Глава 7. Культура гражданственности и гражданская культура. Основные характеристики гражданского общества

В настоящее время термин «гражданское общество» широко используется представителями различных наук и сфер жизнедеятельности общества. Но смысловая многовариантность этого понятия есть концентрированное наследие всех крупных фигур западной теоретической традиции. Понятие «гражданское общество» очень древнее, и со времени его первого употребления Аристотелем оно вобрало в себя различные, отличающие его от других понятий, ценности.

Множество подходов к его интерпретации объясняется рядом причин: многоаспектность и комплексность самого явления, разнообразие теоретических концепций и подходов к его описанию и объяснению, складывавшиеся в течение длительного периода времени. Поскольку в трудах практически любого западного исследователя можно найти размышления о реальном и идеальном взаимодействии государства и общества, социума, концепции гражданского общества рассматривались в трудах представителей западной общественной мысли XVII-XIX вв., а существовавшие до этого идеи могут считаться предпосылками. Это объясняется тем, что до Локка в социальной философии присутствовало отождествление общества и государства [85, с. 7]. В классическом понимании гражданское общество еще не воспринималось как отдельная от государства сфера.

Первые научные предпосылки о взаимодействии общественного и государственного начал можно увидеть уже в трудах Платона и Аристотеля. Ценность суждений Платона и Аристотеля о государстве заключается в том, что «общество» и «государство» представлялись ими как синонимичные понятия, согласно которым люди, объединившись вместе, живут сообща для совместного достижения каких-либо благ – и это уже предпосылка государственности. Аристотель продвинулся дальше Платона в своих рассуждениях и считал, что государство возникло на основе общения, т. е. диалога между людьми. Но существенный недостаток воззрений обоих философов заключается в их относительно поверхностном восприятии реальности, поэтому дальше прямых наблюдений они не продвинулись.

Дальнейшее развитие представлений о взаимодействии государства и общества связано с разработкой идей «естественного права» и «общественного договора» в трудах Т. Гоббса и Ж. Ж. Руссо, которые вскрыли природу общественных отношений – договорность и соглашение.

Значительный вклад в науку относительно сущности гражданского общества внесли немецкие ученые И. Кант и Г. Гегель. По мнению И. Канта, государство возникает на основе т.н. *первоначального договора*: «Акт, через который народ сам конституируется в государство, собственно говоря, лишь идея государства, единственно благодаря которой можно мыслить его правомерность – это первоначальный договор, согласно которому все (omnes et singuli) в составе народа отказываются от своей внешней свободы с тем, чтобы снова тотчас же принять эту свободу как члены общности, т. е. народа, рассматриваемого как государство (universi)...» [86, с. 69]. В «Метафизике нравов» И. Кант рассматривает отдельное состояние некоторых индивидов, которое характеризуется специфическим гражданским статусом. Основными чертами, присущими гражданскому статусу, он называет следующие: «основанная на законе свобода каждого не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие; гражданское равенство,...гражданская самостоятельность – быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-либо другого,...а своим собственным правам и силам» [87, с. 120]. Интересно, что у Канта мы можем наблюдать дихотомию двух состояний индивида: как члена гражданского общества, которым движут собственные интересы, и как гражданина государства, для которого приоритетным становится общественный интерес. Культура, по мнению Канта, в данном случае должна выступать фактором гармонизации этих двух антагонистических состояний [88, с. 35].

Своеобразную точку зрения по вопросу гражданского общества высказал Г. Гегель. Согласно ей, государство, сплачивая индивидов и преодолевая их эгоизм, выражает некий всеобщий общественный интерес. Частные же интересы граждан должны как минимум не противостоять ему, как максимум – подчинены ему [89, с. 502-506]. Г. Гегель связывал гражданское общество с суммой социальных практик, учреждаемых логикой капиталистической экономики, которая в свою очередь не сводится только к экономике как таковой.

Оно включает экономические отношения и в рамках этих отношений – добровольные формы организации. Нормативно гражданское общество представляет собой переходную стадию от состояния семьи к состоянию государства. На этой стадии действуют принцип частного индивидуализма и подразумевается принцип коллективности [90, с. 192]. Пространство действия этих принципов Г. Гегель понимает как поле, где индивиды, находясь в состоянии взаимозависимости друг от друга, но со своими интересами, вступают в социальную связь. Однако в подобном обществе неизбежны муки эгоизма и конфликтов. У Г. Гегеля в гражданском обществе преобладают эгоистические интересы, но это преобладание можно и нужно трансцендентировать государством, которое выступает в качестве института всеобщего интереса. По Г. Гегелю, вмешательство государства только тогда будет легитимным, когда оно будет защищать интересы народа и исправлять несправедливости. Однако разрешение вмешиваться в дела гражданского общества подрывает независимость гражданского общества как гаранта свободы его членов.

Значительный вклад в становление и развитие концепции гражданского общества внес А. де Токвиль. Главная его заслуга заключается в том, что он первым в истории социологической мысли рассматривает, исследует и описывает добровольные гражданские объединения неполитического характера (ассоциации), которым он отводит весьма важные функции: объединяясь, граждане интегрируют свои индивидуальные интересы; получают возможность эффективно влиять на государство, и тем самым их действия приобретают реальную силу в обществе и политике [91, с. 375-385]. Государство, по мнению А. де Токвиля, делегирует определенные функции власти ассоциациям: «Правительство могло бы возложить на себя обязанности некоторых самых крупных американских ассоциаций, и в отдельных штатах такая попытка уже предпринималась. Однако какая политическая власть когда-либо станет способной достаточно эффективно справляться со всей той массой бесчисленных мелких дел, которая ежедневно выполняется американскими гражданами с помощью союзов и объединений?» [92, с. 379].

Более того, А. Токвиль предполагал, что одновременно с усложнением социальной структуры и жизни общества будут происходить пропорциональные усложнения государственной власти,

увеличивая ее полномочия. В результате такого развития событий необходимое и тесное сотрудничество государства и гражданских сообществ, полагал он, станет еще более актуальным: «Легко предсказать, что приближается такое время, когда человек в одиночку будет все менее способен создавать для себя самые простые и жизненно необходимые условия существования. Задача государственной власти, таким образом, будет беспрестанно усложняться, и сами усилия власти, направленные на то, чтобы справиться с этой задачей, день ото дня будут все более расширять ее полномочия. Чем больше власть станет подменять собой ассоциации, тем больше частные лица, забывая о возможности объединенных действий, будут испытывать потребность в помощи со стороны власти...» [92, с.380]. Но, по мнению французского исследователя, «ситуация может стать намного хуже, если правительство придет к мысли, что полная остановка всякого движения в этой области отвечает его подлинным интересам» [93, с. 381].

В результате гражданское общество, представленное у А. де Токвиля различными ассоциациями и объединениями, взаимодействуя с государственными структурами, должно решать важные общественные проблемы, которые в силу разных обстоятельств не может разрешить государство. Именно у А. де Токвиля впервые прозвучала мысль о том, что социум, представленный объединениями или ассоциациями граждан, берет определенную часть функций у государственных структур и сам реализует задачи, входящие в область непосредственных интересов конкретного сообщества граждан. «У демократических народов именно ассоциации должны занять место тех могущественных вельмож, которые исчезли здесь с созданием равных условий существования. В демократических странах умение создавать объединения — первооснова общественной жизни; прогресс всех остальных ее сторон зависит от прогресса в этой области» [94, с. 380-381].

Однако позиция А. де Токвиля не затрагивает возможные конфликты, неравенства и авторитарный потенциал самого гражданского общества. В концепции французского мыслителя недостаточно учитывается именно сфера демократической политики вне ее пределов, не уделяется внимание многообразным связям и взаимодействиям ни внутри гражданского общества, ни между ним и государством.

Эмпирическое подтверждение теории А. де Токвиля дал немецкий социолог М. Вебер. Проведя в начале XX в. ряд наблюдений в Америке, он приходит к выводу, что американская демократия действительно основана на взаимодействии добровольных «волонтаристских» союзов, равноправие внутри которых служило предпосылкой гражданского равенства вовне [95, с. 280-281].

Некоторые европейские мыслители проблему взаимоотношения социума и государства видели в совершенствовании общественно-экономической жизни людей. Среди них особое место занимает представитель политической экономии А. Смит, первым обратившись к сфере взаимоотношений наемного работника и работодателя-предпринимателя, он обнаружил, что каждый индивид преследует лишь свой собственный интерес, но «...в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения... Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это» [96, с. 332].

Интересна теория Г. Спенсера о кооперации работников и работодателей. Он был одним из первых, кто затронул проблему взаимоотношения работников и работодателей, и в своей статье «От свободы к рабству» попытался проанализировать систему отношений, возникающую между работниками и работодателями, называя такую систему кооперацией, различая при этом добровольную и принудительную: «...общественная жизнь должна быть построена либо на добровольной, либо на принудительной кооперации; или же... людей должна соединять или система договора, или система status, т. е. система, при которой индивиду предоставлена полная возможность достигать наилучшего...» [97, с. 136]. По мнению Г. Спенсера, «система добровольной кооперации есть система, положенная в основу современной промышленности во всех цивилизованных государствах» [98, с. 135]. Отличительной чертой такой добровольной кооперации, по мнению Г. Спенсера, является согласительный характер процесса трудовых отношений. В отличие от принудительной добровольная кооперация базируется на соглашении между людьми в достижении каких-либо целей. Более того, данный вид кооперации является цивилизованным, отвечающим гуманным и демократическим требованиям, и представляется моделью взаимоотношений общества и государства, т. к. работники

являются представителями общества, а работодатели – административной власти, государства.

Начиная со второй половины XIX века, идея гражданского общества получает дальнейшее развитие, и связано это, в первую очередь, с приобретением научного статуса социологией. Меняется сам характер рассуждений о гражданском обществе, демократии и капитализме: все это представляется взаимообусловленным и связанным, что логично вскрывает характер идей и убеждений, лежащих в основе демократии и гражданского общества. Кроме теоретических взглядов, в основу которых было положено взаимодействие «государство - общество», разработаны теории, в рамках которых акцент делается на активной борьбе этих двух противопоставленных субъектов. Одним из первых, кто высказался по этому поводу, был К. Маркс.

К. Маркс понимал под гражданским обществом совокупность материальных жизненных отношений [99, с. 421], форму материального общения индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил, которая выступает в виде национальности и строится изнутри как государство [100, с. 35].

Немецкий теоретик, рассматривая в противовес А. де Токвилю гражданское общество как пронизанное классовыми неравенствами и конфликтами, не выделяет его в сферу свободы индивидов. У К. Маркса и Ф. Энгельса государство представляет собой инструмент буржуазного гражданского общества, классового неравенства, установленного законным институтом гражданских прав: «Право, закон и т. д. лишь симптомы, выражение других отношений, на которых стоит власть Государства» [101, с. 11]. Гражданские права человека, обеспеченные законами о праве на равенство, безопасность, собственность, обеспечивают частные интересы, сохраняют структурное неравенство и ведут к его росту. В целом, марксистская теория гражданского общества раскрывает подоплеку отношений государства и экономики. Но с этой точки зрения марксизм упускает из виду опасность деспотизма государства по отношению к гражданскому обществу.

Классический марксизм связывал происхождение гражданского общества с экономическим партикуляризмом общества периода коммерческого капитализма, пришедшего на смену феодально-аристократической патерналистской системе. Однако Маркс видел в

нем не сферу индивидуальной свободы и автономии, а лишь внешнюю форму, прикрывающую объективно существующее в классовом обществе неравенство, несвободу и социально-экономическое отчуждение. В ходе исторически неизбежного перехода к обществу бесклассовому, в котором исчезнет неравенство и отчуждение, партикуляризм гражданского общества будет устранен вместе с государством.

В «коммунитаристской» или республиканской концепции под гражданским обществом понималась совокупность различного рода ассоциаций – коммун. Самоорганизация этих коммун в значительной степени поддерживалась особым типом гражданской культуры, который был в свое время описан А. де Токвилем. *Демократическая культура этого типа отличалась чрезвычайно высоким уровнем практического освоения ценностей коммунального взаимодействия и партнерства, а также ценностей христианской морали.* При этом, как это видится сторонникам коммунитаристского проекта, ценности коллективные (коммунитарные) преобладали над ценностями индивидуальными, и индивиды в этой атмосфере взаимного доверия и сотрудничества были готовы подчинять свои интересы интересам сообщества [102, с.10].

Неоконсерваторы видели идею гражданского общества как способ преодоления общественного кризиса. Для них образцом гражданского общества стал экономический, социальный и культурный уклад традиционного рыночного общества, то есть европейский общественно-исторический порядок, предшествовавший порядку, сложившемуся в результате практической реализации проекта государства всеобщего благоденствия.

Представляет интерес концепция гражданского общества у А. Турена. Являясь активным сторонником концепции постиндустриального общества, французский социолог А. Турен связывает социальные действия с трудовой деятельностью индивидов. Поскольку наиболее явная характеристика современного постиндустриального общества – конфликтность, то главное противостояние, согласно А. Турену, осуществляется между господствующим классом, технократией и профессионалами. «Государство не является теперь принципом единства общественной жизни. Его принимают как руководителя предприятия, бюрократа или как тоталитарную власть, но не в качестве агента интеграции

действующих лиц общества... со всех сторон появляются коллективные движения, которые отрицают всякую возможность для государства вмешиваться в общественную жизнь» [103, с. 48]. Таким образом, в основе современной общественной жизни, по А. Турену, лежит противостояние двух основных субъектов: государства и общества. Интеграция общества и стабилизация социальных отношений возможна благодаря революционным преобразованиям внутри общества.

Во второй половине XX в. начала формироваться современная концепция гражданского общества под воздействием нескольких факторов: расхождение между действительностью и результатами исследований гражданского общества (гражданское общество стало пониматься как часть социального организма независимо от государства, которое реализует свои цели за счет объединений граждан); критика массовой демократии (политические решения принимают не массы, а элиты, культура теряет свои идеологические функции).

Одним из примеров критического подхода к позднекапиталистическому обществу массовой демократии можно назвать позицию Ю. Хабермаса: «Утверждение основных политических прав в рамках массовой демократии свидетельствует, с одной стороны, об универсализации гражданина, а с другой – об отделении этой роли от процесса принятия решений, в результате чего политическое участие лишается конкретного содержания» [104, с. 363-372].

Гражданское общество он, прежде всего, рассматривает как совокупность добровольных ассоциаций граждан, возникающих вне деятельности государственной администрации и рынка [105, с. 363-372], а во-вторых, как присоединенная к первой «сфера необобщенной деятельности индивидов» [106, с. 154].

Ассоциированная общественность включена в политический дискурс в качестве сферы, производящей и консолидирующей интересы граждан [107, с. 363-372], в качестве коммуникативной власти в отличие от власти государственной – административной. В рамках данного дискурса или коммуникации данный мыслитель принципиальным считает способ достижения консенсуса или компромисса между большинством и меньшинствами. Причем основное внимание он уделяет компромиссу между различными общественными силами, а не компромиссу между обществом и

государством, которое вообще не обладает самостоятельной политической волей и лишь институционализирует компромиссные решения. По мнению Ю. Хабермаса, смысл демократической формы правления сводится к своеобразному обслуживанию, сервису [108, с. 363-372], поскольку государство выступает своеобразным партнером общества, уполномоченным на то законом.

В развернутом виде гражданское общество является сферой спонтанных действий, прав и законного порядка, гарантируемого государством. Государство и гражданское общество понимаются скорее в терминах отношений, чем антагонизма.

Идеи Хабермаса продолжают развивать А. Арато и Дж. Коэн, акцентируясь на посреднической роли гражданского общества в любых взаимоотношениях между государством и индивидом [109, с. 154].

Абсолютно противоположное мнение высказывает М. Фуко, для которого принципиальным вопросом становится сопротивление и борьба гражданского общества с любым проявлением политической государственной власти, которая выступает явным ограничителем свободы [110, с. 148] и не дает никаких гарантий равенства и демократии. В данном случае поиск консенсуса ни к чему не приведет, а вот острая критика внешне нейтральных государственных институтов выступит эффективнейшим средством против усиления государственной власти. В целом данный подход перекликается с концепциями гражданского общества, возникшими в связи с постсоциалистическими преобразованиями в Восточной Европе, в которых государство и гражданское общество противопоставлялись друг другу.

Нельзя также упустить из виду концепцию социального капитала Дж. Коулмэна. Условием нормального функционирования гражданского общества Коулмэн считает социальный капитал, который характеризует систему связей между акторами социальных отношений и не зависит ни от самих акторов, ни от средств производства [111, с. 124]. Он позволяет разнородным группам объединяться и сотрудничать (т. к. его основные характеристики: взаимное доверие, партнерство), чтобы защищать свои интересы, которыми в противном случае может пренебречь государство.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что на данный момент в социологической теории отсутствует единое понимание гражданского общества, особенно это касается подходов к его

изучению и измерению. Сложившаяся ситуация доказывает сложность и многогранность самого явления.

Анализ концепций европейских мыслителей показывает, что основные положения гражданского общества являются общецивилизационными ценностями. Они веками вырабатывались в ходе борьбы с абсолютизмом. В общем плане, можно сказать, что *гражданское общество — это относительно самостоятельное от государства объединение людей (семья, школа, церковь, профсоюзы, партии, союзы предпринимателей, творческие организации и т. п.), наделенное правом самоуправления в области взаимодействий социальных слоев, институтов.* Ограничение сфер влияния государства должно способствовать расширению прав специфических институтов гражданского общества, выступающих в роли независимых источников инициатив. Они служат противовесом системе государственной власти и активизируют творческий потенциал людей. Институты самоорганизующегося гражданского общества функционируют по системе сдержек и противовесов, прибегая к использованию государства только в качестве правового арбитра. Гражданское общество представляется сообществом граждан, которое провозглашает своей главной ценностью человека и создает для него достойные условия жизни и труда [112, с. 15].

В противовес государственному началу, структурам властного контроля с их принуждением, патронажем, контролем приходит (живет, «работает») гражданское общество, принося людям подлинную свободу, самодеятельность, самоконтроль, внутренний голос совести и действия.

Однако здесь следует различать *права человека и права гражданина.* *Права человека* - категория этическая и социологическая, а *права гражданина* - категория юридическая. Права человека по отношению к правам гражданина глубже, масштабнее, они - результат общецивилизационного начала. В то время как права гражданина в основном связаны с утверждением государства, его политических и властных структур.

«Гражданин» — это член особым образом организованного общества, который, получая этот социальный статус, и придает обществу характер «гражданского». «Гражданин» и его иностранные эквиваленты обозначали ранее всего лишь «житель града» (как

соответственно *citoyen, citizen, Burger*), т. е. лицо, равное всем другим горожанам [113, с. 51].

Определяющим фактором общественного развития является характер взаимоотношений государства и гражданского общества. Государство и гражданское общество нельзя отождествлять, но неверно и противопоставлять их друг другу. Типом государства во многом определяются состояние и формы *активности* гражданского общества. Государство либо способствует, либо препятствует развитию гражданского общества. В случае если государство ограничивает свою деятельность только задачами укрепления и усиления собственной власти и пресечения центробежных тенденций, то гражданское общество как объединение людей, заинтересованных в обеспечении достойной жизни каждого индивидуума, вступает в противоречия с государством, противостоит ему и при определенных условиях под давлением общественных сил и движений *снизу* опрокидывает его, создавая новые формы политического развития. Движение к гражданскому обществу есть движение к более *полному* воплощению правовых норм свободы, равенства граждан, приближению к универсальному *нравственному* порядку отношений.

В этом плане особый интерес представляет концепция Яноша Корнаи о минимальном, максимальном и промежуточном государстве. Роль “минимального государства”, или государства “ночного сторожа”, помимо внешних функций, ограничивается защитой граждан от насилия и воровства и обеспечением выполнения добровольных соглашений. И хотя и в нем сохраняется некоторая степень недобровольного перераспределения (т. е. даже те индивиды, которые не желают протекции, получают ее и платят за нее), она относительно мала, и всякая дополнительная деятельность государства по справедливому перераспределению и предложению общественных благ исключается [114, с. 411].

В противоположность понятию минимального государства, которое активно используется в политической философии и экономической теории, Я. Корнаи вводит новое понятие, а именно *максимальное* государство. Оно отражает “предельно возможный уровень бюрократической власти, осуществимость которого зависит от практических условий для усиления централизации. К таким условиям относятся технология сбора и обработки информации и связи между должностными лицами в бюрократической иерархии;

...умение манипулировать массами; максимальные пределы допустимости репрессий и т. д.».

Иными словами, если максимальное государство и допускает некоторые незначительные уступки в отношении прав и свобод граждан, то делает это в силу необходимости. Максимальное государство, по Я. Корнаи, не абстрактно-теоретическое, а историческое понятие. На каком-то этапе своего развития все социалистические страны подошли к состоянию максимального государства: Советский Союз после коллективизации сельского хозяйства при Сталине, Китай после организации коммун при Мао, а страны Восточной Европы в течение 1949-1953 гг. [115, с. 411-412]. Принимая, с некоторой долей упрощения, максимальное государство за отправную точку реформ в социалистических странах, Я. Корнаи анализирует, насколько далеко они отошли от максимального состояния.

“Дорога ...между минимальным и максимальным государством, - заключает Я. Корнаи, - является, очевидно, двусторонней, и на ней можно наблюдать большое разнообразие движений: медленное развитие в одном направлении, которое останавливается на определенном месте, чередуясь с движениями взад и вперед, и становится почти циклическим, и так далее ... Многие специалисты по социалистической экономике, включая меня, предполагают, что, по всей вероятности, некоторая комбинация государственного контроля и личной свободы будет эволюционировать где-то на полпути между максимальным и минимальным государствами. Мы называем это *промежуточным государством*” [116, с. 595].

По Я. Корнаи, с понятием промежуточного государства не следует связывать какие-либо представления об оптимальности. Он использует понятие *оправданное промежуточное государство* для такого состояния, при котором активность государства ограничена выполнением, по крайней мере, одной из трех функций: 1) активная правительственная макрополитика, необходимая для стабилизации, обеспечения полной занятости и сбалансированных экономических отношений с внешним миром; 2) правительственная деятельность, требующаяся для преодоления негативных внешних эффектов и обеспечения соответствующего предложения, общественных благ;

3) правительственное перераспределение дохода, предусмотренное на основании социальной справедливости и для поддержки бедных и слабых [117, с. 595-596].

Реформы необязательно увенчаются возникновением *оправданного* промежуточного государства. Скорее всего, это будет *произвольное* промежуточное государство, которое сохранит правительственную деятельность, не нужную для выполнения трех оправданных функций, в то время как какие-то из этих функций так и останутся частично или полностью нереализованными. Такое государство будет результатом множества факторов: “близоруких политических противоборств, давлений и контрдавлений, нововведений и инерции, а также компромиссов между стремлением к свободе и соблазном ее ограничения”. В реформируемых странах есть мощные силы, пытающиеся вернуть максимальное государство и лишить индивида свободного выбора во многих экономических сферах. Но существуют и противоположные тенденции, направленные к промежуточному государству. Результат разного рода тенденций будет зависеть от соотношения сил разных групп и от многих других (в том числе и непредсказуемых) факторов.

В условиях поиска путей государственного и политического самоопределения важно заметить, что усиливающаяся на наших глазах *дифференциация* российского общества парадоксальным образом способствует *самоорганизации* социальных сил, с одной стороны, и тормозит и усложняет ее - с другой. Концепция гражданского общества воспринимается как средство для уточнения и развития современной демократической теории. В связи с этим особое значение приобретает вопрос о том, способна ли осуществляемая «снизу» самоорганизация граждан обеспечить эффективное демократическое самоопределение, недостаток которого многими остро ощущается в последние десятилетия.

В современном массовом сознании, в языке политических деклараций и дискуссий, а иногда даже в академических дискуссиях между понятиями «гражданское общество» и «демократия» не существует отчетливого разграничения. Часто эти термины воспринимаются как синонимы. Однако это не так. *Гражданское общество – это феномен социальный, а демократия – феномен политический* [118, с. 26]. Между ними существуют отношения напряженного взаимодействия.

Проблематичность построения единой совершенной модели гражданского общества ассоциируется с проблематичностью создания какой-либо единой фундаментальной социологической теории. Современный период развития социологической науки называют временем методологического плюрализма [119, с. 12]. Научное сообщество стало все более соглашаться с мнением о том, что даже потенциально невозможно создать единую универсальную социологическую теорию, что реально каждый из существующих и уже доказавших свою жизнеспособность социологических подходов решает какие-либо конкретные задачи применительно к определенным предметам и объектам социологического исследования. С этой точки зрения наиболее адекватным будет являться активное взаимодействие и взаимообмен возможностями каждого из существующих и вновь возникающих подходов к разнообразным задачам, которые и в теоретическом и в практическом плане оказываются стоящими перед социологической наукой (в своем роде принцип дополнительности Бора).

Методологическими подходами к рассмотрению гражданского общества выступают структурно-функциональный анализ и институциональный подход. Можно отметить, что данные парадигмы подразумевают анализ гражданского общества с точки зрения структуры общества (наличие специфических социальных институтов, присущих гражданскому обществу) и функций, выполняемых ее элементами. Именно в рамках рассматриваемых подходов становление и эффективное функционирование гражданского общества напрямую оказывается связанным с институциональным оформлением, развитием и поддержкой специфических общественных институтов (т.н. «третий сектор» - общественные организации, профессиональные союзы) [120, с.26-28.].

Конечно, данные подходы имеют свои преимущества и определенные положительные теоретические (с таких позиций гражданское общество рассматривали Г. Гегель, А. де Токвиль) и практические моменты. Однако имеется и ряд негативных моментов: достаточно сложным представляется разграничить категории «гражданское», «экономическое», «политическое», тем более с точки зрения осуществления общественными институтами их функций в рамках политического дискурса с государством [121, с. 26-28].

Состояние гражданского общества в России. Не отрицая значимости вышеописанного подхода к рассмотрению гражданского общества, необходимо отметить, что он наиболее эффективен в стабильно развивающихся обществах, где сначала изменения происходят в культурной среде, а уже потом строятся социальные институты и структуры под эти изменения. В России, как справедливо отмечает Е. Казаков, «катастрофически быстрые изменения социальных институтов...вступили в противоречие с инерцией культуры,...инерцией мотивационных и социальных установок населения, сформированных десятилетиями авторитарного режима» [122, с. 31].

В нашей стране идея гражданского общества была активно подхвачена в последние пятнадцать - двадцать лет XX в. При этом стоит отметить, что она сразу вошла в обиход и была использована и активистами общественных движений, и в программах политических партий и политических лидеров, помимо того, что моментально сделалась научной концепцией. Вот что по этому поводу пишет Ю. М. Резник: «...нет ни одной другой проблемы, которой бы уделяли столь серьезное внимание... Она так давно вошла в научный и политический язык, что стала неотъемлемым атрибутом современных представлений об обществе, рыночной экономике, демократии, правовом государстве» [123, с. 74].

Сложность интерпретации гражданского общества для нашего государства заключается и в том, что сам феномен гражданского общества есть продукт развития западной цивилизации. И его определение возникло в рамках западной науки для описания своеобразного социального мира и изменялось в соответствии с развитием западных обществ, прогрессом западного социального знания. Этим объясняется то, что многие аспекты гражданского общества в нашем государстве не востребованы большинством, не признаны им в качестве необходимых форм организации общественной жизни, требуют «адаптации» на российской почве, под чем некоторые авторы подразумевают видоизменение западной модели гражданского общества. Однако этот вариант неприемлем, поскольку в этой модели заложены инвариантные компоненты, изменение которых способно привести к изменению смысла самого феномена. Еще рано говорить о неприятии россиянами демократии, поскольку эти формы общественной организации в нашей стране еще

не наблюдались. Как отмечает Н.Н. Зарубина, в российском обществе укоренились не демократичность, профессионализм, ответственность, гражданственность и т. д., а западные стандарты потребления и внешние атрибуты жизни [124, с. 51].

В этой связи необходимо отметить, что многие культурные элементы (в виде определенных ценностей, норм, практики), оказавшие свое влияние на формирование гражданского общества на Западе, сложились и в России [125, с. 4]. На современное пространство российской культуры интенсивное влияние оказывают и процессы культурной диффузии, которые, так или иначе, привносят в него те самые ценности, нормы и практики. Проблема в том, что должного отклика в ткани социальных отношений они не находят, просто оседая в пласте культуры. Гражданское общество в нашей стране станет возможным тогда, когда ценности культуры гражданственности будут реально функционировать в подавляющем большинстве социальных взаимодействий во всем пространстве социальной системы, то есть культура гражданственности станет актуальной культурой общества [126, с. 37].

Понятие «культура гражданственности».

Мультипарадигмальность научного знания о гражданском обществе делают необходимым сосредоточить внимание на двух подходах к гражданскому обществу.

Социокультурный подход позволяет сосредоточить внимание на анализе понятия «культура гражданственности» и соответствующего социокультурного феномена.

Институциональный подход позволяет рассматривать гражданское общество как «третий сектор», как совокупность, «сеть» общественных организаций. Начнем с социокультурного подхода.

Социокультурный подход - понимание общества как единства культуры и социальности, которые образуются и преобразуются деятельностью человека. Суть этого подхода отчетливо выразил П. Сорокин в книге «Общество, культура и личность: их структуры и динамика» (1947) [127, с. 23]. Проводя строгий анализ «родовой структуры» социокультурных явлений, он подытоживает результаты анализа в емкой формуле: «Личность, общество и культура как

неразрывная триада». И поясняет: «Структура социокультурного взаимодействия... имеет три аспекта, неотделимых друг от друга:

1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других» [128, с. 218].

Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей [129, с. 24]. Многомерность человека и истории получает здесь воплощение в методологической интеграции трех специфических форм (способов, измерений) человеческого бытия.

Традиционные теории гражданского общества и возникающие при их прочтении противоречия отражают недостаточную разработку теории культуры гражданственности. Они определяют гражданство прежде всего с точки зрения права: либо как статус, связанный с национальным государством, либо как институционализированное участие, или как оппозиционные практики без ориентации на государство. Закономерно, что в таком случае понятие гражданского общества не включает или гражданских практик, или гражданских прав.

Гражданское общество необходимо изучать как социокультурный феномен, в котором тесно переплетаются, находятся во взаимной зависимости равнозначные с точки зрения их влияния на деятельность субъектов аспекты социальной организации и культуры [130]. Понимая гражданское общество именно таким образом, мы признаем, что все институциональные компоненты, присущие развитому гражданскому обществу, эффективно функционируют и дают положительный социальный результат только в том случае, если они легитимизированы культурой, то есть признаны общественным

большинством в качестве нормальных, должных форм организации социально-политического процесса.

Необходимо отметить в данном контексте, что сущностью и содержанием общественных процессов и явлений является культура, то есть качественная характеристика взаимодействия индивидов и групп в рамках социальной системы [131, с. 20]. Социальная жизнь все более определяется культурными факторами [132, с. 101], культура становится главной производительной силой, фактором дифференциации и интеграции общества [133, с. 198], культура определяет формирование гражданского общества.

Современное видение культуры связано с пониманием ее как сложного многогранного противоречивого явления. Сопоставление множества определений культуры позволяет сделать вывод, что каждое из них фиксирует реальные и значимые черты и особенности культуры, но ни одно не является исчерпывающим. Именно многогранность культуры и подходов к ней порождает и порождает стремление выработать наиболее общее интегративное определение. Такой полипарадигмальный подход к пониманию и определению культуры вырабатывается на основе принципа дополнительности Н. Бора [134, с. 47]. В рамках такого понимания культура не сводится к чему-либо одному (совокупность ценностей, норм, знаний, человеческая деятельность), но все эти аспекты рассматриваются как взаимоувязанные части единого целого, как взаимопроникающие подсистемы, каждая из которых функционирует согласно своим законам и выполняет свои особые функции.

В дальнейшем способы рассмотрения культуры, различные точки зрения и углы зрения мы будем обозначать термином «измерения культуры».

Гражданственность в этом контексте выступает нравственным качеством личности, определяющим сознательное и активное выполнение гражданских обязанностей и долга перед государством, обществом, народом. Гражданственность есть разумное использование своих гражданских прав, точное соблюдение и уважение законов страны.

Понятие гражданственности в России всегда было связано с понятием сильной централизованной государственной власти и наличием механизмов самоуправления, потому что только при наличии этих составляющих государство достигало определенных

успехов в развитии как внутри страны, так и на международной арене. Двойственность гражданского состояния всегда опиралась в России, с одной стороны, на традиции народной демократии («вечевой», соборный, земский принципы самоуправления), которые противостояли полицейско-бюрократической традиции подчинения государственной власти [135, с. 122]. Отсюда происходит и двойственное отношение к государству – поддержка и оппозиция одновременно. Эти взаимоотношения становятся одной из основных проблем при формировании российской культуры гражданственности и являются базовым моментом в формировании институтов гражданского общества в нашей стране.

Трактовка культуры гражданского общества как части политической культуры общества [136, с. 122] зависела от трактовки гражданского общества различными идейно-политическими течениями: либерализм, республиканизм, неоконсерватизм, марксизм и пост-марксизм. Либерализм концепцию прав начинает с посылки об онтологическом статусе естественных прав индивидов. Согласно ей, гражданство включает перемещение «из природы в гражданственность или в право, и это предполагает перенос прав от народа к суверену» [137, с. 138]. Естественное право индивидов становится фактически набором формальных гражданских прав, кодируемых и осуществляемых государством. Как риторика гражданство привлекает к идеям всеобщего равенства. Но требует ответа на вопрос, – кто же все-таки является гражданином?

Исторически личность – основа требований прав – неотделима от института собственности при либеральном капитализме: «оба принадлежат одной системе дискурса, в которой каждый отделён от другого, каждый обеспечивает легитимацию другому, поставляя метафору для обоснования его авторитета» [138, с. 151]. Истоки либеральной концепции личности, несмотря на заявленное равенство, предполагают наличие собственности и конкретный тип рационального человека. В сумме гражданство дало привилегии ограниченной группе белых, мужских элит, что противоречит претензии на всеобщность. Гражданство было особым институтом еще в одном смысле. Связь с национальным государством переплела его с разными пониманиями национальности. Гражданство всегда было групповым понятием, а его концепция неизбежно подразумевала государственные практики исключения. Понятие

гражданства – проблема, когда юридические, политические и социальные права реализуются резидентами вопреки узким рамкам национальности.

Гражданское общество отождествляется со слоем *образованной публики*, «цивилизованной» части общества. Она поддерживает особый тип гражданской культуры, необходимый для жизнеспособности публичного сообщества и для формирования общественного мнения о событиях социальной и политической жизни, и именно ее позиция преобразуется в институциональную логику правительственной деятельности. *Культура гражданственности определяется здесь как состояние «цивилизованности»* [139, с. 16.].

Цивилизованность означает особое состояние сбалансированного взаимодействия таких сторон личности, которые, с одной стороны, характеризуют индивида как члена либерального сообщества (здравый смысл, то есть способность трезво, непредвзято воспринимать окружающий мир, терпимость, готовность к сотрудничеству и приверженность принципам равноправного партнерства). А с другой стороны, определяют его как автономную личность (стремление к творческому раскрытию личностного начала в индивидуальной форме и готовность к социально-культурным инновациям).

Внимания заслуживает перенос центра тяжести антикапиталистического движения в институциональную структуру гражданского общества. Гражданская активность, формирующаяся в рамках «неклассовых форм коллективного действия», воспринимается как новая альтернатива социальным движениям эпохи классовой борьбы. *Культура гражданственности в данном контексте складывается из сложного переплетения антикапиталистических и антимодернистских сантиментов на фоне радикальной критики государственных и надгосударственных институтов современного общества.*

Чтобы определить место культуры гражданственности в системе культуры, необходимо провести анализ культуры в целом и ее наиболее современного слоя – актуальной культуры.

*Место культуры гражданственности в системе культуры.
Понятие «культура гражданственности». Измерения культуры
гражданственности*

Системным качеством гражданского общества является то, что приоритетная ценность в нем – права и свободы граждан. В соответствии с этим культуру гражданского общества в рамках аксиологического подхода можно определить как *устойчивую систему ценностей, основанную на правах и свободах граждан* [140, с. 16]. Степень сформированности культуры гражданственности данного общества можно условно определить тем, насколько в реальных социальных практиках, в устройстве социальных институтов и стиле их функционирования приоритетными являются права и свободы отдельного человека, гражданина этого общества.

В рамках деятельностного подхода культура гражданственности определяется как *качественная характеристика различных видов деятельности социальных общностей, суть которой в том, что она выступает мерой самореализации человека как гражданина, причем не в формально-юридическом, а в социокультурном смысле этого понятия* [141, с. 17].

Социологический анализ позволяет выяснить степень развитости культуры гражданственности. В рамках деятельностного подхода она определяется типичностью определенных социальных практик, способов деятельности, устойчивостью и глубиной освоения ценностей и норм культуры гражданственности населением страны. Деятельностное измерение культуры гражданственности позволяет сосредоточить внимание именно на культуре гражданственности личности, фактором формирования которой выступают различные общественные организации. *Теоретическая модель культуры гражданственности в качестве компонентов включает гражданские позиции, гражданственность, гражданскую активность* и т. д.

Рассмотрим подробнее эти понятия.

Гражданская позиция - заявленное отношение гражданина к тем или иным социальным, политическим или экономическим проблемам. Под «гражданственностью» можно понимать:

1) динамическую ценностно-правовую связь человека или общности людей как граждан с государством, которая реализуется

через их отношение к правам и обязанностям, закрепленным в соответствующих нормативных актах; 2) идеальное состояние общества, государства, человека, сознания, их взаимосвязи в политико-правовом пространстве, которое противостоит традиционности, радикализму, иррациональности и т.д. [142, с. 40]. То есть гражданственность в данном случае – либо одна из форм идентичности, либо качественное состояние общества и личности.

Понятие *«гражданское участие»* выступает, как правило, противовесом понятия *«политическое участие»* и используется для обозначения деятельности индивида по решению актуальных социальных проблем в рамках общественных организаций, движений и т. д.

Из этого можно сделать вывод, что эти понятия обозначают отдельные стороны гражданского состояния личности.

Понятие *«гражданская культура»* также не является исчерпывающим, так как обозначает тип политической культуры, то есть характеризует личность как субъекта политического сообщества, как актора политической деятельности, избирателя, не затрагивая другие, неполитические действия личности. Хотя в работах современных исследователей можно встретить и другое – *«расширенное»* – понимание гражданской культуры как синтеза характеристик политического и неполитического (гражданского) участия [143, с. 559-576]. Если рассматривать гражданское общество как особое качественное состояние всей социальной системы, то необходимым становится и такой взгляд на его культурное измерение, который подходил бы для характеристики актора во всех сферах его социальной активности, включая и политическое участие, и деятельность в рамках общественных движений, экономической системы, и в сфере непосредственного общения.

Понятием, которое наиболее соответствовало бы требованиям полной характеристики личности как субъекта гражданского общества, представляется *«культура гражданственности личности»*, имеющая определенные методологические особенности. Что же представляет собой *«культура гражданственности»* как понятие и как социокультурный феномен?

Во-первых, понятие *«культура гражданственности»* характеризует личность в особом состоянии. В этом плане методологически важным является соотношение культуры

гражданственности и культуры личности в целом. Гражданственность как характеристика личностной культуры является характеристикой универсальной, которая проявляется во всем спектре социальных контактов (взаимодействий, связей) личности.

Во-вторых, культура гражданственности отличается от других аспектов гражданского состояния личности: формально-юридического статуса гражданина, гражданственности, понимаемой как социальный институт. Понятие культуры гражданственности выполняет те же методологические функции, что и понятие культуры в целом, в частности – описания идеальных, субъективных сторон социальных систем и акторов социального взаимодействия.

Другим свойством понятия культура является его предельность, поэтому понятие культуры гражданственности не сводится к гражданской идентификации, политическому или неполитическому участию и т. д., но выступает по отношению к ним как общее понятие, характеризующее личность-гражданина в целом [144, с. 120].

Для культуры гражданственности личности характерны определенные свойства и функции, присущие культуре вообще. В культуре гражданственности проявляются и другие характеристики культуры, среди которых ее социально обусловленный характер, что подразумевает изменение культуры гражданственности с изменениями общества, возможные различия культуры гражданственности у разных социальных общностей (групп, классов, слоев). Функции культуры гражданственности личности можно рассматривать по нескольким направлениям:

- культура личности - личность,
- культура личности - общество,
- культура личности - культура общества.

По отношению к личности главными функциями культуры гражданственности будет гражданская социализация личности: усвоение индивидом определенной системы знаний, норм, ценностей и традиций, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества, формирование гражданских ролей личности, паттернов гражданского поведения, а также регулятивная функция, определяющая поведение личности. *По отношению к обществу культура гражданственности личности выполняет функции легитимации общественных отношений (через соотнесение*

существующего социального порядка с представляемым в качестве должного), а также контроля и регулирования коммуникации. По отношению к культуре гражданственности общества личностная культура также выполняет функцию легитимации и обогащает культуру общества за счет индивидуальности, творчества личности.

Таблица 2

Измерения культуры гражданственности

Измерения	Объект	Процесс	Показатели
<i>Аксиологическое</i>	<i>Ценности, ориентации, убеждения, мнения</i>	Оценка своего поведения в обществе и поведения других	Гражданские позиции, ориентации, шкала ценностей личности
<i>Гносеологическое</i>	<i>Знания, уровень овладения культурой</i>	Получение знаний	Уровень, объем, доступность, глубина знаний отдельной личности
<i>Праксеологическое</i>	Практика, общественные отношения в культуре, человеческая деятельность	Коммуникация, связи с общественностью	Характеристики деятельности общественных организаций, которые выступают узлами коммуникации в социальной системе; социальная активность личности
<i>Идентификационное</i>	Гражданская идентичность	Формирование индивидом ощущения тождественности с одними людьми и отличия от других на основе общности разделяемых ценностей, уровня знаний или характеристик деятельности	Космополитическая идентичность в зависимости от условий социальной системы

Культура гражданственности, как и культура в целом, имеет несколько измерений, в соответствии с которыми мы можем

выстраивать основные показатели, характеризующие отношение к функции формирования гражданственности.

Итак, специфика основных измерений культуры гражданственности личности определена. Далее необходимо определить компоненты культуры гражданственности и их конкретное содержание. Исходным пунктом анализа является мысль М. С. Кагана о том, что гражданское общество является типом общественных отношений, высшим проявлением экономической культуры, политической культуры и правовой культуры (что порождает соответствующие типы духовной и художественной культур) [145, с. 51]. Но в этой связи необходимо подчеркнуть, что выделение в культуре гражданственности политического, правового, экономического и других измерений достаточно условно. В процессе реальной жизни гражданина практически невозможно выделить ситуации, определяемые только экономическими факторами, или наоборот, чисто политическими, правовыми, религиозными и т. д. Представления о должном характере политического, экономического и правового процессов, функционировании различных социальных институтов находятся в органической взаимосвязи и постоянно дополняют друг друга. Различные измерения выделяются для более полного и точного изучения взаимодействия культуры гражданственности с соответствующими подсистемами общества. Сама культура гражданственности не сводится к простой сумме обозначенных выше культур, но является многогранной и многомерной целостной системой, формирующейся вокруг центрального звена - гражданственности как морально-этической категории. Гражданственность как своеобразный нравственный фундамент личностной культуры реализуется практически во всех сферах деятельности личности, не ограничиваясь политикой, экономикой и правовой сферой.

В таблице представлены основные компоненты культуры гражданственности в зависимости от ее измерения.

Таблица 3

Элементы культуры гражданственности

Компонент	Аксиологическое	Гносеологическое	Праксеологическое
Политический компонент	Свобода - гражданская активность, ответственность (интерсубъективная и моральная); плюрализм, толерантность, социальная справедливость, гуманизм	Знания о конкретных способах участия в политике, критическое отношение к политической информации, умение сопоставлять и ориентироваться в политическом пространстве	Постоянное участие в политическом процессе, в том числе и неполитическое (посредством общественных организаций)
Правовой компонент	Уважительное отношение к закону, право гражданина не подчиняться ничему, кроме закона и не подчиняться закону, нарушающему ценности гражданственности, закрепленные в Конституции; равенство перед законом, соответствие между преступлением и наказанием; признание всех без исключения граждан общества быть субъектами гражданских прав, неприятие бесчеловечных норм прав, ориентированных на унижение личности, нанесение непоправимого вреда здоровью, культурному потенциалу. Ценности «положительного индивидуализма».	Знание об основных гражданских правах и способность гражданина критически оценивать закон с точки зрения его соответствия этим правам; знание о налогах, о принципах общественного порядка	Правовое поведение личности, соблюдающей правовые законы, ориентированной в своем поведении как на собственные права и свободы, так и на права и свободы окружающих

Окончание таблицы 3

Эконо- мический компонент	Частная собственность, предпринимательство, рынок; равенство возможностей для участия в экономическом процессе; тактичное отношение ко всем сферам профессиональной самореализации, признание важности всех профессий; восприятие всех работников как партнеров; экономическое благосостояние личности	Знание об экономических правах и свободах личности, знание о поведении в условиях рыночных отношений, способность ориентироваться в экономическом пространстве	Постоянная Деятельность гражданина по гражданско-нравственному измерению явлений экономического характера
Экологи- ческий компонент	Инвайронментализм, коэволюция, экологические ценности и права, включая право требовать от политических и экономических структур определенного качества окружающей среды, воздуха, воды, звукового фона и пейзажа; отказ от исключительности человека, от доктрины его господствующего положения в природе; соответственно признание ценности любой формы жизни, ценности окружающей среды в целом	Формирование у широких слоев граждан знаний практической направленности о должном обращении с окружающим миром	Специфическое отношение граждан к экологическим проблемам как к важнейшим социальным проблемам, постоянная включенность общественности в деятельность по экологическому мониторингу, защите и реабилитации окружающей среды

Можно отметить, что основными составными элементами культуры гражданственности являются: гражданские позиции, плюрализм, толерантность, социальная ответственность, ориентация на гражданскую активность, социальная справедливость.

Таким образом, культура гражданственности личности является сложным и многомерным социокультурным явлением. В процессе реализации личностной культуры гражданственности в социальном

действии (простейшем компоненте социокультурного явления) происходит ее объективация, включение посредством системы социальных связей в социальный, а затем и в социетальный уровень. Эта объективация проявляется во взаимоотношениях между отдельными гражданами, их объединениями, различными организациями, в конституировании и порядке осуществления политических, экономических, правовых и других общественных процессов, в качественных характеристиках социальной системы в целом.

Общественные организации как субъекты формирования культуры гражданственности

Гражданское общество в истории России развивалось крайне неравномерно. По мнению Руденкина В.Н., оживление и расцвет российского гражданского общества приходились на эпохи либерализации политического режима, а наибольшие потери оно несло в эпохи политической реакции [146, с. 10]. В этом проявляется его исключительная зависимость от государства, по воле которого потенциал общественной инициативы и самодеятельности мог быть востребован, а мог быть, наоборот, надежно «заблокирован». Однако сам факт, что любая, даже весьма ограниченная либерализация политического режима неизменно оборачивалась в российской истории незамедлительным ростом социальной самодеятельности и гражданского участия, убедительно свидетельствует о противоречивости российского менталитета, сочетающего в себе традиции подданничества и гражданственности.

Специфика переходного общества как раз и проявляется в том, что в нем одновременно заявляют о себе гражданские структуры различных типов, генезис которых связан с разными историческими этапами становления современного гражданского общества. Многочисленные социальные и социокультурные неправительственные организации, появившиеся в России в последнее десятилетие, являют собой пример низовых гражданских инициатив. Они выступают наиболее важным индикатором нарождающегося гражданского общества, и если большинство из них в настоящее время действуют разобщенно, то это вовсе не исключает установления более плотных сетей взаимодействия между ними в будущем.

Понимая под гражданским обществом прежде всего совокупность гражданских ассоциаций, т.н. третий сектор, попытаемся рассмотреть структурное измерение гражданского общества. Российский исследователь гражданского общества Руденкин В.Н. выделяет несколько гражданских институциональных структур. К первому типу структур он относит некоммерческие организации, которые можно разделить на две большие группы в зависимости от вида деятельности: «проблемно-ориентированные» (добровольные организации граждан – группы самоподдержки, спортивные, молодежные, женские и др.) и организации, решающие проблемы общегражданского характера (экологические и правозащитные организации).

Следующая группа институциональных структур представлена политическими организациями, не входящими в систему государства. Это кружки, клубы, движения и политические партии. Некоторые ученые высказывают предположение, что, возможно, историческое время для становления в России «партийной демократии» уже прошло; что перспективы демократии и становления гражданского общества следует связывать не с весьма призрачными надеждами на превращение российских партий во влиятельных «игроков» в общественной и политической жизни, а с неправительственными организациями (НПО) «третьего сектора» [147, с. 171]. Именно здесь, как пишет, например, А. Н. Кулик, происходит самоорганизация граждан и активизация демократического потенциала общества, а «вырабатываемые здесь модели представительства и посредничества между обществом и государством могут оказаться эффективными и в области представительства политических интересов» [148, с. 57].

Третья группа структур гражданского общества – это социокультурные ассоциации (церковь, независимые СМИ, научные и творческие союзы, образовательные, воспитательные, культурно-досуговые учреждения и т. п.).

И, наконец, последняя группа структур, относимая В.Н. Руденкиным к важнейшим институтам гражданского общества, представлена профсоюзными организациями и объединениями предпринимателей. Большинство российских *профсоюзов* и предпринимательских ассоциаций демонстрируют слабое понимание интересов партнера (а нередко – и своих собственных) и низкий уровень толерантности в межгрупповых отношениях.

Впрочем, свои функции института гражданского общества профсоюзы выполняют не только во взаимоотношениях со своим основным контрагентом – предпринимателями, но и с государством. Это и не удивительно, учитывая ту исключительно важную роль, которую играет государство в системе социально-трудовых отношений.

Не менее значима в деятельности профсоюзов как института гражданского общества и *«социетальная» (общественная, социально-культурная) функция*, которую они реализуют во взаимоотношениях с обществом. Выполнение этой функции помогает профсоюзам преодолевать узость, ограниченность и «эгоистичность» своих интересов, расширять сферу своей деятельности в качестве института гражданского общества.

«Несмотря на большие различия в ментальности членской массы и в преобладающей идеологии, профсоюзы в целом вносят в гражданское общество такие необходимые ему ценности, как солидарность, эгалитарность, социальная справедливость, достоинства и права наемного работника» [149, с. 87].

В целом же можно сказать, что в крайне тяжелых условиях становления нового типа экономики и государственности российские профсоюзы сумели сохраниться как организация, не допустить обвального падения численности своих рядов и начать постепенное обновление стратегии и тактики действий в качестве института гражданского общества. В условиях очевидного дефицита гражданских инициатив и соответствующих институтов представительства групповых интересов, по мнению Комаровского В.В. «профсоюзы оказались одним из немногих социальных институтов, действующих в масштабах всего общества. Причем в силу своей периферийности в рамках командно-административной системы это институциональное образование легче перенесло ее распад, оказалось не только жизнеспособным, но и востребованным элементом складывающейся системы общественных отношений, в первую очередь социально-трудовых».

Социальное взаимодействие в гражданском обществе характеризуется устойчивой ориентацией на ценность гражданских прав и свобод личности, социальная структура – наличием особых институтов, организаций, способствующих сохранению и трансляции данной ценности, а также открытостью, наличием горизонтальных

коммуникаций, которые возникают вне зависимости от рыночной конъюнктуры и без инициативы со стороны административной власти. Это создает особую реальность, в рамках которой можно выделить различные компоненты: *гражданская сфера* (область реализации частных неполитических интересов граждан) и *гражданское сообщество* (совокупность общественных организаций [150, с. 11], территориальных гражданских объединений и т. д.). Выделение общественных организаций в сообщество обусловлено формированием между ними независимых каналов коммуникации, устойчивых связей, идентификацией себя с общностью, выделением общих целей и способов деятельности.

В настоящее время можно констатировать, что гражданское общество в России - еще незавершенный проект, развитие которого тормозится самим состоянием нынешнего российского общества, в частности, его социокультурной средой, неразвитостью социальной структуры, социально-нравственной деградацией, характером власти и пр. По мнению московских социологов В.Н. Якимца и Л.И. Никовской, российское гражданское общество запаздывает в своем становлении как основа демократии, оно «вырастает из постсоветского общества – аморфного, засоренного квазигражданскими структурами, обладающего маргинальным общественным сознанием. Его горизонтальные связи – дискретны. Для него стоит проблема формирования реальной солидарности, ответственности и доверия» [151, с. 5-26].

В этих условиях общественные организации выступают своеобразным институтом социальной самоорганизации, представляя собой довольно динамичную и гибкую структуру. При этом важнейшим катализатором самоорганизации становится «желание контролировать неясное будущее, попытка улучшить свою жизнь, решая те проблемы, которые власть и традиционная политика решать не спешат или не могут, стремление наладить ухудшающиеся социальные отношения в обществе.

Россия сохраняет в социальной структуре наследие того, что Карл Поппер в книге «Открытое общество и его враги» называл чарами Платона. Действительно, полной противоположностью европейской концепции общественного договора выглядит сохраняющее свою силу в России утверждение Платона о том, что каждый член общества неотделим от государственного целого, к которому он принадлежит [152, с. 198-221].

Влияние русского этатизма простирается так далеко, что государство становится поистине языческим идолом, требующим от граждан постоянного преклонения и священного трепета. Обожествление государства есть знак отсутствия гражданского общества, одновременно это указание изучающему социальную структуру на то, что тоталитарное государство уже реализовало идею Платона о том, что членение сословий, составляющих общество, должно быть тождественным строению и членению человеческой души.

Деятельность общественных и, в первую очередь, профсоюзных организаций, помогает разрушить внутренний этатизм россиян, создать сеть многообразных организаций, реализующих гражданские права населения и, в первую очередь, право на труд, изменить социальную структуру общества и ее тоталитарное однообразие.

Например, профсоюзы, в данном контексте, становятся фактором ослабления и постепенного разрушения тоталитарного однообразия, они способствуют изменению социальной структуры общества, поэтому государственные органы порой неодобрительно относятся к деятельности профсоюзов, но, не будучи в силах ликвидировать ее, вынуждены идти на соглашения, компромиссы.

Гражданское общество, кроме всего прочего, отличается от тоталитарного еще и тем, что в процессе перехода к демократии люди осознают направленность своей деятельности. Гражданское общество в своих существенных чертах формируется осознанно.

Интересно мнение американской исследовательницы В. Банс, которая считает, что в восточно-европейских странах, в том числе и в России, специфика посткоммунистической трансформации обуславливается не наличием «коммунистического наследия», а отсутствием «демократического наследия», которое присуще изменяющимся странам Латинской Америки, Южной Европы и Азии, где, по сути, осуществляется возврат к демократии. В качестве «демократического наследия» в них могут выступать сохранившиеся профсоюзы, партии и другие «строительные блоки» гражданского общества. В России же необходимо создавать демократические институты с нуля [153, с. 23-50].

Нельзя не отметить и такой факт. По мнению члена-корреспондента РАО, профессора, ректора Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов А.С. Запесоцкого, наше

государство, культура не испытывало столь мощного влияния ценностных ориентиров мировой цивилизации. Вместе с тем можно сказать, что мы, в свою очередь, становимся все более полноправными участниками процесса глобализации, происходящего на планете Земля. Развитие современных социальных институтов, провозглашение демократических основ жизнедеятельности, становление рыночных отношений, легитимизация частной собственности ведет к тому, что в обществе складывается новая социально-экономическая среда.

Не случайно в наиболее развитых экономических системах на смену идеологии безраздельного господства работодателя постепенно приходит идеология и практика социального партнерства. Это и есть одно из главных достижений цивилизации. Результат одного из так называемых «проектов» Нового времени, природа движущих сил которого была раскрыта еще в Англии в эпоху Просвещения, когда отстаивалась идея общественного договора, как аналога современного социального партнерства. В сегодняшней России эти отношения складываются непросто, как с предпринимателями, так и с государством. Но очевидно, что диалог нужен всем. Особо актуален диалог в процессе разработки социального и трудового законодательства, в осуществлении последующего «вневедомственного контроля» за его соблюдением на всех уровнях [154, с. 24].

В современном мире объекты и субъекты экономической деятельности все больше утрачивают свою национальную составляющую, постепенно становятся факторами транснациональных процессов. Это проявление новой промышленной революции, противиться которой бессмысленно. Компьютерные технологии и разветвленные коммуникационные системы увязали в единое целое географически удаленные предприятия, стали основой глобальных сетей во всех сферах приложения человеческого труда. Современные технологии породили новые системы принятия решений и управления, которые ведут к индивидуализации трудовых отношений. По мнению А.С. Запесоцкого результат этих процессов не вполне очевиден, его последствия пока непредсказуемы в сфере трудовых отношений [155, с. 27].

Вынос вредных производств в слаборазвитые страны, противодействие созданию профсоюзов на вновь открывающихся предприятиях в различных странах мира, угроза утраты

национального своеобразия и культуры, создание ВТО, Европейский план изменений в высшем образовании в XXI веке, принятие Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека, Рекомендации относительно статуса преподавательского состава высших учебных заведений (документы ООН по вопросам образования, науки и культуры, UNESCO), Болонский процесс – все это шаги мирового сообщества в преддверии масштабной глобализации. В первую очередь речь идет о вхождении стран в ВТО. Оценивая этот процесс, можно полностью солидаризироваться с выводами Интернационала образования (EI), что вхождение в ВТО, с его Генеральным соглашением по торговле услугами, приводит к уходу государства от своих обязательств в сфере образования и коммерциализации образования, а следовательно, к снижению доступности образования социально незащищенных слоев, формированию элитного образования для богатых.

Следовательно, перед современными общественными движениями России стоит актуальнейшая задача – научиться противостоять экономическим интересам транснациональных олигархий ...[156, с. 27].

Вопросы к главе 7

1. Охарактеризуйте современную концепцию гражданского общества.
2. Проанализируйте соотношение понятий «гражданское общество» и «демократия».
3. В чем отличие прав гражданина и прав человека?
4. Проанализируйте соотношение понятий «культура гражданственности» и «гражданская культура».
5. Оцените состояние гражданской культуры в современном российском обществе.
6. Каковы измерения и элементы культуры гражданственности?
7. Роль общественных организаций как фактора формирования культуры гражданственности.

Глава 8. Художественная культура молодежи

Изучение общества и культуры в рамках социологии культуры все более выходит за рамки чисто академического познания и становится необходимым компонентом практической деятельности. Во многих развитых странах мира ни одно важное решение, какого бы сектора общественной жизни оно не касалось, не принимается без изучения и учета социокультурных переменных. А это значит, что особую актуальность приобретает именно социология культуры как наука, которая должна не только описывать культурные явления, но и давать реальные рекомендации по улучшению современной ситуации.

В сферу ее компетенции помимо прочего должно входить и нахождение механизмов эффективного вхождения индивида в существующую социокультурную среду. Социологи должны сформулировать четкие и реальные рекомендации по созданию благоприятных условий для раскрытия и реализации заложенных в человеке потенций, для того, чтобы человек мог самоопределиться и самореализоваться в обществе. И именно для этого изучается функционирование культурных институтов (их роль, механизмы воздействия на людей и т. д.), именно для этого изучаются культурные потребности, запросы, интересы и ценности. На результаты такого анализа должны опираться в своей работе учреждения культуры, чтобы, с одной стороны, быть востребованными, а, с другой, выполнять некую воспитательную функцию и прививать человеку любовь к настоящему искусству. Эти же данные должны быть положены в основу разработки государственной политики не только в области культуры, но и в образовательной и воспитательной сфере.

Среди всех «культурных инструментов», способных оказать наиболее значительное влияние на умы и души людей, первую партию «играет» художественная культура. Чем уровень художественной культуры человека выше, тем обширнее мир вокруг человека, тем больше ему от этого мира надо. Именно художественная культура обогащает жизненный опыт личности, раздвигает ограниченные рамки повседневности. Она способна научить диалогу, взаимопониманию, сопереживанию, сочувствию, помогает найти ответы на сокровенные вопросы личной жизни.

Конечно, она не может заменить жизненной практики, но способна дать импульс размышлениям о жизни, ценностях, нравственных отношениях между людьми.

Прежде чем перейти к изучению феномена «художественная культура», оговоримся, что мы будем рассматривать ее преимущественно с позиций аксиологического и деятельностного подходов, поскольку именно они дают возможность более полно изучить это явление.

В современном обществе культура все более демонстрирует свою полезность в самых различных сферах. Так, для современной экономики важнейшее значение имеют такие социокультурные факторы, как качество рабочей силы и наукоемкие технологии. Не случайно в рамках деятельностного понимания культуры предметом изучения становятся такие ее проявления, как культура труда, культура производства, культура быта, политическая культура и т. д. Вместе с тем сохраняются слои, элементы культуры, которые можно определить как «бесполезные» - прежде всего это художественная культура. Эта культура бесполезна не в том смысле, что она не нужна, а в том, что не все в жизни общества и человека может измеряться с помощью пользы.

Большое внимание изучению этого важного вопроса уделил известный российский исследователь М.С. Каган [157, с. 130-152]. По мысли ученого, художественная культура является самостоятельной подсистемой культуры, которую невозможно отнести однозначно ни к материальной, ни к духовной культуре. Каган разрушает традиционную дихотомию «материальное/духовное» и говорит о необходимости появления «третьего» – художественной культуры, рождающейся в результате совмещения противоположностей. При этом Каган особо подчеркивает, что речь идет именно о подлинном слиянии, а не о механическом соединении материальной и духовной культур. Таким образом, в художественной культуре соединяющиеся противоположности проникают друг в друга насквозь и становятся нерасчлененными. Только художественная культура способна адекватно воплотить в себе единство природы и культуры, материального и духовного, объективного и субъективного. Именно это подлинное слияние приводит к незаменимости материальной формы в художественном образе и невозможности перекодирования его духовного содержания.

Наряду с наукой художественная культура оказывается одним из исторически выработанных способов функционирования культуры. При этом теоретическое научное знание Каган определяет как сознание культуры. Наука добывает культуре необходимую информацию о природе, обществе, человеке, о мире, о среде, в которой она функционирует и, в конечном итоге, о ней самой, рассматриваемой как бы со стороны, объективированно, в законах ее строения, функционирования и развития. Художественная же культура является самосознанием культуры. Она отражает объективный мир таким, каким он преломляется культурой, становясь ее собственной образной рефлексией. Поэтому искусство - это образное самопознание реального человека, это зеркало (по выражению В. Маяковского, увеличительное стекло), в которое человек может смотреться, дабы лучше, глубже, тоньше себя познавать. Такое самопознание происходит путем удвоения действительности, дополнения реальной жизни человека жизнью воображаемой. И в данном контексте художественная культура выступает уже как уникальный «инструмент» культуры, с помощью которого люди могут раздвинуть границы своего опыта. Этот процесс наблюдается на протяжении всей истории человечества. Потребность в удвоении реальности зарождается в человеке одновременно с появлением самого человека, общества, культуры. Исторически первоначально она реализовывалась в создании мифов, а затем - в художественной деятельности (уже в современном ее понимании). Известно, что нет ни одного народа, который бы не имел собственных мифов, легенд, своего искусства. Это удвоение реальности начинается в детстве, когда ребенок, играя, рисуя, танцуя, реализует себя и связывает себя с другими людьми, входя в общество.

Занимаясь художественной деятельностью, человек овладевает языком «второй» действительности, в ходе которой он отбирает акты и осмысляет их в свете своего эстетического идеала. Овладение языком «второй» действительности, позволяющее людям целостно осваивать окружающее пространство и целостно развивать свой духовный мир, значительно обогащает их социальный опыт и представляет собой синтезированную способность человека, в которой слиты воедино способности к познанию, созиданию, общению, ориентации в ценностях. Таким образом, художественное

освоение мира оказывается интегративной деятельностью, в которой скрещиваются все остальные виды деятельности.

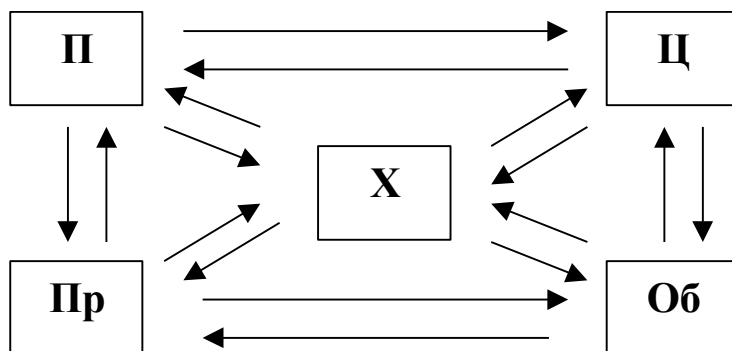

Рис. 2. Структура деятельности (по М. С. Кагану) [158, с. 151]:

П - познавательная деятельность,

Ц - ценностно-ориентационная деятельность,

Х - художественное освоение мира,

Пр - преобразовательная деятельность,

Об - общение

В свою очередь, художественная деятельность оказывает обратное воздействие. Степень овладения языком «второй» действительности характеризует степень сформированности художественного потенциала. Последний значительно влияет на развитие гносеологического, аксиологического, созидательного, коммуникативного потенциалов, и степень их развитости уже получается опосредованной сформированностью художественного потенциала, т. е. чем больше человек способен узнать по «второй» действительности о «первой», чем больше он общается с художественной культурой, тем сильнее она влияет на все остальные стороны его деятельности [159, с. 180]. В связи с этим возможно возникновение ряда проблем. Во-первых, художественная культура не всегда оказывает позитивное влияние на человека, а, во-вторых, художественная культура может оказаться инструментом манипуляции (в разные эпохи акценты расставляются по-разному, например, в период социальных бурь усиливается пропагандистский, ценностно-ориентационный аспект искусства, в более спокойные времена на первый план выходит познавательный момент и т.д.).

Поскольку художественная культура является отражением всей культуры, то и структура художественной деятельности повторяет структуру всей человеческой деятельности:

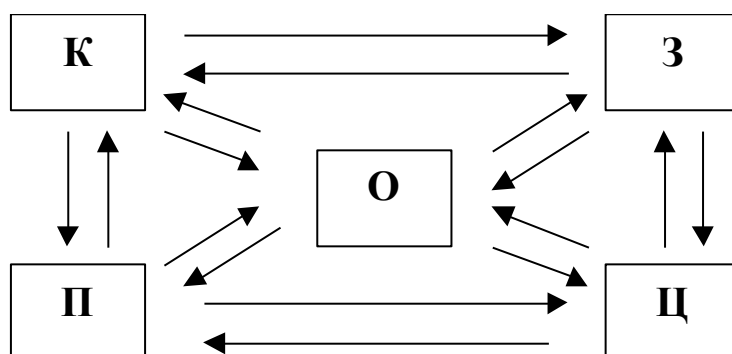

Рис. 3. Структура художественной деятельности (по М. С. Кагану) [160, с. 152]:

Ц - ценностно-осмысляющая сторона духовного содержания искусства,

П - познавательная сторона духовного содержания искусства,

К - конструктивная сторона внешней формы произведений искусства,

З - знаково-коммуникативная сторона художественной культуры,

О - образность как внутренняя форма художественного освоения мира, в которой происходит превращение духовного в материальное и обратно.

Таким образом, художественная культура, соединяя в себе материальную и духовную стороны культуры, становится способом практически-духовного освоения действительности и представляет человеческую личность в ее неповторимо-уникальных качествах.

Овладение языком «второй» действительности может идти тремя путями [161, с. 180]:

1. Знакомство с произведениями искусства (потребление, восприятие).
2. Приобретение искусствоведческих знаний.
3. Само художественное творчество (исполнительское и продуктивное).

При этом достаточно широко распространено мнение о том, что самой главной задачей общения человека с художественной культурой является воспитание у него потребности и способности самому творить художественные ценности. Однако это узкая точка зрения. Кажется, что стремление самому создавать художественные ценности свидетельствует о более высоком уровне развития человека. Но в сфере художественной культуры потребление – также творческий процесс, т. к. восприятие художественного произведения

предполагает в известной мере соавторство создателя и потребителя, умение последнего прочесть «вторую» действительность и спроецировать ее на окружающую жизнь. Умение понять, что художник хотел сказать своей «второй» действительностью о «первой», способность «читать» целостное конкретно-чувственное отражение жизни, данное в системе образов без прямых авторских подсказок, как и умение создавать эту вторую действительность, составляют две стороны художественных способностей человека.

Молодежная художественная субкультура в системе молодежной культуры

Еще одним подходом к изучению культуры является субкультурный подход, предполагающий выделение в рамках существующей в конкретном обществе общей культуры неких «подкультур», присущих различным группам.

В литературе сегодня отсутствует однозначное толкование термина «молодежная субкультура». В литературе 1990-х гг. встречаются мнения о том, что молодежная культура в широком смысле является собирательным определением и включает в себя и молодежную субкультуру, и молодежную контркультуру, а в узком она является подсистемой внутри базовой культуры общества и культивирует собственную молодежную систему ценностей, норм и т. д. [162, с. 56-65] В этом смысле молодежную культуру и субкультуру можно считать синонимами. В рамках такой трактовки любой молодой человек будет субкультурен просто в силу своей принадлежности к этой возрастной группе. В рамках этой трактовки можно привести определение молодежной субкультуры, предложенное З.В. Сикевич в написанном ею разделе учебника «Социология молодежи». «Молодежная субкультура - это культура определенного молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов». По мнению автора, существует некое субкультурное «ядро», которое присуще в той или иной мере всему молодому поколению [163, с. 355].

Другое дело, когда речь заходит о различных течениях и направлениях. И здесь уже речь идет не о молодежной субкультуре, а молодежных субкультурах, существующих в рамках общей молодежной культуры. С этой точки зрения уже невозможно

говорить о субкультурности любого молодого человека. И здесь прав В.А. Луков [163, с. 87], говоря о том, что субкультурная специфика не свойственна молодому поколению как таковому. Эти субкультуры рассеяны в молодежной среде, но не обязательно касаются всех ее представителей. Субкультурны только те, кто входит в какое-то течение, объединенное на основании каких-то ценностей. При этом все молодые люди являются представителями молодежной культуры (в силу все той же возрастной принадлежности), но одновременно некоторые из них являются еще и носителями какой-то субкультуры.

Для того чтобы внести ясность в дальнейшее изложение, необходимо развести понятия художественная культура и искусство. Нужно разделить художественную культуру на искусство (высокую художественную культуру) и массовую художественную культуру, в которой, в свою очередь, можно отдельно выделить так называемый китч. При этом принципиально то, что в массовой культуре есть вполне приемлемые образцы, потребление которых если и не способствует возвышению культурных потребностей, то, по крайней мере, позволяет более или менее качественно отдохнуть и получить какое-то эстетическое наслаждение.

Исходя из этой предпосылки, для целей данного исследования будем пользоваться такой терминологией. Всю молодежь (вернее молодежную культуру) условно разделим на четыре группы:

- субкультурная молодежь (в т.ч. контркультурная),
- ценители настоящей (высокой) художественной культуры,
- приверженцы масскульта,
- неопределившиеся, со временем они могут стать приверженцами какого-либо направления.

Предлагая такое условное деление, сделаем два существенных замечания. Во-первых, считаем нужным сказать, что, с определенными оговорками, вторую и третью группы можно тоже считать субкультурными. Но в данном случае это не будут молодежные субкультуры в чистом виде, т. к. и среди других возрастных категорий есть их сторонники. В то же время ценности первой группы разделяет преимущественно именно молодежь, поэтому мы и выделили эту отдельную группу с соответствующим названием. Во-вторых, на практике невозможно выделить ту или иную группу в чистом виде. Субкультурные молодые люди ходят в театры, художественно ориентированная молодежь может

использовать какие-то субкультурные «фишки», и все вместе они могут потреблять продукты массовой культуры, равно как и наоборот.

Обратимся непосредственно к изучению феномена молодежной культуры. В социологии молодежная проблематика начала разрабатываться в 50-е гг. XX века. В 1956 году в свет выходит монография израильского социолога С. Эйзенштадта «От поколения к поколению», рассматривавшего теоретические аспекты проблемы гомогенных возрастных групп в индустриальном обществе. В американской социологии в это время появляется специальный термин «peer group», обозначающий неформальную гомогенную группу молодежи, группу свободного времени, члены которой могут быть равны не только по возрасту, но и по социальному статусу, по взглядам, ценностям, формам поведения. В рамках концепции «peer group» молодежная субкультура трактуется как частичная, относительно когерентная культурная система внутри общей национальной культуры, которая возникает вследствие неопределенности социальных ролей молодежи, ее неуверенности в собственном социальном статусе. Она начинает рассматриваться как фаза развития, через которую должен пройти каждый молодой человек в поисках своего социального статуса. В молодежной субкультуре молодой человек как бы тренируется в исполнении ролей, которые ему предстоит играть во взрослом мире [165, с. 58].

Появление первых молодежных субкультур было для членов общества достаточно неожиданным, поэтому и отнеслось оно к ним крайне недоброжелательно. В них видели либо проявление девиантного поведения, либо считали их случайными образованиями, а зачастую приравнивали к криминальным субкультурам. И до сих пор есть мнения, что молодежные субкультуры - что-то асоциальное.

Но субкультуры оказались не сиюминутным явлением. Поэтому появились первые попытки изучать молодежные субкультуры и со стороны ученых, и со стороны бизнесменов. И как раз последние осознали, какой поистине «золотой жилой» это может стать. Вернее даже не субкультуры, а специально созданная культура для молодежи (т. е. массовая культура).

Сначала производители начали обслуживать молодежные субкультуры: если молодежь резала джинсы и вышивала на них цветочки, то был быстро освоен их выпуск в промышленных

масштабах, если хиппи сами изготавливали значки из металла, то предприниматели создали конвейеры, штамповавшие эти значки, и продавали их тем же хиппи. Но затем в стремлении заработать еще больше эти немолодые люди стали сами создавать «культуру для молодых», направляя их в нужное русло. И это создание происходило по законам массовой культуры: ориентация на усредненные вкусы, агрессивная навязывающая реклама, подчеркивающая исключительность молодежного статуса, эксплуатация отчасти надуманного и раздутого «конфликта поколений», создание специальной молодежной моды, целых музыкальных направлений.

Такое одновременное появление феноменов молодежной и массовой культур сыграло с первой злую шутку. Возникла ситуация, при которой молодежную культуру стали сводить почти исключительно к массовой, а то и безапелляционно идентифицировать их друг с другом. Отождествлению массовой и молодежной культур способствовало и то, что, превратившись в мощную индустрию, массовая культура очень быстро сориентировалась в основном на молодежь. А еще более ситуация осложнилась тем, что массовая культура стала проповедовать культ молодости, возводя в ранг именно биологический возраст и придавая ему особую значимость в индустриальном обществе. Являясь, по сути, лишь фоном для молодежной культуры, массовая культура пыталась подменить ее собой. Молодежная культура - достаточно безобидное явление. В нормальной ситуации даже в субкультурных своих проявлениях она ограничивается лишь эксцентричностью поведения и некритичным нарушением норм общепринятой морали. Недаром Д. Бааке вообще считал, что молодежная культура – это не что-то определенное и организованное, а лишь переживание и поведение (прежде всего стиль поведения, выраженный на уровне символов коммуникации) [166, с. 217]. Однако, когда противоречия между молодежью и остальным обществом становятся слишком очевидными (как это и произошло в рассматриваемый нами период), отчуждение, непонимание, неуважение достигают своего пика и перерастают в открытый конфликт – происходит возникновение контркультуры.

Молодежная субкультура - феномен, возникающий преимущественно в динамичных обществах. Это объясняется тем, что традиционные общества развиваются медленными темпами,

ориентируясь в основном на опыт старших поколений, поэтому в таких обществах молодежная субкультура обычно не существует. Представители различных поколений очень близки, хорошо понимают друг друга: все поют одни и те же песни, танцуют одни танцы, слушают одну музыку и т. д. - в общем, говорят на одном языке. А в так называемом техногенном обществе в условиях масштабных преобразований, ускорения темпа изменений социальной жизни верования, ценности, нормы, правила поведения тех, чье становление происходило за 20-30 лет до этого, устаревают гораздо быстрее. Более того, они настолько отличаются от ценностей, норм, знаний молодых, что сами по себе несут потенциальные возможности конфликта. С возрастом уменьшаются способности к адаптации, взрослые с трудом приспосабливаются к изменившимся условиям, усваивают что-то новое. Поэтому люди в зрелом возрасте постоянно возвращаются к своим привычкам, позициям и убеждениям, сложившимся в былые годы. Это порождает непонимание (а, в крайних случаях, и отчуждение) между представителями разных поколений. И чем быстрее темп социальных изменений, тем глубже и радикальнее это непонимание. Серьезные различия обнаруживаются во всем образе жизни в целом. Результатом становится кризис личности, который начинает приобретать угрожающие масштабы. Нарастают ощущения мимолетности и непостоянства всего окружающего, происходит размывание авторитетов старшего поколения, которое оказывается неприспособленным к жизни в таких условиях. Молодые начинают отрицать знания и опыт своих «отцов». Это приводит к тому, что в таком обществе затрудняются процессы традиционной социализации и адаптации человека. Семья быстро утрачивает свою социализирующую функцию. В большей степени на социализацию молодого человека начинают оказывать влияние уже не семья и школа, а такие неконтролируемые факторы, как неформальная среда его общения, взгляды и настроения его сверстников и т. д. И молодые люди уходят в эти возрастные группы, потому что ценности, нормы, правила поведения в них являются понятными и приемлемыми. Тут свою роль играют и психологические особенности людей этого возраста. Для молодежи характерно стремление освободиться от внешнего контроля, повышенные возбудимость, эмоциональность, максимализм, идеализация многих сторон жизни, неустойчивость

собственных представлений о ней. Все это вызывает протест молодежи против существующего жизненного уклада, и именно она становится таким образом «зачинателем любых изменений в обществе» [167, с. 445], в том числе и культурных.

В конце 60-х годов XX века кризис социализации достиг особенной глубины (самый яркий и сильный пример - студенческие волнения во Франции 1968 года). Наряду с повсеместным насаждением масскульта, это стало еще одной причиной того, что многие молодежные субкультуры начали обретать контркультурные формы. Вначале под контркультурой понимали определенную культуру, откровенно идущую вразрез с культурой «отцов». Но впоследствии этим термином стали обозначать любое девиантное поведение (так же, как в свое время его обозначали термином «субкультура»).

В нашей стране своя специфика как появления, так и изучения молодежных субкультур. Первые субкультурные объединения у нас не были столь массовыми, как на Западе. Тем не менее, в 1960-е гг. и в СССР появились молодые люди, украшавшие себя металлическими шипами, носившие «фенечки» и расклешенные джинсы. Их называли «стилягами» и постоянно клеймили на комсомольских собраниях, обвиняя в подражании испорченной западной молодежи. Еще одним (но уже специфически нашим) течением, появившимся в это время и оказавшим заметное влияние на молодежь, стала бардовская субкультура - субкультура авторской песни. Начиналась она как субкультура «для себя, для друзей», но приобрела большое количество сторонников среди молодых людей и стала заметным явлением на советском культурном небосклоне [168, с. 80-124].

В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. у нас возникли первые контркультурные объединения, также имевшие свою специфику. Советская командно-бюрократическая система вытолкнула за свои пределы и объединила по принципу неприятия определенную часть молодых людей. Произошло их так называемое «отчуждение» от общества, его идеалов. Отсюда и подчеркнутая аполитичность молодежных объединений того времени. Одной из самых неформальных, самых значимых и самых гонимых контркультур этого периода в СССР стала молодежная рок-культура. За принадлежность к ней исключали из комсомола, уличали в «аморальном поведении», перекрывали доступ к определенным

благам и т. д. Но при этом, несмотря на обвинения в «тлетворном влиянии Запала», русский рок стал специфическим явлением отечественной культуры. У нас он явился зеркалом того поколения - замкнутого, отчужденного, «потерянного». Внешне циничные и развязные, но внутри ранимые, уязвимые и беспомощные, его представители в душе тянулись к тому же, к чему и их «отцы» в 60-е годы XX века: к единству, чистоте, братству. А рок, по сути, был языком их общения, не понятным, не понятым и не принятым взрослыми, которые видели только внешнюю его сторону, предпочитая не замечать, что за грохочущим звуком скрыт глубокий смысл. З.В. Сикевич даже называет рок «этическим кодом» поколения, которому довелось взрослеть в сложные годы двойного поведения и двойной морали – годы начала конца советского государства [169, с. 110].

Таким образом, до 80-х гг. прошлого века молодежные субкультурные течения были слабо представлены в нашей стране. Начиная же с 80-х гг. XX века стали активизироваться многие движения – металлисты, рокеры, «зеленые», члены движения «Мемориал», общества «Милосердие и других, - чему способствовала смена политического режима и, как следствие, всплеск социальной активности, уже более-менее свободной от формальных рамок и постоянных «высоких» указаний как жить. И «погоду» в таких объединениях делали в основном молодые люди. Во-первых, это опять же объяснялось возрастными особенностями этой группы (ее эмоциональностью, динамичностью, непосредственностью, мобильностью, независимостью и т. д.). А, во-вторых, молодежь 80-х годов XX века на подсознательном уровне уже была лишена страхов своих отцов и дедов.

Однако, несмотря на значительное смягчение ситуации, уже произошедшее к тому времени, советское общество все же не принимало такие молодежные объединения. Долгое время в нашей стране проблема молодежной субкультуры подпитывалась атмосферой нетерпимости к любому инакомыслию, другому образу жизни. Отчасти на них переносился еще крепко сидящий в массовом сознании образ врага. Эти субкультуры долгое время воспринимались как социальная патология. Начиная с 90-х гг. XX века в России образовалось и существует множество молодежных субкультурных течений. Но, например, В.А. Луков считает их более слабыми по сравнению с западными. Он называет три причины этого [170, с. 79]:

Молодежная субкультура – это попытка молодых «быть» в мире «иметь». Безусловно, молодые в обществе потребления тоже потребляют, но это потребление оказывается ближе к бытию. «У молодых людей мы находим такие типы потребления, которые представляют собой не скрытые формы приобретения и обладания, а проявление неподдельной радости от того, что человек поступает так, как ему хочется... Эти молодые люди совершают дальние путешествия, зачастую испытывая при этом трудности и невзгоды, чтобы послушать музыку, которая им нравится, или своими глазами увидеть те места, где им хочется побывать, или встретиться с теми, кого им хочется повидать» [171, с. 277-278].

И смысл и ценность молодежной субкультуры именно в том, что она дает шанс молодым людям «быть» в мире «иметь». Поэтому и ищут молодые возможности самореализации не в официальных структурах, а в субкультурных объединениях. Молодые люди просто ищут себя в отличие от тех обществ, в которых они живут. В результате молодые оказываются «гораздо более искренними, чем старшее поколение... Они не заняты постоянным наведением глянца на свое «я», чтобы стать «предметом повышенного спроса». Они не прячут свое лицо под маской постоянной лжи, вольной или невольной; они, в отличие от большинства, не тратят свою энергию на подавление истины» [172, с. 277-278]. Молодежная субкультура дает своим членам возможность остаться самими собой в глобальном обществе потребления. Это попытка не использовать величайшие цивилизационные механизмы – лицемерие и «игру по правилам». Именно поэтому для нас являются абсолютно неприемлемыми стремления некоторых исследователей рассматривать этот феномен как исключительно отрицательный. Но мы согласны с теми, кто, как, например американский исследователь Т. Рож

ак, считает ориентацию на «быть» единственной гарантией выживания человечества. А путь к такому выживанию он видит в создании малых неформальных групп энтузиастов (т. е., фактически, в субкультурных объединениях, и, в первую очередь, в молодежных) [173, с. 182]. Конечно, отчасти правы и те, кто говорит, что молодежи легче «быть», т. к. «иметь» им обеспечивают родители. При этом, выбирая «быть», молодежь выбирает и как «быть», т. е. вполне может выбрать и контркультурную группу. И, тем не менее, именно

благодаря субкультуре молодежь заявляет о себе и, в какой-то мере, обеспечивает изменение и прогресс человечества.

Одним из этапов изучения молодежных субкультур стали попытки разработать их классификацию. Например, часто встречается предложение делить их на так называемых «хороших» и «плохих». К первым относятся те, кто с готовностью предоставляет планы работ в официальные органы, обращается за финансовой помощью и т. д. Вторые упорно отстаивают свои права на независимость, неподотчетность, альтернативность. Некоторые исследователи интерпретируют такое деление, как деление на субкультурные и контркультурные объединения. Но такая классификация достаточно поверхностна и отчасти идет еще с советских времен.

Существует также попытка деления по возрастному признаку, в рамках которой выделяют подростковые, молодежные, смешанные и другие движения. Однако такая классификация тоже не представляется абсолютно верной. Так, например, лидерами подростковых группировок зачастую становятся представители старшего поколения. В.Т. Лисовский предлагает делить молодежные субкультуры по социально-правовому признаку. Он выделяет три основных группы молодежных субкультур [174, с. 40-41]:

1. Просоциальные. Сюда он относит экологов, группы по спасению памятников, фонд молодежных инициатив и т. д., т. е. группы, способствующие формированию социальной активности молодежи.

2. Асоциальные. Хиппи, металлисты, панки, музыкальные и спортивные фанаты – группы, воплощающие неофициальную подпольную молодежную культуру.

3. Антисоциальные. Наркоманы, «гопники», нацисты.

Однако, во-первых, разделение понятий «асоциальные» и «антисоциальные» кажется не совсем внятным, а, во-вторых, предложенная в 80-е гг. XX века, эта классификация сегодня уже вряд ли является верно отражающей реальное положение дел. С нашей точки зрения, более интересной и адекватной является классификация, разработанная З.В. Сикевич. Она рассматривает четыре основания принадлежности к той или иной субкультуре [175, с. 98]:

1. Способ времяпрепровождения. Совместное проведение досуга – одна из наиболее сильных причин объединения молодежи. К молодежным субкультурам, возникшим на этой почве, Сикевич

относит и спортивных фанатов, и поклонников исполнителей, групп или музыкальных направлений, и даже криминальные объединения, молодых нацистов, расправно-самосудные команды. Казалось бы, в основе поведения членов этих разных групп лежат разные потребности, но, по мнению исследователя, их всех можно объединить в одну группу. Одиночество молодого человека, его неумение организовать собственный досуг, найти себе достойное занятие по душе, духовная невоспитанность – вот причины такого объединения. Может вызвать вопрос включение в эту группу нацистов. Почему в данном случае основанием для их объединения предложено времяпрепровождение, а не социальная позиция? Отвечая на это вполне резонное замечание, Сикевич говорит, что, как правило, фашиствующая молодежь не имеет никакого понятия о философии и истории нацизма, целях его зарождения и функционирования. Провоцируя окружающих, они просто пытаются утвердить культ силы, а в обычной жизни они зачастую ничем не выделяются в кругу своих сверстников.

2. Социальная позиция. Сюда автор относит культурологические, экологические группы, выступающие против бюрократии, группы содействия перестройке, группы, объединенные под лозунгом «экологии культуры» (ведут работу по охране целостной культурной среды) и т. д.

3. Образ жизни. Для представителей этой группы принадлежность к молодежной субкультуре - единственно возможная форма существования. Они живут достаточно скрытой (по крайней мере, от посторонних глаз) жизнью, пользуются собственным языком. Сикевич называет их людьми «системы». Внутри нее люди объединены по способу бытия, существующему как бы вне социальных потрясений, экономических проблем или повседневных забот.

Привести молодого человека в такое объединение может тот же поиск друзей или бегство от одиночества, как в случае с объединением по принципу времяпрепровождения. Но если для фанатов их занятие - в основном досуг, и они могут со временем сменить свои интересы, то для людей «системы» это - их жизнь (в прямом смысле слова, т. к. зачастую они остаются членами этой «системы» в течение всей своей жизни). Именно появление объединений на этом основании символизирует собой болезнь

общества, является результатом краха формальных приемов социализации, следствием кризиса семьи. Предшественниками таких объединений были хиппи. К ним также относятся различные секты, религиозные братства (например, кришнаиты) и т. д.

4. Альтернативное творчество. Сюда обычно входят профессиональные, но не признанные официальными организациями и критикой творцы. Это неформалы от искусства, ориентированные на эстетику авангарда, поиски новых форм художественного самовыражения, не вписывающиеся в официальные рамки. Что касается будущего всех этих объединений, то, по прогнозам Сикевич, данным ею в 90-е гг. прошлого века, постепенно будет расширяться сфера деятельности групп второго направления (социальная позиция) и одновременно уменьшится количество групп «альтернативного творчества» и «образа жизни». А перспективы первого направления зависят от развития досуговой инфраструктуры и от системы образования и воспитания.

Существуют и другие варианты классификации молодежных субкультур. В середине 90-х годов прошлого века В.А. Бобахо и С.И. Левикова, например, выделили три ведущих тенденции в молодежной среде (и соответственно три основных типа молодежных объединений) [176, с. 61]:

1. Мажоры - молодые люди, занимающиеся мелким бизнесом.
2. «Люберы», «гопники» – культ физической силы, дисциплины, агрессивности, жесткой организованности, криминальной направленности.
3. Яппи, неояппи – выходцы из средне- и малообеспеченных семей. Отличаются целеустремленностью, серьезностью, прагматизмом.

Сегодня молодежная субкультура является уже общепризнанным феноменом и выполняет множество функций. Все они оказываются взаимосвязаны и тем не менее попытаемся выделить основные (эти же функции естественным образом свойственны и молодежным субкультурам, только, возможно, в более яркой форме):

1. Функция адаптации, социализации. Социализация и адаптация молодого человека в обществе происходит обычно по одному из трех путей:

- традиционный путь. Социализация происходит через обычный канал (посредством семьи или формальных организаций), переход молодого человека в мир взрослых обычно не осложнен какими-либо проблемами, идет по проторенному пути. Среди таких молодых людей можно встретить в основном сторонников высокой художественной, либо массовой культур. Приверженцы молодежных субкультурных объединений здесь крайне редки;

- социализация посредством молодежной субкультуры. Происходит, когда традиционный путь по каким-либо причинам дает сбой. Здесь влияние молодежной субкультуры особенно значимо, а массовая культура практически не играет никакой роли. Такая социализация, на первый взгляд, может выглядеть слегка парадоксально. Ведь молодежные субкультурные группы обычно объединяют тех, кто не смог нормально «вписаться» в социум. Поэтому в них, с одной стороны, культивируется протест против существующего жизненного уклада, но, с другой, именно пребывание в таком объединении способствует адаптации молодежи к обществу;

- смешанный путь социализации. Возникает, когда традиционный путь дает незначительные сбои. Молодежные субкультуры в данном случае не играют значительной роли, но тем не менее накладывают некоторый отпечаток точно так же, как и художественная, и массовая культуры.

2. Функция самоидентификации, самореализации. Сегодняшнее положение молодых достаточно противоречиво, что обусловлено, как мы уже отмечали, одновременной акселерацией и увеличением периода социализации молодых людей. Долгое время юноша продолжает зависеть от «милости» старшего поколения, поэтому полем для самореализации и самоидентификации зачастую остается лишь молодежная культура. Именно здесь можно проявить себя, свое умение принимать решения, руководить, организовывать.

3. Компенсаторная функция. Возможность реализоваться посредством участия в деятельности групп, объединенных на основании разделяемых всеми их членами ценностей, компенсирует отсутствие личной независимости в традиционных структурах (семье, классе, учебной группе), созданных взрослыми.

4. Досуговая функция. Свободное время, досуг играет огромную роль в жизни молодых. От удовлетворенности досугом начинает во многом зависеть удовлетворенность всей жизнью, а для кого-то

именно досуг является самой жизнью. По результатам множества исследований, на первом месте среди потребностей молодых людей стоит потребность в общении с единомышленниками, со сверстниками, с носителями той же культуры. И для многих эта потребность реализуется главным образом именно во время совместного проведения досуга. Поэтому эта функция является едва ли не главной среди всех других функций молодежной культуры.

5. Функция интеграции/дифференциации. Принадлежность к какой-либо группе позволяет четко обозначить свою позицию, продемонстрировать факт поддержки определенного жизненного стиля и однозначно дистанцироваться от людей, разделяющих иные взгляды.

6. Тренировочная функция. Субкультурная группа - это поле для тренировки в исполнении социальных ролей, знакомства с различными общественными феноменами. Молодежный досуг (в котором преимущественно и реализуются молодежные субкультуры, и речь о котором пойдет немного ниже) – это не только общение, но и своеобразная игра. Но отсутствие навыков такой игры может привести к тому, что в зрелом возрасте человек не будет уметь брать на себя какие-либо обязательства.

7. Инструментальная функция. Каждое объединение преследует определенную цель (например, защита животных, помощь нуждающимся, поддержка спортивной команды или утверждение в группе сверстников). И естественным образом, если эта цель совпадает с целями молодого человека, то эта группа становится его группой, инструментом достижения им своей цели.

8. Защитная функция. Вместе выжить всегда легче, чем в одиночку. Тем более это относится к молодому человеку, еще не обретшему собственный взгляд на мир, не разобравшемуся «что такое хорошо и что такое плохо», не обладающему собственными защитными механизмами в постоянно меняющейся (а, зачастую, агрессивной) среде.

Рассматривая функции молодежной субкультуры, мы говорили о том, что одной из важнейших является досуговая функция. В связи с этим остановимся поподробнее на изучении этого вопроса. Сегодня можно констатировать тот факт, что современная молодежная культура приобретает все более досуговую ориентацию (что, в общем, логично в сегодняшнем обществе, все более и более

становящемся обществом досуга). Досуг – это время для отдыха, для занятий любимым делом, для творчества, для саморазвития, самообразования, но, в первую очередь, это время для общения. Кроме того, значительная роль досуга в молодежной культуре объясняется еще одной причиной. Для самореализации, для восстановления, для других дел молодежи необходимо свое социальное пространство. А поскольку взрослые долго не пускают их в свой мир, либо требуют безоговорочного подчинения в нем, то наиболее доступной площадкой оказывается именно сфера досуга, где можно проявить себя, научиться руководить и принимать решения, где молодые люди сами несут за все ответственность. Таким образом, досуг становится не просто временем для общения, он оказывается своего рода социальной игрой. Молодые люди уходят в досуг как в защитный панцирь, только здесь они ощущают себя истинно свободными. В этом смысле свободное время начинает пониматься ими буквально - как время «для свободы», а не как время, не занятое основными делами.

Итак, посмотрим, что же происходит с молодежным культурным досугом и вообще со всей культурной ситуацией в российском обществе и каково состояние молодежной художественной культуры сегодня. Как мы уже отмечали ранее, художественную культуру можно поделить на две части - искусство (высокая, элитарная культура) и массовую культуру (коммерческую, популярную), - с преобладанием последней. Это общемировая тенденция, и Россия, хотя и с некоторым запозданием, также оказалась в этом русле. Сегодня у нас сложилась ситуация, в которой на авансцену вышла как раз та самая массовая культура, потеснив собой культуру элитарную. Современная культура выражает себя не в искусстве, а в жестких формах, в которых деградируют высшие духовные ценности культуры. Эта культура рассчитана на среднего потребителя с невзыскательными вкусами, ее цель, в первую очередь, - заработать деньги (эксплуатируя, в общем-то, животные инстинкты толпы). Коммерческая установка для деятелей такой культуры является исходной. Благодаря мощному развитию средств массовой коммуникации (особенно телевидения) эта культура (называемая медиакультурой) получила широкое распространение. Такое развитие событий привело к образованию фрагментированного общества. В сочетании с ликвидацией приоритетов и при огромном влиянии

телевидения эта фрагментарность обернулась для человека «клиповым» сознанием, характерными чертами которого являются краткость, поверхностность, легкомысленность выводов. Значительное влияние на этот процесс оказали и процессы глобализации, ставшие возможными, благодаря все тому же развитию информационных технологий.

Таким образом, сегодняшнее российское общество преимущественно является обществом массовой культуры. И, возвращаясь к теме нашего исследования, мы должны констатировать, что главной «жертвой» этой культуры стала именно молодежь. Не случайно поэтому в России со стороны ряда исследователей наблюдается стойкое стремление к отождествлению молодежной культуры исключительно с массовой культурой. Такое понимание молодежной культуры абсолютно не верно, и не правы те, кто считает, что молодежь хочет исключительно развлекаться, требует для себя только зрелищ и реагирует лишь на определенные послы. Хотя, как говорится, дыма без огня не бывает, и для таких суждений, к сожалению, есть некоторые предпосылки.

Специфика культурных потребностей

Человек живет, постоянно удовлетворяя те или иные свои потребности. «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей» [177, с. 245], - писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Важно определить, стремление к удовлетворению каких потребностей лежит в основе поведения человека.

Чтобы понять, что такое потребность, необходимо обратиться к изучению структуры личности (поскольку потребности – это одна из важнейших ее составляющих). «Всплеск» интереса к этой теме в отечественной социологии пришелся на 80-е гг. прошлого века. Одним из первых свой вариант структуры личности предложил Л.Н. Коган. Он выделил такие ее элементы, как способности к выполнению того или иного вида социальной деятельности, социальные потребности, знания, навыки и умения, человеческие чувства [178, с. 25-26].

Одна из наиболее интересных и часто используемых теорий - теория структуры личности, предложенная Г. Е. Зборовским [179, с. 466]. Рассматривая личность как систему, он выделяет две ее основные подсистемы, два мира - внутренний мир сознания и внешний

деятельностный, открытый для других людей мир, позволяющий им не только наблюдать внешние проявления личности, но и проникать в ее внутреннюю жизнь, догадываться о том, что происходит внутри человека. Естественно, внутренний и внешний миры тесно связаны, но эта связь оказывается различной у разных людей, причем диапазон может оказаться весьма велик. «Ядром» структуры личности Г.Е. Зборовский считает ее образ жизни. Образ жизни рассматривается сквозь призму единства сознания и поведения личности и понимается как превращение в структуре личности фактов, моментов, ситуаций сознания в факты, моменты, ситуации деятельности, т. е. превращение внутреннего во внешнее. При этом автор подчеркивает недопустимость противопоставления одного другому и говорит о неверной, с его точки зрения, трактовке, в рамках которой «образ жизни» противопоставляется «образу мыслей».

Г. Е. Зборовский описывает структуры внутренней и внешней подсистем личности. Внутренний мир структуры личности состоит из трех механизмов - мотивационного, диспозиционного и механизма памяти. Нас главным образом будет интересовать мотивационный механизм, который включает в себя взаимодействие потребностей, интересов, ценностных ориентаций и мотивов, конечным результатом которого является их преобразование в цель личности [180, с. 469]. Все эти элементы сознания проявляются синхронно, неверно считать, что сначала появляются потребности, затем интересы, ценностные ориентации, а потом мотивы и цели.

И тем не менее именно потребности выступают как исходные побудители деятельности личности, отражают объективные условия существования человека и являются одной из важных форм связи личности с окружающим миром. Связь эта может проявляться в форме естественных и социальных потребностей. Эти потребности имеют не одинаковую природу, разное содержание и направленность, но все же резкой грани между ними нет. В отличие от животных, у человека естественные потребности приобретают «социальную» оболочку, опосредуются условиями общественного бытия, детерминируются достигнутым уровнем культуры, наполняются некоторым культурным содержанием. Можно говорить о разных «объемах культурности» естественных потребностей, но сложно отрицать его наличие. «Голод есть голод, – писал К. Маркс, – однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью

ножа и вилки, — это иной голод, чем тот, при котором проглатывается сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов» [181, с. 301]. Т.е. потребности, оставаясь естественными, удовлетворяются опосредованно.

Потребности — своеобразный индикатор культурного уровня социального субъекта. Развитие культуры, ее прогресс органически включает в себя и развитие потребностей. Будучи осознанными, потребности превращаются в интересы личности [182, с. 470]. В них уже отражается отношение человека к условиям жизни и деятельности, определяющее направленность его действий. Именно интересы в значительной мере обуславливают мотивы поведения личности, оказываются главными причинами его действий. Интересы побуждают личность к познавательной деятельности, они тесно связаны с освоением человеком мира в форме знаний.

Рассмотрев место потребностей в структуре личности, перейдем к изучению непосредственно культурных потребностей. Потребности личности, социальных групп, общностей всегда связаны с развитием культуры. Как мы уже говорили, во-первых, личность зависит от внешнего мира, от его культуры, а, во-вторых, очевидно, что и стремление к культуре проявляется в форме потребностей. Все это позволило социологам оперировать понятием «культурные потребности», которые, в свою очередь, также могут быть классифицированы по разным основаниям.

Культура делает реальным то, что в человеке находится в потенциальном состоянии. Этот ансамбль качеств М. С. Каган, вслед за К. Марксом, называет сущностными силами [183, с. 143]. Культурные потребности занимают особое место в системе потребностей. Под ними понимаются обусловленные состоянием развития общественного производства и культуры потребности в реализации сущностных сил человека в процессе его деятельности [184, с. 43]. Культурные потребности нельзя однозначно отнести ни к материальным, ни к духовным. Такое деление лежит в другой плоскости, нежели выделение культурных потребностей. Последние являются своеобразным «срезом» всей системы потребностей [185, с. 143-147]. Т. е. любая социальная потребность выступает культурной потребностью человека в том случае, если она способствует реализации его сущностных сил, развитию и самореализации личности. Культурные потребности человека формируются на

протяжении всей истории человечества, у каждого индивида они образуются в ходе его биографии, его культурно-деятельностного онтогенеза. Несмотря на то, что культурные потребности часто рассматривают как некий «срез» всей системы потребностей человека, они не являются чем-то умозрительным. Можно их структурировать и попытаться выделить их реальное конкретное содержание. Достаточно подробно и ясно этот вопрос проработан в трудах М. С. Кагана. Он говорит о том, что эти потребности должны охватить нужды людей в том, без чего невозможен человеческий образ жизни. К культурным потребностям, по М. С. Кагану, относятся следующие [186, с. 143-147]:

1. Потребность в новой искусственной среде, во «второй природе», содержащей недостающее человеку в «первой природе», заполняющей вырванную людьми у природы и обживаемую ими экологическую нишу. Символически их можно определить известной антитезой К. Леви-Стросса – потребность в «вареном», вытесняющая нужду в «сыром». Становясь более широкими в истории культуры и все более разносторонними, они являются культурными, потому что не врождены ни индивиду, ни роду человеческому, они благоприобретаются ими в ходе истории всего вида и биографии каждого индивида.

2. Потребность в знаниях, опосредующих культурное творчество. Они необходимы, поскольку человек сам создает «вторую природу», а ее создание не может быть обеспечено его врожденными инстинктами, т. к. это создание не является генетически запрограммированным действием. Это созидание требует знаний реальности, в которой происходит практическая работа, знание связей сущностей и явлений, причин и следствий и т. д., т. е. необходима теория (знания), опосредующая практику (созидание), что значительно увеличивает эффективность последней.

3. Потребность в ценностях. Наличия одних только знаний недостаточно для опосредования практических действий. Человек может много знать, но никак не реализовать эти знания, а если он их и реализует, то результаты его действий могут быть совершенно различными, в зависимости от преследуемых целей. Они (результаты действий) могут быть даже диаметрально противоположны (возвышать или унижать человека, объединять или разобщать людей и т.д.). Это означает, что наряду со знаниями людям необходимы

вырабатываемые в их жизни ориентиры. Причем М. С. Каган подчеркивает, что именно вырабатываемые, т. к. врожденных инстинктов недостаточно, чтобы мотивировать широкий круг генетически непрограммируемых действий. Поэтому и появляется потребность в ценностях как значениях предметов для человека. Система этих значений становится необходимой человеку культурной силой, взаимосвязанной с его потребностями.

4. Потребность в предвосхищающих действия моделях (в «модели потребностного будущего», по Н. Бернштейну). Это потребность в образах создаваемого, предвещающих его появление, в идеалах, которые должны превратиться в реальность, т. е. в проектах того, что должно быть создано на основе знаний и под направлением и руководством ценностей. Эти проекты - совершенно необходимое опосредующее звено между знаниями, ценностями и созданием.

5. Потребность в другом человеке как соучастнике собственного бытия. Человеческая жизнь и деятельность по природе своей коллективны и предполагают взаимодействие между участниками данных процессов. Даже если деятельность осуществляется в одиночку (например, индивидуальный писательский, конструкторский, исследовательский труд), то она все равно опосредована действиями других людей, предшествующими и последующими.

6. Потребность в дополнительном иллюзорном опыте. Все перечисленные потребности служат «пусковыми пружинами» для практических действий людей. Вместе с тем человеку необходимо дополнение его реальной практической жизни жизнью воображаемой, иллюзорной, что позволяет ему бесконечно раздвигать границы своего жизненного опыта. «Миры» мифологических образов рождаются еще в древности и в ходе дальнейшей истории человечества превращаются в художественные «миры». Эта потребность также принадлежит к сущностным силам человека. Свидетельством этому является тот факт, что «миры» мифологических образов появились еще в глубокой древности, и вместе с человеком, обществом, культурой постепенно превратились в художественные миры, имеющиеся сегодня у всех населяющих Землю народов. Значит, человечество не может обойтись без такого «удвоения» реальности. В этой «второй» реальности воплощаются в нерасторжимом единстве умения, знания, ценности, идеалы людей, с

помощью которых они связывают себя с другими людьми – реальными и воображаемыми. Нет ни одного народа, не сотворившего для себя мифов и лишенного искусства.

Таким образом, М.С. Каган завершает анализ потребностей и представляет его результат в таком наглядном виде.

Рис. 4. Структура потребностей (по М. С. Кагану)

Точно такую же структуру имеет и система способностей, т. к. всякая способность – это не что иное, как способность удовлетворять соответствующую потребность. И все же потребности далеко не всех членов общества возвысились доподлинно культурных. Именно здесь чаще всего можно наблюдать феномены статустного, престижного потребления, когда оно происходит не в целях развития личности, а в целях приобретения определенного престижа в глазах окружающих. Таким образом, функциональный характер приобретают у части членов общества не только материальные, но и ряд духовных потребностей, удовлетворение которых не связано ни с культурной деятельностью, ни с развитием личности. В этой связи особенно актуальна проблема разумных потребностей. Какие потребности можно назвать разумными? В понимании К. Маркса разумны те потребности, которые реально можно удовлетворить на данном уровне общественного производства. По мере развития производства неразумная вчера потребность может стать разумной сегодня или завтра [187, с. 246].

Н. Н. Михайлов писал, что «всякая потребность», необходимость удовлетворения которой объективно отсутствует, является неразумной, но не всякая необходимая (насушная) потребность разумна» [188, с. 98-99]. Одна и та же потребность у одного человека может быть разумной, а у другого – неразумной. Это зависит от того, в какой мере ее реализация способствует развитию личности человека, какое место она занимает в его жизни. Он формулирует критерии разумности потребности [189, с. 102]:

1. Разумные потребности являются необходимым условием жизнедеятельности человека.

2. Разумные потребности способствуют всестороннему и гармоническому развитию личности.

3. Разумные потребности не противоречат потребностям общества.

По М. С. Кагану всякая действительно культурная потребность разумна, поскольку в своей основе она есть потребность в свободной самореализации личности [190, с. 52]. В то же время степень значения различных разумных потребностей для культурной деятельности индивида далеко не одинакова. В обществе всегда будет определенная иерархия потребностей с точки зрения их влияния на культурную деятельность. В этой иерархии различают следующие группы разумных потребностей [191, с. 52]:

1. Потребности в насущных материальных благах, удовлетворение которых создает необходимую базу для реализации культурных потребностей.

2. «Функциональные» потребности, удовлетворение которых в той или иной степени связано с развитием личности.

3. Непосредственно (в узком смысле) культурные потребности, удовлетворение которых не имеет иной цели, кроме развития личности (под этими потребностями обычно понимаются потребности в художественной культуре).

Культурная деятельность не только в обыденном, но и в теоретическом сознании обычно связана с последней группой потребностей. Потребность в культурной деятельности непосредственно направлена на развитие и самореализацию личности. Деятельность людей, связанная с удовлетворением их культурных (а именно - художественных) потребностей, не всегда тождественна понятию «деятельность, развивающая личность».

Частота обращения к тому или иному ее виду тоже не всегда является показателем развитости соответствующей потребности. Например, многие молодые люди без разбора посещают практически каждый новый фильм, выходящий в широкий прокат, но обычно большинство из них обладает крайне неразвитым художественным вкусом. Еще в более яркой форме этот тезис подтверждается поведением поклонников массовой поп-культуры.

Итак, культурные потребности тесно связаны с культурной деятельностью. М. С. Каган, исследуя проблему взаимодействия потребностей и деятельности, рассуждает следующим образом. Он говорит о существовании некоего «пучка» мотиваторов и реализаторов поведения, которые не даны человеку биологически, которые выработались в многотысячелетнем процессе очеловечивания животного предка людей и которые располагаются иерархически на трех уровнях [192, с. 143-147]:

- потребности человека - пускового механизма его деятельности,
- способности - позволяющей удовлетворять и развивать потребности,
- умения превращать эти способности в реальные поступки.

Итак, потребности в художественной культуре (или художественные потребности). Какие они у современного российского общества? От чего зависит их содержание? Какие переменные оказывают наиболее существенное влияние на их формирование, развитие, реализацию и удовлетворение? Большинство населения в той или иной степени приобщено к ценностям художественной культуры. Но можно ли поэтому говорить о развитых художественных потребностях? Ведь сам факт потребления продуктов этой культуры еще не говорит о глубине и развитости этих потребностей как таковых. Здесь имеет место именно фиксация факта приобщения к ней, но качество и интенсивность этого процесса не раскрываются.

Изучение художественных потребностей человека может происходить по следующим направлениям:

1. Изучение художественных предпочтений и интересов.
2. Изучение переменных, от которых зависит художественное воспитание, развитие художественных потребностей личности.
3. Изучение каналов, по которым происходит удовлетворение художественных потребностей.

4. Изучение уровня и качества удовлетворения художественных потребностей, т. е. уровня и качества освоения людьми произведений искусства.

5. Изучение проблем, возникающих на пути удовлетворения художественных потребностей.

6. Изучение динамики изменения художественных потребностей.

6. Изучение соотношения художественных потребностей и художественной деятельности.

8. Изучение условий для реализации художественных потребностей.

Приступая к изучению художественных предпочтений и интересов, следует четче обозначить, что конкретно понимается под ними. Суммируя различные, высказанные социологами на этот счет идеи, можно выделить несколько уровней конкретности объектов художественных интересов [193, с. 329]:

1. Интерес к видам искусства (литература, живопись, театр, музыка и др.).

2. Интерес к жанрам искусства.

3. Интерес к различным авторам и художественным произведениям, в которых реализуются определенные стили, направления, творческие позиции.

4. Интерес к определенным системам (субкультурам).

Выбор в рамках каждой из перечисленных категорий может зависеть от ориентации на ту или иную цель, которую человек стремится достичь, «потребляя» художественный продукт. Разные исследователи предлагают здесь свои варианты.

Можно выделить ряд факторов, оказывающих существенное влияние на художественные потребности. К ним относятся доход, социальное положение, профессиональная деятельность, жизненные условия, окружение человека и т. д. Среди всех этих переменных доход является одной из важнейших. В то же время анализ культурных потребностей показывает, что их зависимость от уровня дохода не прямая. Так, по данным Л.Н. Жилиной (1987 год) [194, с. 375], если так называемые первичные (в данном контексте) потребности (в телевидении, радио, видеотехнике, магнитофонах) практически одинаковы для семей с различными доходами, то другие атрибуты культуры (например, библиотеки), выполняющие более сложную функцию - интеллектуального и эстетического развития, очень

дифференцируются. Вместе с тем растущий уровень материального благосостояния не всегда сопровождается соответствующим повышением истинных художественных потребностей. Во многих случаях высокий доход связан со статусными затратами на продукты художественной культуры.

Что касается динамики художественных потребностей, то можно говорить о том, что в последнее время возрос темп появления новых и дифференциации старых потребностей. И дело даже не в том, что люди не имели этих потребностей, а скорее в том, что их удовлетворение сдерживалось самыми различными ограничениями, надуманными запретами, ориентацией на то, что будто из одного центра можно регулировать вкусы и наклонности человека. Очевидно, что в современных условиях важное значение имеет не запрет, а постоянная поддержка истинных художественных ценностей.

Проблема качества удовлетворения художественных потребностей - еще одна важнейшая проблема для изучения. К.Б. Соколов выделяет три аспекта этой проблемы [195, с. 328]:

1. Качество продукции - спектаклей, концертов, представлений, кинофильмов, литературных произведений и т. д.

2. Качество восприятия художественных ценностей людьми, что зависит от соответствующей эстетической подготовки, степени развитости художественного вкуса, без которых даже самое высокохудожественное произведение не окажет должного воздействия на личность.

3. Качество культурного обслуживания, т. е. созданных людьми удобств для приобщения к искусству.

Рассмотрим все эти аспекты. Во-первых, качество произведений искусства. Здесь не существует четких, однозначных критериев, оценивающих это качество. Художественное произведение - субъективное отражение объективного мира. И тем не менее есть определенные категории людей, которые по роду своей деятельности как раз призваны и имеют право давать такую оценку и мнение которых играет значительную роль в художественной жизни. Но, несмотря на такую систему оценок, в практике остается множество проблем. Прежде всего они связаны с достаточно часто наблюдаемым расхождением в оценках произведений искусства экспертами и публикой. Кроме того, одно и то же произведение даже среди

экспертов зачастую вызывает разные, порой диаметрально противоположные, суждения.

Второй аспект связан с изучением художественных предпочтений и переменных, влияющих на их формирование. И третье – определение качества обстановки восприятия, уровня культурного обслуживания. В рамках этого направления возникает такое понятие, как «претензии» к учреждениям культуры и условиям культурной деятельности. Значительную роль в этом играет популярность соответствующего учреждения культуры среди населения и частота его посещения. Люди гораздо более компетентно могут оценить работу тех учреждений культуры, которые они чаще посещают, и деятельность которых потому хорошо знают. Естественно, они видят и больше недостатков в работе именно этих учреждений.

Итак, художественная деятельность является главным показателем этой удовлетворенности. В связи с этим подробнее рассмотрим проблему соотношения художественных потребностей и художественной деятельности. Можно выделить три разновидности художественной деятельности [196, с. 180]:

1. Знакомство с произведениями искусства (потребление, восприятие).
2. Приобретение искусствоведческих знаний.
3. Собственное художественное творчество.

Нередко можно встретить мнение, что самой главной задачей общения человека с искусством является воспитание в нем потребности и способности самому творить художественные ценности. Однако, по мнению Ю. У. Фохт-Бабушкина, такая точка зрения - еще одно следствие узкого понимания объекта исследования, замыкаемого на изучении только самого искусства.

Для полноценного, всестороннего, наиболее гармоничного развития человека оптимальным будет комплекс, в который войдут все три вида художественной деятельности. Однако, как показывает практика, приобретение искусствоведческих знаний и самостоятельное творчество не являются столь широко распространенными видами художественной деятельности, как потребление художественных продуктов. Именно оно чаще всего и является наиболее адекватным отражением художественных потребностей. Реализуется это потребление в основном посредством

посещения учреждений культуры, которое оказывается, таким образом, самым простым и наглядным показателем реализации соответствующих потребностей. Однако оценка художественных потребностей человека, основанная лишь на изучении его художественной деятельности, является слишком упрощенной. В этом случае сложно оказывается измерить степень удовлетворения художественных потребностей и еще более сложно измерить неудовлетворенные художественные потребности, поскольку им не соответствует никакая реальная деятельность. В то же самое время эта деятельность может вестись и с совершенно другими целями и вообще не быть связанной с удовлетворением истинных художественных потребностей. Художественный продукт – сложный продукт; его потребление позволяет удовлетворить самый широкий спектр потребностей (причем они могут находиться даже на диаметрально противоположных полюсах) - от образования, общения с друзьями до тусовки, самопрезентации и т. д.

Таким образом получается, что взаимоотношения между потребностью и деятельностью – не механические, зачастую причинно-следственная связь между ними не прямая. Эти взаимоотношения проявляются и в деятельности человека в сфере художественной культуры. Подчеркнем еще раз, что культурный продукт – сложный продукт, поэтому потребность в нем, а равно и деятельность по его освоению или созданию также нельзя трактовать однозначно. Здесь все зависит от целей его потребления. С одной стороны, потребность человека в продуктах культуры заставляет его заниматься определенной деятельностью по ее удовлетворению. С другой, приобщившись к ценностям культуры, человек потом может начать чувствовать в себе потребность в повторении такого общения с ней (культурой). В-третьих, сам процесс деятельности (это может быть процесс творчества, сотворчества или просто созерцания, прослушивания и т. д.) может стать потребностью. В-четвертых, по тому, насколько интенсивно человек занимается (или не занимается) деятельностью по освоению (или созданию) продуктов художественной культуры, какой конкретно деятельностью он занимается, можно судить о его реальных пристрастиях и предпочтениях в этой области, о его жизненных ценностях и установках, и вообще можно многое сказать о нем, как о личности. В то же время можно выделить ряд особенностей, присущих только

художественной деятельности в отличие от всех других видов деятельности:

1. Оценить, регламентировать и упорядочить деятельность и потребности человека в сфере художественной культуры весьма сложно. Трудовая, образовательная и иные виды деятельности, общественное поведение человека во многом подчиняются внешним социальным требованиям какой-либо организации, властного института и т. д., существуют стандарты такой деятельности, есть критерии ее оценки, определено, что должно получиться в итоге, за ее реализацией следит администрация различных уровней, периодически контролируя ее ход. Внешнее же прямое вмешательство в художественную деятельность, по большому счету, не имеет смысла. Невозможно заставить полюбить художественную культуру из-под палки. Такое принуждение может привести лишь к появлению нежелания (особенно у молодого человека) посещать театр, музей, филармонию и т. д. Конечно, первое знакомство зачастую осуществляется благодаря кому-то (родителям, педагогам). Но попытки насильно заставить человека и дальше «потреблять культуру» лишь отвратят его от нее. Это исключительно самостоятельная деятельность. Конечно, каждый человек получает за свою жизнь определенную «дозу культуры». На протяжении всей истории происходит своеобразный «отбор искусства» с учетом происходящих в обществе изменений. Государство все время пытается создать стандарты потребления культуры, в различных нормативных документах можно найти нормы потребления продуктов художественной культуры, которые по замыслу характеризуют средние потребности различных обществ в них, приводятся средние показатели художественных потребностей, зависящие, в первую очередь, от уровня развития общества и от проводимой государством культурной политики. Но это обычно делается в неких статистических целях, для удобства отчетности и т. д. и напрямую не отражает уровень культурного развития народа).

2. Еще более сложно, чем выбор художественной деятельности, регламентировать и оценить ход, результаты и интенсивность этой деятельности. Если на выбор человеком того или иного учреждения культуры, спектакля, концерта и др. еще можно оказать какое-то влияние, то результаты знакомства с ними уже невозможно будет предсказать или направить в определенное русло. Внешний контроль

здесь практически невозможен, да и бесполезен. В любом случае эти результаты будут сугубо индивидуальны, т. к. будут зависеть от ценностной ориентации человека, его предпочтений, нравственных установок или даже от настроения и состояния здоровья в данный момент.

Здесь (говоря о регламентации культурной деятельности) нам хотелось бы сделать следующее замечание, касающееся субкультурной деятельности в сфере художественной культуры. В данном случае возникает некая пограничная (двойная) ситуация. С одной стороны, субкультурная деятельность (равно как и субкультурные потребности) еще более не поддается регламентации, упорядочению и однозначной оценке со стороны общества. В то же время сами члены субкультурного объединения (особенно его руководители или ведущие деятели) легко могут оценить поведение других его членов, ведь им-то как раз понятны критерии такой оценки.

3. Помимо того, что человек сам выбирает направление и содержание своей деятельности в сфере художественной культуры, она более чем любая другая оказывается пронизанной чувственностью, эмоциональностью, отношениями человека. И результат даже аналогичной культурной деятельности будет разным у разных индивидов. Каждый человек увидит, услышит, почувствует что-то свое.

4. Художественная деятельность выполняет функцию проводника общественно значимого предметного содержания. Но критерии эффективности этой деятельности человек определяет только сам, также сам он формулирует цели и параметры этой деятельности. Все это, безусловно, дает индивидуальный ценностный эффект воздействия художественного продукта.

5. Художественная деятельность порождает проблему статусного («престижного») потребления, когда продукты художественной культуры (спектакли, концерты, книги и т. д.) потребляются не в целях развития личности, а в целях приобретения престижа в глазах окружающих. Т. Веблен назвал такое поведение «демонстративным потреблением».

Все эти особенности приводят к следующему. С одной стороны, возникают трудности при формировании художественных потребностей человека со стороны общества (педагогические,

воспитательные трудности). С другой стороны, индивид, развиваясь самостоятельно, имеет возможность отобрать из богатого культурного окружения только то, что ему нужно, и это придает данному процессу определенную привлекательность. Человек всегда может уйти из реального мира в свой мир, где он найдет что-то свое. Это открывает перед ним возможность широкого мотивационного контакта с ценностями культуры. Мы уже говорили о том, что разные люди ведут одну и ту же культурную деятельность с разными целями. Потребление одного и того же культурного продукта способно удовлетворить совершенно различные потребности. Потребность связана с деятельностью не напрямую, между ними существует такое понятие, как «мотив». Их грамотное использование может помочь в деле формирования истинных, высоких художественных потребностей. Поэтому кратко остановимся на характеристике этого феномена.

Формирование художественных потребностей - сложный процесс, в ходе которого допускается большое количество ошибок. С чего же начинается процесс формирования этих потребностей? Прежде чем ответить на этот вопрос, посмотрим, что же делает востребованным художественный продукт, в котором соответствующая потребность находит свою определенность, который обуславливает возможность ее реализации, удовлетворяет или не удовлетворяет ее, а также способствует или не способствует ее развитию.

Для того чтобы возникла потребность в культурном продукте, он должен затрагивать значимую сферу индивидуальной жизнедеятельности человека, т. е. внешние ценности должны либо стать внутренними для индивида, либо совпасть с уже разделяемыми им. Однако попытки многих педагогов, воспитателей в одночасье осуществить этот процесс зачастую оборачиваются возникновением поверхностного, искусственного интереса, потенциал которого слаб и который быстро истощается. Такая рациональная (в каком-то смысле принудительная) тактика ведет лишь к тому, что встреча с художественной культурой проходит без последствий для личности. Художественные ценности, которые получает человек через систему информации, посредством какой-либо деятельности не всегда становятся его внутренними потребностями. Иногда культура проходит «сквозь» человека, затраченные усилия оказываются

напрасными. И это еще в лучшем случае. В худшем же насильственное навязывание или принуждение потреблять тот или иной продукт вообще могут навсегда отбить у человека интерес к художественной культуре.

В то же время бросаться в другую крайность и исключительно следовать за индивидом, давать ему только тот художественный продукт, который он готов и хочет в данный момент воспринять, – тоже далеко не самый лучший выход из положения. Это не поможет возникновению или развитию потребностей в художественной культуре, а лишь будет способствовать закреплению существующих, а для большинства, к сожалению, это будут потребности именно в массовой культуре.

Так что же делать? Как сформировать у молодежи истинные художественные потребности? Ведь получается замкнутый круг: с одной стороны, нельзя принуждать, а с другой, нельзя удовлетворять только существующие потребности. Выходом из такого положения в какой-то мере может стать постепенное открытие для молодого человека новых ценностей, предметов художественной культуры, поданных ему с учетом его психологии. Это поможет сформировать у него систему мотивов, ценностных отношений, которые потом превратятся в потребности. Первичным здесь все-таки будет воздействия извне, но оно должно быть не давлением, а лишь предпосылкой активности индивида.

Один из алгоритмов формирования художественных потребностей может быть таким. Во-первых, нужно проинформировать личность о существовании ценностей художественной культуры. Затем необходимо помочь ей осознать их значение в личной или общественной жизни. И далее должна быть организована деятельность личности по овладению этими ценностями или по созданию новых ценностей. В данном случае очень важен тот факт, что помимо того, чтобы научить личность как действовать, чтобы овладеть, принять или понять эти ценности (т. е. научить учиться, трудиться и т. д.), нужно обеспечить доступность этих ценностей (что, в наших сегодняшних условиях, не всегда реализуемо. Это связано обычно с финансовыми, временными или географическими причинами).

В жизни возникают такие ситуации, когда человек, впервые узнав что-либо или придя куда-либо не по своей воле, становится

потом заядлым театралом, меломаном и т. д. Необходимость бывает особенно нужна, именно когда человека нужно впервые познакомить с ценностями культуры или вообще впервые ввести в культуру, т. к. сам он, возможно, никогда не осуществил бы этот акт знакомства, просто даже потому, что не знал, как и что можно сделать. Для того чтобы тот или иной культурный продукт стал объектом потребности личности, все-таки обычно необходима опосредующая деятельность общества по созданию и отбору этих продуктов, а также организация встречи с ними. Хотя опять же оговоримся, что важно не перегнуть палку, иначе принуждение может навсегда отвлечь человека от искусства или надолго отсрочить процесс приобщения к нему.

Однако в то же время стремиться нужно все же к формированию у человека потребности в художественной культуре вообще, а не в конкретном предмете. Поэтому нужно найти те границы, в пределах которых предметность имеет смысл. Должно наблюдаться постоянное качественное изменение отношения человека к предмету культуры. Это не должно быть просто статистическое накопление культурных продуктов или впечатлений от потребленных культурных продуктов. Должно быть развитие и усложнение потребностей. Только тогда культурно-воспитательная деятельность будет иметь смысл.

Итак, первый вариант формирования потребностей – систематическое знакомство человека с ценностями высокой культуры, объяснение ему их смысла и значения (если это необходимо) и постепенное усложнение и расширение круга этих ценностей. Последнее особенно важно, т. к. человек должен иметь возможность выбирать из всего существующего в культуре то, что важно именно ему, что отвечает его внутренним ощущениям и мыслям, вызывает ответные чувства (хотим еще раз подчеркнуть, именно чувства, а не эмоции. И именно в данном случае художественная потребность выступает как истинно духовная).

Однако воплощение такого варианта, при котором воздействие происходит сразу на чувства или смыслы, не всегда реально. Особенно если это касается уже сформировавшегося человека, но без сформированных художественных потребностей. Возможен и другой подход к формированию этих потребностей. Это тоже будет путь от простого к сложному, но в качестве «простого» будет использована легкодоступная массовая культура. Этим путем идут многие

учреждения культуры в попытках воспитывать своего зрителя. Сначала зритель придет и посмотрит то, что ему близко и понятно, а потом он захочет узнать нечто большее. К.С. Станиславский, например, говорил: «Пусть люди ходят в театр, чтобы развлекаться. Но вот они пришли, мы закрыли за ними двери, напустили темноту и можем вливать им в душу все, что захотим» [197, с. 228]. И это касается не только театра.

В процессе потребления продукта художественной культуры важнейшую роль начинает играть момент «типичной» интонации. Он (продукт) получает право на жизнь и признание прежде всего в связи с преломлением в нем этих интонаций. При этом «типичными» не обязательно могут быть самые распространенные интонации, но просто понравившиеся, живые, часто приходящие на ум. Люди любят не познавать, а узнавать. И это знакомое станет гидом, поможет построить своеобразный «мостик» между индивидом и произведением искусства. Таким образом, опосредование произведения искусства способствует становлению процесса культурного восприятия, человек может открыть для себя новые идеи, ценности, заложенные в произведении. И такой вариант не стоит сбрасывать со счетов.

Третий вариант формирования художественной потребности - это формирование потребности не столько в продукте художественной культуры, сколько в художественной деятельности, причем это может быть как деятельность по освоению культурных продуктов, так и деятельность по их созданию (т. е. самодеятельность). И здесь большую роль играют различные кружки самодеятельности, клубная работа, работа культоргов, профоргов, кураторов студенческих групп и т. д.

Конечно, представленными выше тремя вариантами формирования или развития потребностей это процесс не исчерпывается, но уже сейчас видно, что различаются все они лишь путем формирования или развития. Однако механизм, реализующийся в каждом из них, по сути, один и тот же. Наряду с внешним воздействием в определении художественной активности, потребности человека в ней большую роль играют факторы личностной значимости художественной культуры, величины и характера воздействия, которые способны вызвать ее продукты в жизни человека. Нормативные качества художественного продукта

являются лишь предпосылкой включения индивида в культурную деятельность. Реальная мотивация этого процесса зависит от того, насколько широко этот продукт соприкасается с ценностями индивидуальной жизнедеятельности человека, насколько субъективное качество этого продукта соответствует требованиям человека.

Любой культурный продукт не может воздействовать на человека с непосредственностью безусловно детерминирующего фактора. Первоначально он входит в контакт с субъективной сферой индивида, соприкасается со значимой сферой человеческой психики, вызывает непосредственную субъективную оценку. Поэтому на первом этапе формирования культурных потребностей главным должно стать вовлечение в культурный процесс различных сторон «внутреннего» субъекта. Должны установиться живые, непосредственные, не отягощающие индивида связи с предметом художественной культуры. Он должен максимально естественно вписаться в жизненную логику человека. Таким образом, путь постижения культуры - это путь ее субъективирования [198, с. 139]. И если язык некоторого вида искусства станет свободной формой выражения субъективного мира индивида, оно станет предметом потребности. Только потом может начаться процесс обдумывания, анализа или осмысливания. Постепенно человек может прийти и к относительно объективному восприятию культуры, которое не присутствует в нем изначально (например, признать вслед за обществом вневременную ценность классики или разделить сегодняшнее мнение большинства относительно какого-либо произведения искусства).

Но в любом случае культурная мотивация является порождением субъекта. Художественная деятельность не является объективной необходимостью, не ведет, например, к получению материальных благ. В художественной деятельности индивид оказывается, таким образом, не просто участником, а главным источником, организующей силой. Он не просто «внутренне преломляет», пропускает через себя воздействие художественного продукта, а, по сути, является носителем художественного действия, внутренней причиной его существования. И содержание произведения, образы, ассоциации, вызываемые им, в любом случае остаются индивидуальными, неповторимыми и могут быть

многообразны. И, собственно говоря, именно этому обязана художественная культура своим развитием.

Вопросы к главе 8

1. Раскройте понятие «художественная культура».
2. Структура художественной деятельности по М. С. Кагану.
3. Проанализируйте специфику культурных потребностей.
4. Каковы основные направления изучения художественных потребностей человека?
5. Какие способы формирования художественных потребностей молодежи вы считаете наиболее эффективными?

Глава 9. Студенческий досуг

В настоящее время в России идет становление новой системы образования, ориентированной на вхождение в мировое образовательное пространство. Этот процесс сопровождается значительными изменениями в подходах к организации образовательного пространства высшего профессионального образования. Происходит смена образовательной парадигмы от *«образования на всю жизнь»* к *«образованию в течение всей жизни»*. В этой связи стоит отметить, что одним из ключевых нововведений является переход на компетентностный подход и в его рамках формирование у студентов *общекультурных компетенций*, с помощью которых будет возможно реализовывать эту новую парадигму.

Миссия образования как особого социального института во все времена заключалась в передаче от одного поколения другому накопленных обществом знаний, опыта, достижений культуры, а также приумножении, приращении научного, культурного наследия. Ценность образования возрастала по мере развития общества. Сегодня практически для каждого человека образование – это цель, средство, необходимость. Миссия высшего учебного заведения – аккумулярование и трансляция культуры. Стратегической целью вуза является формирование у студентов общекультурных (отражающих мировоззрение и систему ценностей) и общепрофессиональных (представляющих собой систему знаний) компетенций, т. е. «способности применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области» [199, с. 332]. Для достижения этой цели вуз должен создать все необходимые условия.

«Учебный (образовательный) процесс – система организации учебно-воспитательной деятельности, в основе которой – органическое единство и взаимосвязь преподавания и учения; он направлен на достижение целей обучения и воспитания. Определяется учебными планами, учебными программами, а также планами воспитательной работы соответствующих учебных заведений, включает все виды обязательных учебных занятий (уроки, лекции, семинары, лабораторные занятия, учебную и производственную практику) и внеклассной (внеаудиторной) работы учащихся» [200]. В Федеральном государственном образовательном

стандарте внеучебная деятельность определяется как «процесс добровольной, осознанно целенаправленной, самостоятельной и творческой жизнедеятельности учащихся, это деятельностьная организация на основе вариативной составляющей базисного учебного (образовательного) плана, организуемая участниками обучения: экскурсии, кружки, секции, круглые столы, конференции, диспуты, КВН, научные сообщества, позволяющие в полной мере реализовать требования Федеральных государственных образовательных стандартов» [201]. Внеучебная работа со студентами является неотъемлемой частью процесса качественной подготовки специалистов и проводится с целью формирования у студентов гражданской позиции, сохранения и приумножения нравственных, культурных и научных ценностей в условиях современной жизни, выработки навыков конструктивного поведения на рынке труда, сохранения и возрождения традиций университета.

Для достижения целей образования и повышения уровня его качества большое значение имеют как профессорско-преподавательский состав, так и все сотрудники, прямо или косвенно вовлеченные в учебный и воспитательный процесс. При этом необходимо отметить, что студента и абитуриента может интересовать информация о том, какой в вузе уровень преподавания, есть ли среди преподавателей практики, имеющие ученую степень и т. д. Но также не менее важно их поведение во внеаудиторное время, стиль общения со студентами, их родителями и коллегами.

Влияние профессорско-преподавательского состава оказывается не только в аудиториях, оно многоаспектно, многопланово и зачастую не рефлексировано. Студенты замечают больше. Поэтому воспитательный процесс осуществляется в разных формах взаимодействия, которые формируют ту или иную среду. *«Образовательная среда – естественное или искусственно создаваемое социокультурное окружение студента, включающее различные виды средств и содержания образования, способные обеспечивать продуктивную деятельность учащегося; а также социально-психологическая, физическая среда вуза, дома, и т. д., в которой происходит жизнь учащегося»* [202]. Понятие «образовательная среда» отражает взаимосвязь условий, обеспечивающих образование человека. К таким условиям, например, можно отнести взаимоотношения между обучающимися и

преподавателями, взаимоотношения в группе, материально-техническое, информационное обеспечение учебного и внеучебного (равно образовательного) процессов и т. д.

Ведущая роль в этих процессах должна отводиться формированию определенного *культурно-досугового пространства* [203, с. 185-187], направленного на удовлетворение разнообразных потребностей личности, профилактику аддитивно-девиантного поведения, создание условий для саморазвития и формирования конкурентоспособного специалиста, востребованного социально-экономической сферой.

Анализ сущности содержания, функциональных характеристик и основных направлений культурно-досугового пространства позволяет утверждать, что оно направлено на создание благоприятных социокультурных условий для формирования ценностных установок и ориентации учащейся молодежи в различных сферах экономической, социальной, политической и культурной жизни.

Культурное пространство характеризуется динамичностью, способностью к саморазвитию. Следовательно, культурное пространство страны можно также определить как развивающуюся, взаимодействующую систему культурных потребностей населения страны, органически связанную с накопленным в предыдущие периоды культурным наследием путем его повторного освоения в связи с развитием новых форм культурного поведения, реализации новых творческих концепций и применения новых культурных технологий. Кризис в культуре, интерпретируемый как негативный этап либо как неизбежный момент в ее развитии, по сути представляет собой изменение процентного содержания презентаций различных слоев актуальной культуры.

Культурно-досуговое пространство – это целостная система формирования ценностных ориентаций учащейся молодежи, готовой к осознанной творческой деятельности во всех сферах современного производства. Категория «культурно-досуговое пространство» вбирает в себя ряд понятий, раскрывающих особенности данного явления и одновременно позволяющих обрести целостное представление о его сущности, специфике, механизмах. К таким понятиям относятся:

- *цель и задачи* (разработка социально-культурных мер, адекватно отражающих потребности общества в защите жизненно важных прав и интересов подрастающего поколения в сфере образования, культуры, искусства и досуга, формирование необходимых условий для их всестороннего развития);

- *субъекты и объекты* (система взаимосвязанных компонентов, чья деятельность направлена на признание, правовое закрепление и социальную защиту культурно-досуговых потребностей и интересов молодежи);

- *средства, технологии разработки и реализации* (совокупность приемов, методов и воздействий, применяемых для достижения поставленных целей и задач, решения разного рода социокультурных проблем подрастающего поколения);

- *критерии эффективности* (признаки, на основании которых производится оценка, определение или классификация результативности и действенности культурно-досугового пространства).

Для определения содержания культурно-досугового пространства необходимо рассмотреть ее функции. Исходя из методологических социокультурных оснований культурно-досугового пространства, сформулируем его основные функции:

- *аксиологическая* – ориентация молодежи на культурные ценности, мировую и национальную духовную культуру, развитие творческих способностей и гармоничное становление личности, формирование навыков социально-культурного поведения;

- *познавательная* – трансляция и закрепление исторически устойчивых духовных и культурных знаний, социокультурного опыта, способов познания мира, обогащение индивидуальных и общественных качеств общечеловеческими нравственными нормами;

- *культурно-воспитательная* – воспитание у молодого поколения интереса, любви и уважения к культурному наследию как своего народа, так и других народов мира; воспитание гражданина-созидателя, активно участвующего в государственной и общественной жизни, в функционировании институтов гражданского общества, в том числе в работе молодежных и детских общественных объединений;

- *развивающая* – становление высокоразвитого гражданина, знающего и обогащающего собственными достижениями отечественную историю и культуру, экономику, науку, литературу и искусство; развитие навыков самостоятельной жизнедеятельности молодых жителей страны;

- *практически-преобразующая (практикоориентированная)* – создание условий для участия молодых людей в проектировании (программировании) и активном внедрении идей, проектов и инициатив в реальную практику.

Таким образом, культурно-досуговое пространство обладает большими культурологическими возможностями и является сферой именно культурного времяпрепровождения, содержащее культурно-созидающий потенциал, преобразующее нравственные знания в нравственные убеждения, потребности и принципы сознательного социально-значимого поведения молодых людей.

Жизнедеятельность студентов предельно насыщена и относительно строго регламентирована, а потому требует больших затрат физических, психических и интеллектуальных сил. На этом фоне досуг помогает снять создавшееся напряжение. Именно в рамках досугового времени происходит восстановление и воспроизводство утраченных сил, т. е. реализуется рекреационная функция.

В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о соотношении между направленным процессом социализации и количественно преобладающим стихийным воздействием на индивида. К сожалению, чаще всего социализирующее воздействие на юношество бывает случайным, мало организованным в целостную систему в различных сферах деятельности – в семье, в университете, в досуговых учреждениях. Случайными могут быть посещение кино, театра, выставки, выбор литературы для чтения и музыки для прослушивания. Случайным может оказаться окружение и дела, осуществляемые в этой группе. И хорошо, если случайный выбор удачен, в противном случае он влечет за собой приобщение студентов к асоциальным явлениям.

Разрешение этого противоречия заключается в целенаправленной деятельности социальных институтов, ориентированной на формирование соответствия между лично

значимым и общественно значимым, на формирование общечеловеческих ценностей молодого поколения. Особая роль в решении этих задач отводится высшим учебным заведениям и культурно-массовым мероприятиям для студентов. Внутриуниверситетские вечера, беседы, диспуты по различным проблемам, недели музыки и другие мероприятия способствуют становлению и развитию студенчества. В сфере досуга студенты более открыты для влияния и воздействия на них самых социальных институтов, что позволяет с максимальной эффективностью воздействовать на их нравственный облик и мировоззрение. В процессе коллективного досугового времяпрепровождения происходит упрочение чувства товарищества, возрастание степени консолидации, стимулирование трудовой активности, выработка жизненной позиции, обучение нормам поведения в обществе.

Существует несколько определений досуга, но самое основное, отражающее суть, – совокупность деятельности, предназначенная для удовлетворения физических, духовных и социальных потребностей людей в свободное время. Виды деятельности досуга служат как отдыху, так и развитию личности, удовлетворению потребностей, развлечению и общению.

Досуг развивается по своим законам, принципам, теоретически обоснованным и апробированным на практике. К ним относятся:

1. *Принцип всеобщности и доступности*, то есть возможность приобщения, вовлеченности всех людей в сферу деятельности досуговых учреждений с целью удовлетворения творческих потенций, их запросов и интересов.

2. *Принцип самодеятельности* реализуется на всех уровнях: от любительского объединения до массового праздника. Самодеятельность как сущностное свойство личности обеспечивает высокий уровень достижений в любой индивидуальной и коллективной деятельности.

3. *Принцип индивидуального подхода* – предполагает учет индивидуальных запросов, интересов, склонностей, способностей, возможностей, психофизиологических особенностей при обеспечении их досуга. Дифференцированный подход обеспечивает комфортное состояние каждого участника досуговой акции.

4. *Принцип систематичности и целенаправленности* – предполагает осуществление этой деятельности на основе

планомерного и последовательного сочетания непрерывности и взаимозависимости в работе всех социальных институтов, призванных обеспечивать досуг людей. Это процесс превращения ограниченного человека в общественное существо, в активную и творческую личность, живущую полной жизнью в согласии с самим собой и обществом.

5. *Принцип преемственности* – предполагает культурное взаимодействие и взаимовлияние поколений. Реализация принципов организации досуга на практике по своим масштабам воздействия на личность выходит далеко за рамки досугового времяпрепровождения, это крупномасштабная социальная акция, цель которой – разностороннее развитие личности человека [204].

Надо подчеркнуть, что характеристика молодежного досуга с точки зрения культуры его организации и проведения охватывает многие стороны данного явления: как личностные, так и общественные. *Культура досуга* – это прежде всего внутренняя культура человека, предполагающая наличие у него определенных личностных свойств, которые позволяют содержательно и с пользой проводить свободное время. Склад ума, характер, организованность, потребности и интересы, умения, вкусы, жизненные цели, желания – все это составляет личностный, индивидуально-субъективный аспект культуры досуга молодежи. Существует прямая зависимость между духовным богатством человека и содержанием его досуга. Но справедлива и обратная связь. Культура характеризует также те занятия, которым отдается предпочтение в свободное время. Речь идет только о таких видах досуговой деятельности, которые способствуют нормальному воспроизводству способности к труду, совершенствованию и развитию молодого человека. Вместе с тем культура проведения свободного времени является результатом стараний самой личности, ее желания превратить досуг в средство приобретения не только новых впечатлений, но и знаний, умений, способностей.

Опираясь на вышеизложенное, можно дать следующие основные характеристики досуга студенческой молодёжи:

- досуг имеет ярко выраженные физиологические, психологические и социальные аспекты;

- досуг основан на добровольности при выборе рода занятий и степени активности;
- досуг предполагает не регламентированную, а свободную творческую деятельность;
- досуг формирует и развивает личность;
- досуг способствует самовыражению, самоутверждению и саморазвитию личности через свободно выбранные действия;
- досуг стимулирует творческую инициативу;
- досуг есть сфера удовлетворения потребностей личности;
- досуг способствует формированию ценностных ориентаций;
- досуг формирует позитивную «Я-концепцию»;
- досуг обеспечивает удовлетворение, веселое настроение и персональное удовольствие;
- досуг способствует самовоспитанию личности.

Таким образом, можно констатировать, что *социокультурное предназначение досуга* студенческой молодёжи – это творческое поведение (взаимодействие с окружающей средой) людей в свободном выборе рода занятий и степени активности пространственно-временной среде, детерминированной внутренними потребностями, мотивами, установками, выбором форм и способов поведения и внешними факторами, порождающими поведение.

Конкретизацией общекультурных интересов студенчества выступают его досуговые ориентации. *Досуговые ориентации* современной молодежи не поддаются однозначной характеристике. В условиях углубляющейся стратификации общества, растущей социальной дифференциации молодежи, коммерциализации сферы культуры усиливаются различия между богатым, содержательным досугом у одной части молодежи и бедным досугом – у другой. У одних досуговые ориентации многообразны, у других отличаются бездуховностью, у третьих – никак не проявляются. ...

Один из уроков VI этапа мониторинга для его организаторов – в сфере студенческого досуга появляется так много нового, что акцент в социологических исследованиях на традиционные формы досуга не всегда дает полную картину. Это требует поисковых форм, изучение новых, нетрадиционных форм досуга, их использование и даже поддержка организаторами воспитательного процесса. Отметим

некоторые из этих новых форм (а порой за ними стоит возрождение в совершенно новом качестве и традиционных, забытых форм).

Результаты этого эксперимента можно увидеть в созданной студентами в социальной сети «В контакте» открытой группы «Балы УрФУ». Эта группа в настоящее время объединяет более 800 человек, большая часть которых принимали непосредственное участие в балах, проходивших на паркете УрФУ в 2010–2011 гг. Сама группа несколько раз меняла название, отражая «текущий момент», – «Новогодний бал», «Осенний бал УрФУ», «Бал Любви» и т. д. Ее название на сегодня «Балы УрФУ: в ожидании следующего» [205]. Примечательно, что данная группа явилась не только местом общения студентов, но и удачным средством управления процессом концептуализации, подготовки, организации и проведения каждого мероприятия в отдельности. Основным итогом эксперимента стал факт *самоорганизации студентов*. По нашему мнению, это явление может продолжать самостоятельное развитие наравне с такими видами студенческого досуга, как *театральные или музыкальные коллективы*, с той разницей, что культура бала, элитарная по форме, по своей сути достаточно демократична: в ней нет ограничений для участников.

Бал как форма развития и воспитания явился в то же время формой возрождения культуры. Можно сделать вывод, что бал как форма воспитательной деятельности был весьма успешен и способствовал удовлетворению латентных потребностей части студентов. Но надо понимать, что простые повторные формы проведения балов могут утратить у студентов интерес к ним, поэтому необходимо, чтобы каждый бал был по-своему уникален, иными словами при организации балов необходима модернизация при сохранении определенных культур, т. е. синтез старых и новых традиций. Модернизацию можно осуществлять, например, исходя из того, какой теме посвящен бал («Новогодний бал», «Бал-маскарад», «Литературный бал», «Выпускной бал», «Иностранный бал» и т. д.); из того, для кого проводится (факультетский бал, университетский бал, межвузовский бал), из партнерства и общения (студент-студент, студент-преподаватель, студент из России – иностранный студент) и т. д.

Итак, мы видим, что балы – это новые формы образовательного и воспитательного процесса, которые не принуждают, а привлекают

студентов, основываясь на их желаниях. Основным итогом бала – это сформировавшаяся атмосфера доброжелательности, взаимопомощи, ощущение единства, рефлексия самоидентификации. Данные результаты можно рассматривать как сохранение одной из основ классического университета – гуманистической направленности мировоззрения. Необходимо отметить, что *бальная культура* несет мощнейшее воздействие на развитие личности молодежи, на ее духовное восприятие мира, вызывая у молодежи интерес к культуре прошлого, русской классической литературе, классическим мировым музыкальным произведениям. Таким образом, бал в целом позволяет решить задачи образования и воспитания в процессе их участия в данном мероприятии.

Следующим элементом оптимизации образования является получение обратной связи посредством организации мониторинговых исследований, выясняющих степень удовлетворенности различными сторонами образовательного процесса студентов – учебной и внеучебной деятельностью. Менеджмент качества образования рассматривает внеучебную деятельность как одно из основных направлений деятельности учреждений высшего профессионального образования. В этой связи представляется необходимым преодолеть ряд стереотипных взглядов на осуществление внеучебной работы в вузе. К примеру, внеучебная работа представляется как подчиненная, а не паритетная деятельность, мешающая и отвлекающая от учебного процесса. На наш взгляд, именно *внеучебная деятельность* является методом оптимизации учебной мотивации, ее инициатором и способом закрепления в практической деятельности и общекультурных, и ряда профессиональных компетенций, в особенности у студентов гуманитарного и социально-экономического направлений подготовки.

Одним из примеров, соединяющих внеучебную деятельность с учебной и научной, является создание *инновационных форм организации досуга*, объединяющих общей идеей всех участников образовательного процесса – и студентов, и преподавателей, и привлеченных специалистов из внешнего окружения вуза. В УрФУ такой экспериментальной площадкой стал *интеллектуально-дискуссионный центр «Логос»*. Интеллектуально-дискуссионный центр является добровольным объединением студентов и преподавателей, занимающихся обсуждением наиболее актуальных

проблем и способов их реализации в различных областях гуманитарных наук и внеучебных проектов. Центр «Логос» вовлекает студентов в научную деятельность. Его члены провели исследование об отношении студентов к театру. Среди проведенных ими исследований особый интерес представляет опрос «на входе» и «на выходе» (студентов I и V курсов). Первых спрашивали, какие внеучебные мероприятия наиболее отвечали бы их запросам. Вторых – какие из этих мероприятий, участниками которых они были за годы учебы, им наиболее запомнились и понравились.

Большинство ответивших считают, что мероприятия в вузе лишь частично соответствуют современным потребностям студентов. Так ответили более 50 % респондентов. Есть и такие, которые считают, что мероприятия полностью не соответствуют современным запросам студентов. Полученные ответы на этот вопрос могут служить ориентиром для будущих разработок мероприятий. Так, студентам предлагалось назвать свое мероприятие для возможной реализации его в стенах университета. Ответы были самыми разнообразными и порой очень интересными. Несколько человек написали о проведении ночного мероприятия в вузе – Карнавальная ночь, тематических вечеринок. Были идеи проведения интеллектуальных квестов. Студенты предложили весьма специфичные мероприятия, например: создание экологического клуба, проведение фестиваля английских песен, создание научного сообщества гуманитарного профиля с «крутыми» преподавателями, день английского языка в вузе. Также были предложены встречи с преподавателями, творческие вечера, конкурс танцев, создание театральной школы при университете. Не забыли и про инновации: предложили провести выставку изобретений студентов, разработать крупное мероприятие для студентов из общежитий, провести «Ночь пожирателей рекламы» на базе университета, создать мероприятие, похожее на «Дебют первокурсников», только для более старших курсов, организовать радиовещание в вузе, ввести традицию посвящения в студенты, заняться привлечением и мотивацией студентов, готовых заниматься организацией мероприятий.

Несмотря на достаточно высокую степень удовлетворенности внеучебной деятельностью, у студентов есть явная потребность в *чем-то новом, культурном просвещении, лучшей информированности*. Так, абсолютное количество респондентов

ответили, что стоит больше уделять внимания культурному развитию студентов. Также большинство считает, что в вузе нужно лучше освещать такие мероприятия, как театральные спектакли, выставки, музыкальные концерты, проходящие у нас в городе.

Заслуживают внимания организаторов внеучебной работы и *новые явления в мультимедийной культуре*. В ней интенсивно происходит смыкание разных каналов коммуникации в *единое информационное пространство*. Представляется правомерным вывод: сегодня теряет смысл такая традиционная форма информационной работы, как информационные конференции, собрания (и среди студентов наименее популярная – всего 6 %). Даже так называемые «документы под роспись» в ближайшем времени должны будут смениться электронными документами с электронной цифровой подписью.

Показательно регулярное размещение видеороликов, изготовленных студией студенческого телевидения «Твист» в специализированных группах социальных сетей [206]. Туда же практически мгновенно попадают и pdf-версии многотиражек. А это уже совсем другой способ коммуникации, требующий дополнительного изучения. Администрации вузов и преподавателям стоит иметь в виду, что каждый более или менее заметный информационный повод, событие или социальный институт (к примеру, вновь образованная академическая группа, институт, профбюро, поход в кино, – да что угодно) приводит к появлению в социальных сетях соответствующей группы или сообщества, когда-то открытого, когда-то нет, но именно в этих группах и сообществах осуществляется большая часть коммуникаций. И здесь студенты с легкостью обмениваются информацией и сами создают ее.

Интересен в данном случае пример опроса, организованного студентами в социальной сети. Результаты были получены в течение трех часов с момента размещения опроса (рис. 5).

Однако использовать такие каналы необходимо очень деликатно: на неискренность участники реагируют со скоростью Интернета – группа или «захлопывается» как ракушка, или «убегает» в другое место виртуального пространства.

Молодежная субкультура – это наиболее изменчивый пласт культуры, в котором перерабатывается прошлый опыт, идет поиск нового. Молодость – время поиска, самоидентификации,

самоутверждения. Молодежная субкультура динамична, плюралистична, хаотична, непредсказуема. Социум пытается координировать действия молодежи в определенных интересах, иногда совпадающих, иногда противоречащих друг другу. Выбор, осуществляемый человеком в молодости, чаще всего предопределяет его жизнь. Ценности формируются на основе общественной практики, индивидуальной деятельности человека и в рамках определенных конкретно-исторических общественных отношений и форм общения людей.

Вопросы к главе 9

1. Каковы основные механизмы реализации миссии образования?
2. Охарактеризуйте понятие «культурно-досуговое пространство».
3. Охарактеризуйте основные черты досуга современной молодежи?
4. Перечислите функции и виды досуга.
5. Проанализируйте основные механизмы организации досуговой деятельности в современном образовании.

Глава 10. Культура потребления

Культура потребления является характеристикой деятельности человека в роли потребителя. При этом необходимо отметить, что поведение потребителя – это проявление сущностных сил человека в одной сфере деятельности – потреблении, выступает проекцией его системы ценностей, смысложизненных ориентаций, которые проявляются и в других сферах его деятельности. Культура потребления тесно связана, например, с экономической культурой (при принятии потребительских решений), с правовой и коммуникативной культурой (при оформлении сделок купли-продажи товаров и услуг, при отстаивании прав потребителя, в процессе потребления услуг), с культурой питания, культурой быта, культурой досуга, развлекательной культурой, физической культурой и т. д.

Культура потребления – понятие относительно новое. В России оно активно стало употребляться вследствие демократических преобразований. Формирование рыночной экономики, осознание россиянами своих прав и свобод, в том числе прав потребителя, организация потребительского образования и просвещения населения, осуществляемая государственными и общественными институтами по защите прав потребителей, детерминировали его появление. Сегодня оно используется довольно широко.

Определение сущности культуры потребления, специфики ее проявления в деятельности человека, выделение типов потребительского поведения являются задачами социологического знания. Социология потребления – относительно новое направление, которое в настоящий момент находится в стадии институционализации. Объектом его изучения является поведение потребителей, понимаемое как деятельность, направленная на удовлетворение системы потребностей, сформированной определенным типом культуры.

Анализируя основные направления в социологии потребления, В.В. Радаев [207, с. 5-9] отмечает сближение между экономически и культурологически ориентированными течениями, что позволяет надеяться на плодотворный результат в будущем. Данный подход, на наш взгляд, является оптимальным, т. к. позволяет рассмотреть «человека потребляющего» в целости и со всех сторон», помогает

выявить сущность данного феномена. Такое видение проблемы позволит понять специфику современного состояния российского общества. Исследование формирования потребительского поведения должно осуществляться на стыке изучения меняющейся культуры и ее отражения в психологии людей и их поведении.

Социокультурный подход к потреблению не отрицает экономический, психологический и другие факторы, но приоритетным является анализ культуры, понятой как программа деятельности, т. к. потребление становится доминирующим социальным процессом, начинает играть основную роль в процессе производства, подчиняя другие его составляющие – производство, распределение, обмен и т. д. Потребление выходит за рамки экономической сферы, проявляясь во всех социокультурных практиках. Преобладающая роль потребления в социальных отношениях приводит к изменению этих отношений, что позволяет исследователям рассматривать современное общество как общество потребления.

Профессор Л.И. Ростовцева рассматривает поведение потребителей с позиции социологии культуры. Изучая поведение потребителей с точки зрения смысложизненных ориентаций, таких как гедонизм и аскетизм, Л.И. Ростовцева обосновывает необходимость формирования новой модели потребительской культуры, основывающейся на следующих моментах:

а) накопление и передача ценностей традиционной культуры потребителей, обеспечивающей связь поколений;

б) внешние заимствования положительного в потребительской культуре других стран;

в) внутренние инновации, возникающие в ходе решения потребительских проблем в данное время и в данном месте [208, с. 93].

Отмечая особенность состояния современной России – в поиске новых смысловых ориентиров, способных придать ей устойчивость и стабильность, – Ростовцева утверждает, что модель потребительской культуры должна быть построена не на отрицании западной модели, а на ее развитии с учетом национальных особенностей и формировании модели потребительской культуры на основе принципа «золотой середины» Аристотеля.

«Мы «не против» «плодов цивилизации» вообще – тех, которые делают жизнь удобнее, комфортнее и счастливее. Мы только «за»

оптимальное соотношение приятного и полезного для тела и для души, за оптимум между гедонизмом и аскетизмом, за разумное самоограничение своих материальных потребностей и за простор для духовного. Материальное необходимо лишь как условие существования, а его цель – в духовном. Духовного всегда было много в самой России. Материальному можно поучиться на Западе, но не во вред духовному» [209, с. 97-98].

Концепция Л.И. Ростовцевой осуществляется в рамках аксиологического понимания культуры. «... под потребительской культурой следует понимать совокупность материальных и духовных ценностей, знаний, образцов и норм потребительского поведения, функционально полезных и закрепившихся в общественной практике. С одной стороны, потребительская культура включает в себя потребительское поведение, но не любое, а одобренное обществом, дозволенное и рекомендованное, а потому передающееся от одного поколения к другому в виде нормы, обычая, ценности... С другой стороны, потребительская культура общества определяет рамки поведения потребителей, очерчивает границы дозволенного и недозволенного, полезного и вредного» [210, с. 112-113].

В рамках данного подхода более точным было бы употребление не термина «потребительская культура», а термина «культура потребителя», т. к. основной акцент сделан на субъекте потребления: каков он, какова его сущность, каковы его ценности и ориентации. Если рассматривать культуру потребления, то необходимо проанализировать не только качественные характеристики, но и актуализацию их в деятельности: как, каким образом, насколько они проявляются в потреблении, какие факторы формируют данные характеристики.

Необходимо отметить недостаточную разработанность понятий «потребительская культура» и «культура потребления», поскольку разработка концептуальных подходов в рамках социологии началась сравнительно недавно. В современной литературе данные понятия употребляются как равнозначные. Употребление их как однопорядковых детерминировано общим объектом исследования. На наш взгляд, необходимо при общем объекте исследования отметить их методологическое отличие.

Понятие «потребительская культура», являясь операциональным, фокусирует внимание на технологии приобретения товаров и услуг.

Это более узкое понятие в сравнении с понятием культуры потребления и наиболее приемлемо при изучении потребительского поведения в рамках маркетинга. При изучении потребительского поведения в рамках социологии наиболее уместным является понятие культуры потребления как более широкое, отражающее прежде всего смыслообразующий аспект потребительского поведения и только потом – детерминированный им – операциональный.

Культура потребления, понимаемая прежде всего как отражение мировоззренческих установок, ценностных ориентаций, характеризует качественные характеристики «ядра» человека, его сущностных сил.

Безусловно, основой культуры потребления, её ядром, являются ценностные установки, определяющие смысложизненные ориентации, но только проявленные в деятельности, в потреблении, они позволяют нам приблизиться к пониманию сущности культуры потребления, ибо цель и смысл человеческого существования проявляются в деятельности и её результатах. Поэтому исследование культуры потребления в рамках деятельностного подхода представляется необходимым.

В рамках данного подхода культура потребления может быть определена как господствующая программа потребительского поведения, являющая сущностные силы человека и его смысложизненные ориентации. Потребительское поведение – деятельность, направленная на удовлетворение системы потребностей, сформированной в процессе социализации определенным типом культуры. Потребление целесообразно определить как процесс трансформации «человека потребляющего» путем присвоения – усвоения объекта потребления различными способами применения, использования и т. д. Такой подход позволяет рассматривать «человека потребляющего» как целостную личность с определенным мировоззрением, системой ценностей и ориентациями и позволяет фиксировать изменение сущностных сил человека, которые впоследствии реализуются в деятельности.

Модели потребительского поведения являются результатом взаимодействия внешних и внутренних факторов формирования и развития общества и человека. В соответствии с данной точкой зрения можно представить следующую структуру культуры потребления (рис. 4).

Ядром структуры являются модели потребительского поведения – актуализированные в действии ценности. В моделях потребительского поведения находят свое проявление знания, установки, потребности, интересы и т. д. Но и потребление оказывает обратное действие на все структурные элементы, т. к. в процессе потребления происходят изменения в той или иной степени, что отражается на внутриличностных характеристиках «человека потребляющего».

Характеризуя эти составляющие, следует заметить, что под знанием в данном контексте понимается не только операциональное, техническое знание (как, каким образом), но и социокультурное знание (зачем, какой смысл), имплицитно содержащееся, но в разной степени рефлекслируемое. «Потребности выступают как исходные побудители деятельности, отражая объективные условия существования человека... Будучи осознанными, потребности превращаются в интересы личности... Потребности и интересы, отражаясь в сознании, приводят к формированию конкретных побудителей действия» [211, с. 566-567] – мотивов.

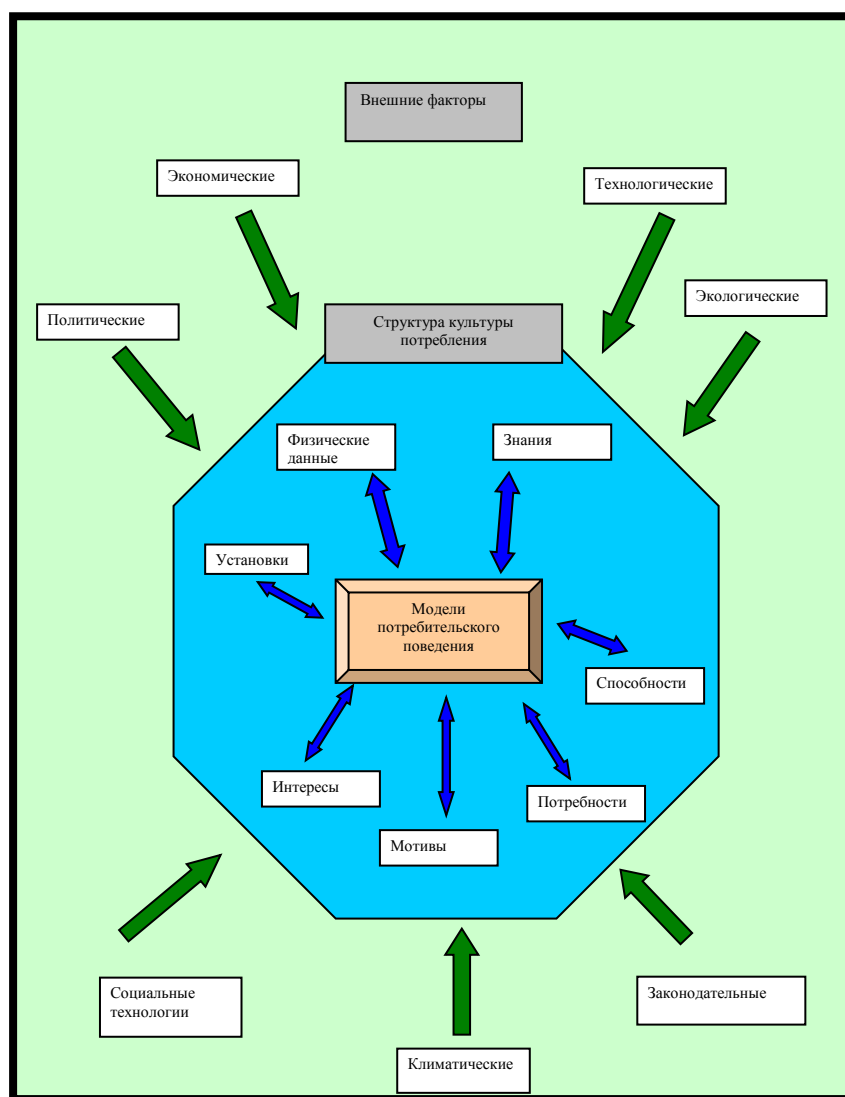

Рис. 5. Структура культуры потребления

Структурные элементы формируются под влиянием внешних факторов, отражающих состояние общества и определенный тип культуры. К внешним факторам необходимо отнести экономические, технологические, политические, законодательные и иные социальные институты общества, природные факторы.

Итак, культура потребления – это одно из отражений системы ценностей человека в деятельности, сформированной под влиянием объективных и субъективных факторов определенного типа культуры.

Культура потребления как проявление культуры общества в целом, доминирующих ценностей общества является программой действия «человека потребляющего». Основой культуры

потребления, её ядром являются ценности, которые оказывают влияние на все остальные элементы. Ценностные ориентации доминирующего типа культуры детерминируют определенный вектор культуры потребления. При этом необходимо заметить, что культура проявляется, конкретизируется в различных субкультурах, которые представляют подсистемы культуры, включающие в себя совокупность устойчивых специфических форм взаимодействия, присущих какой-либо социальной группе, слою или совокупности людей, объединенных на иных основаниях (например, в силу общности стиля жизни). В процессе социализации ценности усваиваются избирательно и вероятностным образом. Социализация приобретает индивидуализированные формы. В результате в одной и той же среде разные люди приобретают совершенно разный культурный багаж, становятся представителями разных потребительских моделей и стилей поведения.

Именно в культуре потребления отражаются качественные характеристики трансформации человека в процессе потребления, формируется определенная система потребностей, отражающая систему ценностей. «Потребности раскрывают внутреннее состояние индивида, его желание овладеть определенными структурами внешней среды или же стремление придать им какие-то конкретные формы и качества» [212, с. 50]. Формируемые культурой модели и стили поведения потребителей являются качественной характеристикой деятельности «человека потребляющего». Культура потребления – это одна грань, одно из проявлений культуры человека, его прежде всего смысложизненных ориентаций. Стереотипы поведения, основанные на прежних ценностных ориентациях и установках, меняются значительно медленнее происходящих реформ. В результате становления рыночных отношений появились новые модели поведения.

Дисбаланс спроса и предложения, сопровождаемый дефицитом товаров, породил определенный тип потребления. Социальные институты власти идеологически оправдывали дефицит потребления материального приоритетом духовных потребностей и осуждением «потребительства» и «вещизма». Стремление к удовлетворению материальных потребностей критиковалось и определялось как потребительство, вещизм и т. д. (Ю. А. Замошкин, Н. М. Кейзеров, В. М. Соколов, Г. Ф. Хоружий).

Однако необходимо заметить рациональные аспекты в рассуждениях об опасностях превращения потребления в ценностную ориентацию личности, в обобщенное понимание смысла. Г. Ф. Хоружий отмечает: «Вещь из средства удовлетворения потребностей превращается в цель человеческого существования, в смысл жизни... Обладание вещами, материальными ценностями в этих условиях превращается в своего рода критерий социального престижа...»

[213, с. 55-56]. Вслед за В. Зомбартом Г.Ф. Хоружий отмечает падение ценности труда по мере развития капитализма, возрастание ценностей потребления, роскоши, богатства. Но, несмотря на рациональные аспекты, критика потребительского прагматизма, культа материального успеха была в условиях дефицитарной экономики идеологическим средством культивации и абсолютизации определенных потребительских практик и оправданием неудач плановой экономики. Кроме того, советская идеология обещала «...военное и экономическое превосходство над остальным миром, поэтому осуждение потребительства и «вещизма» вступали в противоречие с главной догмой» [214, с. 52].

Обосновывая важную роль нового типа потребления для развития рыночной экономики, новых типов товаров и услуг, являющихся необходимыми для многих видов деятельности (обучения, бизнеса, научной работы и т. д.), С. В. Цирель обращает внимание на изменение понимания «потребительства» и «вещизма». «Т. е. «потребительство» и «вещизм», которые считались в СССР в 70-80-е гг. XX века свидетельством бездуховности, в настоящее время становятся едва ли не необходимым условием для занятий интеллектуальной деятельностью» [215, с. 56].

Критика «потребительства» не была стремлением установить «золотую середину» в потреблении. Данный термин при отсутствии терминологической разработки приобрел сугубо негативный оттенок. С.В. Цирель предпринял попытку преодолеть традицию негативного толкования данного термина при отсутствии его разработанности. В.И. Ильин отмечает его амбивалентность. «Я использую понятие потребительства как сугубо нейтральное. В контексте экономической системы потребительство – это мощный фактор стимулирования и спроса, который опережает износ вещей. С точки зрения судьбы человеческой цивилизации, в свете грозящей экологической катастрофы потребительство убыстряет наше прогрессивное

движение в этом направлении, стимулируя истощение природных ресурсов и загрязнение окружающей среды» [216, с. 161].

В концепции Л. И. Ростовцевой, включающей три типа потребительской культуры («аскетический», «гедонистический», «благоразумный»), разрабатывается оптимальная модель «человека потребляющего», основанная на благоразумии, и анализируется современное социокультурное состояние общества. При этом уделяется особое внимание ментальным структурам, национальным особенностям, основным агентам потребительской социализации:

1) социальная среда, осуществляющая внешние воздействия на потребителя (государство, семья, бизнес, СМИ, социальные группы и классы, оказывающие на него различное, чаще всего противоречивое, прямое или косвенное влияние, так как цели их воздействия отличны и направлены на реализацию своих собственных интересов);

2) потребительское образование, осуществляемое через систему специальных органов образования, СМИ, государственных и общественных органов по защите прав потребителей, исходя из его (потребителя) интересов. Потребительское образование представляет собой процесс целенаправленного и систематического воздействия общества на потребителя в целях формирования у него ценностей, знаний, норм и образцов поведения, социально одобряемых, нужных и полезных для него;

3) самообразование потребителя, которое должно осуществляться им всю жизнь и которое предполагает заботу о компетентном удовлетворении его потребностей.

Основная роль в потребительской социализации принадлежит семье, рассматриваются функции семьи в формировании ценностных предпочтений и корректировке негативного влияния СМИ, рекламы и т. п. Л. И. Ростовцевой обосновывается необходимость корректировки курса потребительского образования изменяющимися условиями среды и изменением самого потребителя.

На первом этапе потребительское образование заключалось в пропаганде законодательства о защите прав потребителей. У сегодняшнего потребителя уже сформированы определенные стереотипы поведения на рынке. Он знает свои права и может защитить себя в случае их нарушения. У российского потребителя выработалось определенное отношение к рекламе. Он усвоил схему принятия решения о покупке в условиях рынка: знает, где найти

информацию о товарах и услугах, как сравнить конкурирующие марки, определяет предпочтительные для себя места продажи, умеет оформить сделку. Теперь на повестке дня второй этап в организации потребительского образования. Модель потребительского образования должна включать следующие аспекты: правовой, экономический, экологический, валеологический, этический, эстетический и философский – подытоживающий и определяющий смысл развития с точки зрения потребителя как целостной личности.

В данной концепции, рассматривающей «человека потребляющего» как целостную личность, просматривается роль и влияние культуры на формирование «человека потребляющего», его системы ценностей, его ориентаций. Л. И. Ростовцева обосновывает необходимость использования целостного подхода как методологической основы при изучении потребительской культуры. Выдвигая гипотезу об усилении гедонистической направленности потребительской культуры в современной России, Л.И. Ростовцева напоминает об отрицательной оценке гедонизма русскими и зарубежными мыслителями. «Если русские мыслители предупреждали о вреде гедонизма и предостерегали от него главным образом на основе творческой интуиции и религиозных воззрений, то современные постиндустриалисты пришли к тем же выводам уже исходя из практики, увидев со всей определенностью в сегодняшнем гедонистическом образе жизни тупиковость цивилизационного развития» [217, с. 94].

Итак, смена типа культуры, соответствующего авторитарному обществу с плановой экономикой, на тип культуры, соответствующий демократическому обществу с рыночной экономикой, связана с изменениями в ценностных ориентациях.

Становление рыночных отношений способствует формированию рыночно-ориентированного типа личности.

Определение типа как формы, обладающей сущностными признаками, предполагает осуществление типологизации по определенному концептуальному критерию. В основе нашей концепции – отношение к потреблению как к терминальной или инструментальной ценности.

Жизненный проект «человека потребляющего» определяется приоритетом ценностных и смысловых установок. Труд и потребление – термины однопорядковые, но векторно-

противоположные. При интерпретации потребления как терминальной ценности вектор направлен на человека. Потребление в данном случае – смысложизненная ориентация, конечная цель (даже в случае конструирования символов, так называемая цель – место в социуме). При признании потребления лишь как инструментальной ценности вектор активности направлен на преобразование мира, так как смысложизненная ориентация – преобразование, созидание, реализация сущностных сил, т. е. в социологии культуры потребление рассматривается как сфера социализации, формирования мировоззрения. Поэтому в культуре потребления проявляются смысложизненные ориентации, «ядро» человеческой личности.

В иерархии потребностей от естественных до социальных Л.И. Михайлова отмечает важность потребностей в самореализации, саморазвитии, познании, эстетические и другие потребности, связанные с эмоциональной жизнью. Возможность самовыражения, саморазвития, по ее мнению, связана также с удовлетворением гедонистической потребности, т. к. «любой положительный результат деятельности...приносит в конечном итоге радость и удовлетворение» [218, с. 277]. Кроме того, по мнению Л.Н. Когана, именно самосознание и реализация способностей, талантов и т. д. составляют цель и смысл жизни человека, являясь проявлением его уровня культуры [219, с. 145].

В рамках данного подхода потребление выступает как инструментальная ценность, терминальная ценность – активная созидательная деятельность, являющаяся родовым признаком человека. Тип культуры, в котором потребление выступает как терминальная ценность, может быть охарактеризован как «гедонистически-потребительский». Данный тип культуры соответствует обществу потребления, в котором абсолютизируется потребление, человек «замещается» предметами потребления. Доминирующая ценностная ориентация – «иметь».

Тип культуры, в котором потребление выступает как инструментальная ценность, а терминальная заключается в реализации сущностных сил, при этом «мерой всех вещей» является человек, может быть охарактеризован как «гуманистический». Доминирующая ценностная ориентация – «иметь, но чтобы быть».

Тип культуры, основанный на системе ценностей, в которой смысл вещей сугубо утилитарен, может быть определен как

«идеалистический». По моделям потребительского поведения он напоминает «аскетический», но от социалистического «вынужденного аскетизма» он существенно отличается, поскольку это сознательный и свободный выбор «человека потребляющего», определяющего смысл только как развитие и реализацию своих сущностных сил, минимизируя потребление. Доминирующая ценностная ориентация – «быть». Отличие данного типа от «гуманистического» заключается в отсутствии отрицания аскетизма.

Тип культуры потребления советского общества, основанный на вынужденном «аскетичном» потреблении, не может быть отнесен к «гуманистическому» типу, так как последний основывается на «благоразумном» потреблении, но не на «аскетичном».

Е. М. Порецкина, анализируя изменения в потреблении на рубеже XX и XXI вв., акцентирует внимание на формирование новых стандартов, новых моделей. Модель потребления может быть понята как персональная актуализация доминирующих индивидуальных и коллективных ценностей. Е. М. Порецкина на основе проведенного исследования выделяет следующие черты новой модели потребления:

1) отказ (даже в кризисных ситуациях) от «советского» стиля потребления, т. е. от покупок продуктов и товаров впрок, для будущего пользования;

2) возникновение новой референтной группы, «примеривание», «встраивание» себя в западную систему труда, появление новых эталонов для сравнения;

3) появление иных приоритетов и критериев (по сравнению с единственным критерием малообеспеченных семей – ценой) при выборе товаров и продуктов, среди которых прежде всего качество, надежность, престижность;

4) появление новых стратегий выбора товаров длительного пользования – бытовой маркетинг, изучение специальных справочно-рекламных изданий, пользование Интернетом;

5) постепенное восстановление стратегий более долгосрочного планирования крупных покупок, возможность накапливания денежных средств для их осуществления;

6) появление принципиально новых статей расхода, среди которых платная медицина, платное образование, новые средства коммуникаций и т. д.;

7) осознание потребности в здоровом образе жизни. Изменение отношения к своему здоровью: восприятие здоровья как своеобразный капитал и вложение денег в поддержание здоровья;

8) появление принципиально новых форм проведения досуга (особенно у молодежи) и отдыха – в том числе рост популярности зарубежного туризма;

9) вестернизация (американизация) многих сторон повседневной жизни – принятие западных стандартов в потреблении [220, с. 59].

Присоединяясь к точке зрения Е.М. Порецкиной относительно характерных черт потребления на современном этапе, мы выделяем следующие модели потребительского поведения:

а) рациональное потребление, основанное на оптимальном соотношении цены и качества, паритете потребления и деятельности; отношение к работе, материальному окружению как инструментальным ценностям, позволяющим реализовать собственные мечты, стремления и жизненные установки;

б) экономное потребление имеет в основании предпочтение отечественных товаров (или их аналогов) по низкой цене. Ценностные установки сводятся к реализации сущностных сил при минимизированных потребностях в материальной сфере;

в) демонстративное потребление, характеризующееся направленностью на модные товары, высокое качество потребляемого продукта известных фирм и торговых марок с целью производить впечатление на окружающих. Важнейшей чертой этой модели является восприятие и использование работы, образования, собственного материального мира как символической ценности и возведение в абсолют степени значимости вещей;

г) компенсаторное поведение, снимающее стресс, т. к. его основной функцией является компенсация неудач в личной жизни, в деятельности и др.;

д) стихийное поведение – желание что-нибудь купить без потребности в предмете. Удовлетворение приносит не приобретаемая вещь или услуга, а сам процесс покупки. Главная отличительная черта стихийной модели состоит в отсутствии планомерности, продуманности действий. Данная модель характеризуется превалированием эмоциональных факторов над рациональными, спонтанностью принимаемых решений.

Рассмотренные модели потребительского поведения представлены в различных типах культуры потребления в разной степени. Доминирующая ценностная ориентация детерминирует превалирование определенной модели потребительского поведения. Доминирующая ценностная ориентация «быть» в идеалистическом типе культуры потребления определяет наибольшую представленность экономной модели. В гедонистически-потребительском типе культуры потребления преобладающая ориентация «иметь» формирует демонстративную модель. Ценностная ориентация «иметь, но чтобы быть» в гуманистическом типе культуры потребления служит основой для рациональной модели потребительского поведения. Необходимо отметить, что модели потребительского поведения являются менее устойчивой характеристикой «человека потребляющего», чем его ценностные ориентации.

«Человек потребляющий» может актуализировать разные модели в зависимости от конкретной ситуации, обстоятельств, типа товара и т. п. Модели четко не зафиксированы и способны гибко реагировать на ситуативные факторы, но при этом «человек потребляющий» будет сохранять тенденцию к реализации своей базовой модели, детерминированной его ценностными установками и ориентирами. Поэтому ценностные ориентации являются основополагающими факторами, а модели потребительского поведения – конкретизирующими.

Вопросы к главе 10

1. Проанализируйте соотношение понятий «потребительская культура» и «культура потребления».
2. Дайте характеристику обществу массового потребления.
3. Каковы особенности «гедонистического» и «аскетического» типов культуры?
4. Перечислите характерные черты современного потребления по Е. М. Порецкиной.
5. Проанализируйте сущность современных моделей потребительского поведения.

СПИСОК ЗАТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК

1. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология: учебное пособие для технических вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. С. 214.
2. Иконникова Н. С. История культурологических теорий. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2005. С. 17.
3. Культура. Культурология: словарь / сост. и ред. А. И. Кравченко. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. 2003. С. 450.
4. Ионин Л. Г. Социология культуры: учебное пособие. М.: Логос, 1996. С. 12.
5. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С. 54.
6. Ионин Л. Г. Социология культуры: учебное пособие. М.: Логос, 1996. С. 15.
7. Каган М. С. Философия культуры. СПб, ТОО ТК «Петрополис», 1996. С. 36–47.
8. Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973. С. 43.
9. Коган Л. Н. Теория культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 15.
10. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология: курс лекций. Екатеринбург, 2000. С. 117.
11. Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры: учебное пособие для вузов. М.: Гуманитарный университет, 2006. С. 10–11.
12. Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры: учебное пособие для вузов. М.: Гуманитарный университет, 2006. С. 11–12.
13. Ерасов Б. С. Социальная культурология: учебник для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 591.
14. Победа Н. А. Социология культуры. Одесса: Астропринт, 1997. С. 15.
15. Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры: учебное пособие для вузов. М.: Гуманитарный университет, 2006. С. 117.
16. Культурология: XX век: словарь / Гл. ред., сост. и авт. проекта А. Я. Левит; отв. ред. Л. Т. Мильская. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 508–511.
17. Коган Л. Н. Социология культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1992. С. 58.
18. Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры / [электронный ресурс] // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 93–104. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/18760748.html> (дата обращения 17.08.12.).
19. Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1980; Коган Л. Н. Социология культуры. Екатеринбург, 1992; Коган Л. Н. Жизнь в поколениях. Классика и современность. Екатеринбург. 1995; Лотман Ю. М. История культуры: движение в будущее. Сов. культура. 1987, 7 янв. и др.
20. Гуревич П. Культура и контркультура. Свободная мысль. 1994. №11. С. 86.

21. Ионин Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. С. 49.
22. Баталов Э. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы)//ОНС. 1994. №6. С. 39.
23. Лотман Ю. М. История культуры: движение в будущее [о руководстве Д. С. Лихачевым Отделом древнерусской литературы ИРЛИ] // Советская культура. - 1987. - 7 мая.
24. Шапко В. Т. Актуальная культура (проблемы исследования) // Политика и культура. Екатеринбург. 1991. С. 35; Шапко В. Т. Актуальная культура: парадоксы обновления // Советская культура и развитие человека. Пермь, 1991. С. 18.
25. Коган Л. Н. Социология культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1992. С. 15
26. Седов Л. А. Место русской культуры среди мировых культур// Полис. 1994. № 4. С. 97-110.
27. Дубицкая В. П. Телесериалы на экране и в постсоветской мифологии. //СОЦИС. 1996. № 9. С. 81.
28. Парамонов Б. Сэнс энд сэнсидиниты// Звезда. 1996. № 9. С. 81.
29. Селезнева Е. Н. Культурная политика сегодня: рецидивы историзма? //СОЦИС. 1996. № 10. С. 129-130.
30. Киссинджер Г. Билл Клинтон - циник, но не совсем// Литературная газета. 1996. № 46.
31. Коган Л. Н. Жизнь в поколениях. Личность. Культура. Общество [Текст] : Избр. труды 1988 - 1997 гг.; ред. Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский, В. Т. Шапко. - Екатеринбург: ИПЦ Маска, 2009. С. 22.
32. Гитович И. Спутники Чехова// Новый мир. 1986. № 10. С. 254.
33. Козлова Н. Н., Смирнова Н. М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация// СОЦИС. 1995. № 11. С. 13.
34. Ильин В. В. Постклассическое обществознание: каким ему быть? //СОЦИС. 1992. № 10. С. 37-39.
35. Абрамов Н. Т. Принцип фундаментального идеала и новый образ науки. //Филос. науки. 1989. № 11. С. 47.
36. Алтухов В. Смена парадигм и формирование новой методологии// ОНС. 1993. № 5, С. 10, №6; Князева Е., Курдюмов С. Синергетика как новое мировидения// Вопросы философии. 1992. № 12.
37. Валери П. Об искусстве: Пер. с франц. П. Валери; // Изд. подгот. В.М.Козовой; предисл. А. А. Вишневского. М.: Искусство, 1976. С. 111.
38. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог с природой: Пер. с англ./общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. С.97.
39. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог с природой: пер. с англ./ общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. С. 97.
40. Ильин В. В. Постклассическое обществознание: каким ему быть?

// Социологические исследования. 1992. №10. С. 39–42.

41. Козлова Н. Безвкусица масс и вкус интеллектуалов // ОНС. 1994. № 3. С. 145.
42. Эпштейн М. Истоки и смысл русского постмодернизма // Звезда. 1996. №8. С. 171.
43. Ушакин С. А. После модернизма: язык власти или власть языка? // ОНС. 1996. № 5. С. 13.
44. Померанц Г. После модернизма, или искусство XXI века // Литературная газета. 1996. № 27.
45. Коган Л. Н. Социология культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1992. С. 64.
46. Фишер А. О новой культурной политике России // ОНС. 1994. № 5. С. 20–21.
47. Культурология: учебник / под ред. О. И. Ган, Л. Б. Вожевой. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. С. 207–209.
48. Михайлова Л. И. Социология культуры: учебное пособие. 2-е изд., доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2004. С. 40–49.
49. Комлева Н. А. Особенности социокультурного развития России / XXI век: будущее России в философском измерении: материалы Второго Российского философского конгресса (7–11 июня 1999 г.): В 4 т. Т. 3: Философская антропология и философия культуры. Ч. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 118 – 119.
50. Ионин Л. Г. Социология культуры: учебное пособие. М.: Логос, 1996. С. 190-192.
51. Ионин Л. Г. Социология культуры: учебное пособие / М.: Логос, 1996. С. 190-192.
52. Иконникова С. Н. История культурологических теорий. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2005. С. 40-42.
53. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни: пер. с англ. / предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 70.
54. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни: пер. с англ. / предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 57.
55. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни: пер. с англ. / предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 58.
56. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни: пер. с англ. / предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 58.
57. Двадцать лекций по философии: учебное пособие / Грибакин А.В., Ершов Ю.Г., Кемеров В.Е. и др. Российские философское общество. 2-е изд. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. С. 397–398.
58. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни: пер. с англ. / предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 41.
59. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни: пер. с англ. / предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 108.
60. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни: пер. с англ. / предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 30.

61. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни: пер. с англ./ предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 109–110.
62. Ингледарт Р. Культурный сдвиг в зрелом постиндустриальном обществе. Новая индустриальная волна на Западе. М.: Академия, 1999. С. 254.
63. Ингледарт Р. Культурный сдвиг в зрелом постиндустриальном обществе. Новая индустриальная волна на Западе. М.: Академия, 1999. С. 247.
64. Ростовцева Л. И. Потребительская культура: между гедонизмом и аскетизмом // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2002. № 4. С. 92 – 93.
65. Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Культурология: хрестоматия / под ред. О. И. Ган., Л. Б. Вожевой. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. С.150.
66. Панарин А. Народ без элиты // Литературная газета № 48 от 28 ноября – 4 декабря 2001 г.
67. Ольховиков К. М., Ольховикова С. В. Социология духовной жизни: учебное пособие. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. С. 97.
68. Иконникова С. Н. История культурологических теорий. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2005. С. 41.
69. Алешина И. В. Поведение потребителей: учебное пособие для вузов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. С. 41.
70. Немировский В. Г. Социология: учебник. М.: Проспект, 2010. С. 162–211.
71. Левяш И. А. Культурология. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 131.
72. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя: пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 571 с.; Фромм Э. Душа человека: пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. 572 с.; Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни: пер. с англ. предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004. 384 с.
73. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни: пер. с англ. / предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 41.
74. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни: пер. с англ. / предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 108.
75. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни: пер. с англ. / предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 30.
76. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни: пер. с англ. / предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 109–110.
77. Манхейм К. Избранное. Социология культуры. Эссе о социологии культуры. М.; СПб., 2000. С. 110–111.
78. Соколов А. В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. С. 344.
79. Коган Л. Н., Чернявская Г. Интеллигенция. Екатеринбург: УГТУ, 1996. Личность. Культура. Общество. Т. II. Работы 1988–1997 гг. Екатеринбург: ИПЦ Маска, 2009. С. 279–285
80. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Ленинград, 1988. С. 181.

81. Матецкая А. В., Самыгин С. И. Социология культуры: учебное пособие. Ростов – на – Дону: Феникс, 2007. С. 283–290.
82. Филиппов А. Ф. Западногерманские интеллектуалы в зеркале консервативной социологической критики // ФРГ глазами западногерманских социологов: Техника – интеллектуалы – культура. М.: Наука, 1989. С. 145-168.
83. Элбакян Е. С. Российская интеллигенция как социокультурный феномен. // Общественные науки и современность РАН. 2003. № 3. С 82–95.
84. Коган Л. Н., Чернявская Г. Интеллигенция. // Личность. Культура. Общество [Текст] : Избр. труды 1988 - 1997 гг. / ред. Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский, В. Т. Шапко. - Екатеринбург : ИПЦ Маска, 2009. С. 279–299.
85. Культура гражданственности: учебное пособие. Екатеринбург, 2004. С. 7.
86. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения. В 6 т. Т.1. М., 1963. С. 69.
87. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения. В 6 т. Т.1. М., 1963. С. 120.
88. Идеалистическая концепция культуры // Проблемы философии культуры: опыт историко-материалистического анализа / под ред. В.Ж.Келле. М., 1984. С. 35.
89. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 2000. Т 2. С. 502-506.
90. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 2000. Т 2. С. 192.
91. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 375-385.
92. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 379.
93. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 381.
94. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 380-381.
95. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. С. 280-281.
96. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 332.
97. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск, 1998. С. 136.
98. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск, 1998. С. 135.
99. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 421.
100. Казаков Е.С. Формирование культуры гражданственности современной российской молодежи: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Екатеринбург, 2003. С.26-28.
101. Васильев В. А. Гражданское общество: идейно-теоретические истоки. // Социально-политический журнал. 1997. № 4. С. 11.
102. Гончаров Д. В. Нормативная дискуссия о гражданском обществе: основные направления // Сб. трудов ОИ МГЮА, 2004. Режим доступа: www.oimsla.edu.ru
103. Турен. А. Возвращение человека действующего. М., 1998. С. 48.

104. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в эпоху позднего капитализма. Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М., 2002. С. 363-372.
105. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в эпоху позднего капитализма. Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М., 2002. С. 363-372.
106. Резник Ю. М. Гражданское общество как понятие // Социально-гуманитарные знания. 2002. №2. С. 154.
107. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в эпоху позднего капитализма. Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М., 2002. С. 363-372.
108. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в эпоху позднего капитализма. Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М., 2002. С. 363-372.
109. Резник Ю. М. Гражданское общество как понятие // Социально-гуманитарные знания. 2002. №2. С. 154.
110. Фливиберг Б. Хабермас и Фуко: мыслители для гражданского общества. // Вопросы философии. 2002. №2. С. 148.
111. Коулмэн Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 124.
112. Васильев В.А. Гражданское общество: идейно-теоретические истоки. // Социально-политический журнал. 1997. №4. С.15.
113. Каган М. С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. 2000. №2. С. 51.
114. Корнаи Я. Личная свобода и реформа социалистической экономики Экономика и математические методы. 1989. Т. XXV, вып. 3. С. 411.
115. Корнаи Я. Личная свобода и реформа социалистической экономики. // Экономика и математические методы. 1989. Т. XXV, вып. 3. С. 411-412.
116. Корнаи Я. Личная свобода и реформа социалистической экономики // Экономика и математические методы. 1989. Т. XXV, вып. 4. С. 595.
117. Корнаи Я. Личная свобода и реформа социалистической экономики // Экономика и математические методы. 1989. Т. XXV, вып. 4. С. 595-596.
118. Гончаров Д.В. Нормативная дискуссия о гражданском обществе: основные направления // Сб. трудов ОИ МГЮА, 2004 . Режим доступа: www.oimsla.edu.ru
119. Культура гражданственности: учебное пособие. Екатеринбург, 2004. С.26.
120. Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание - и направления для дальнейших исследований // Политические исследования. 1995. №3. С.48-57.
121. Казаков Е. С. Формирование культуры гражданственности современной российской молодежи: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Екатеринбург, 2003. С.26-28.

122. Казаков Е. С. Формирование культуры гражданственности современной российской молодежи: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Екатеринбург, 2003. С.31.
123. Резник Ю. М. Гражданское общество как феномен человеческой цивилизации. Социальное партнерство государственных и неправительственных организаций как фундаментальный принцип гражданского общества. М., 2000. С. 74.
124. Зарубина Н. Н. Без протестантской этики: проблема социокультурной легитимизации предпринимательства в модернизирующихся обществах. //Вопросы философии. 2001. №10. С. 51.
125. Пуляев В. Т. Движение к гражданскому обществу: российский вариант. //Социально-гуманитарные знания. 2000. №1. С.4.
126. Культура гражданственности: учебное пособие. Екатеринбург, 2004. С. 37.
127. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № С. 23.
128. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 218.
129. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № С. 24.
130. Казаков Е. С. Формирование культуры гражданственности современной российской молодежи: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Екатеринбург, 2003. С. 37.
131. Культура гражданственности: учебное пособие / под общ. ред. проф. В. Т. Шапко. Екатеринбург, 2004. С. 20.
132. Розин В. М. Ценностные основания концепций деятельности в психологии и современной методологии // Вопросы философии. 2001. №2. С. 101.
133. Шапко В. Т. Социокультурный подход: истоки и перспективы // Большой Урал: XXI в.: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1.: XIII Уральские социологические чтения. Екатеринбург, 2001. С. 198.
134. Культура гражданственности: учебное пособие / под общ. ред. проф. В. Т. Шапко. Екатеринбург, 2004. С. 47
135. Пуляев В.Т. Движение к гражданскому обществу: российский вариант//Социально-гуманитарные знания. 2000. №1. С17-25.
136. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии //Политические исследования. 1992. №4. С. 122.
137. Ryan M. Politics and Culture – Working Hypothesis for a Post-Revolutionary Society. The People’s Republic of China. 1989. P. 138.
138. Ryan M. Politics and Culture – Working Hypothesis for a Post-Revolutionary Society. The People’s Republic of China. 1989. P. 151.

139. Гончаров Д. В. Нормативная дискуссия о гражданском обществе: основные направления / сб. трудов ОИ МГЮА. 2004. Режим доступа: www.oimsla.edu.ru
140. Казаков Е. С. Формирование культуры гражданственности современной российской молодежи: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Екатеринбург, 2003. С.16.
141. Казаков Е. С. Формирование культуры гражданственности современной российской молодежи: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Екатеринбург, 2003. С.17.
142. Айвазян А. А. Гражданственность и гражданское участие (теоретико-методологический анализ): автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. Екатеринбург, 2001. С.40.
143. Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций. Политология: хрестоматия. М., 1999. С. 559-576.
144. Культура гражданственности: учебное пособие / под общ. ред. проф. В. Т. Шапко. Екатеринбург, 2004. С. 41-42.
145. Каган М. С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. 2000. №2. С. 51.
146. Руденкин В. Н. Гражданское общество в условиях политической трансформации России: субъектное и структурные измерения: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Екатеринбург. 2002. С. 10.
147. Руденкин В. Н. Гражданское общество в России: история и современность. Екатеринбург, 2002. С.171.
148. Кулик А. Н. Политические партии постсоветской России: опора демократии или костыль режимной системы? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. №12. С.57.
149. Песчанский В. В. Становление гражданского общества в России: роль профсоюзов // Мировая экономика и международные отношения. 1996. №11. С. 87.
150. Модель И. М., Модель Б. С. Власть и гражданское сообщество в России: от социального взаимодействия к социальному партнерству. Екатеринбург. 1998. С. 11.
151. Якимец В. Н., Никовская Л. И. Взаимодействие государства и гражданского общества в России: состояние и особенности развития в регионах // Труды института системного анализа РАН. Выпуск Социальное мышление и деятельность: влияние новых интеллектуальных технологий. 2004. С. 5-26.
152. Платон. Государство, книга четвертая // Собр. соч. В 4 т. Т.3. М., 1994. С.198 -221.
153. Елизаров В. От авторитаризма к демократии: две модели // Pro et contra. 1998. Т. 3, № 3. С. 23-50.
154. Запесоцкий А. С. Профсоюзы как достижение цивилизации

- // Профсоюзы на защите прав трудящихся: Российско-финский сборник научных статей. СПб., 2001. С.24
155. Запесоцкий А. С. Профсоюзы как достижение цивилизации
// Профсоюзы на защите прав трудящихся: Российско-финский сборник научных статей. СПб., 2001. С.27.
156. Запесоцкий А. С. Профсоюзы как достижение цивилизации
// Профсоюзы на защите прав трудящихся: Российско-финский сборник научных статей. СПб., 2001. С. 27.
157. Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 130-152.
158. Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 151.
159. Человек в мире художественной культуры / отв. ред. Ю. У. Фохт-Бабушкин. М., 1982. С. 180.
160. Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 152.
161. Человек в мире художественной культуры / отв. ред. Ю. У. Фохт-Бабушкин. М., 1982. С. 180.
162. Бобахо В. А., Левикова С. И. Современные тенденции молодежной культуры или преемственность поколений? // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 56-65.
163. Социология молодежи: учебник / отв. ред. В. Т. Лисовский. СПб., 1996. С. 335.
164. Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России
// Социологические исследования. 2002. № 10. С. 87.
165. Бобахо В. А., Левикова С. И. Современные тенденции молодежной культуры: конфликт или преемственность поколений? // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 58.
166. Левикова С. И. Молодежная субкультура: учебное пособие. М., 2004. С. 217.
167. Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 445.
168. Сикевич З. В. Молодежная культура: «за» и «против». Л., 1990. С. 80-124.
169. Сикевич З. В. Молодежная культура: «за» и «против». Л., 1990. С. 110.
170. Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России
// Социологические исследования. 2002. № 10. С. 79.
171. Фромм Э. Человек для себя. Иметь или быть? Минск, 1997. С. 277-278.
172. Фромм Э. Человек для себя. Иметь или быть? Минск, 1997. С. 277-278.
173. Рожак Т. Личность-планета. Творческая дезинтеграция индустриального общества / Т. Рожак // Иностранная литература. 1986. № 12. С. 182.
174. Лисовский В. Т. Неформальные группировки среди молодежи: причины возникновения и методы работы. Л., 1987. С. 40-41.
175. Сикевич З. В. Молодежная культура: «за» и «против». Л., 1990. С.98.
176. Бобахо В. А., Левикова С. И. Современные тенденции молодежной культуры: конфликт или преемственность поколений? // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 61.
177. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т.3. М.:

- Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 245.
178. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. С. 25-26.
179. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. С. 466.
180. Зборовский Г. Е. Общая социология: курс лекций. Екатеринбург, 1997. С. 469.
181. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т.3. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 301.
182. Зборовский Г. Е. Общая социология: курс лекций. Екатеринбург, 1997. С. 470.
183. Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 143.
184. Культурная деятельность: опыт социологического исследования / под ред. Л. Н. Когана. М., 1981. С. 43.
185. Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 143-147.
186. Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 143-147.
187. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т.3. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 246.
188. Михайлов Н. Н. Разумные потребности при социализме: критерий оценки // Социальная активность: от потребности к деятельности. Челябинск, 1978. С. 98-99.
189. Михайлов Н. Н. Разумные потребности при социализме: критерий оценки // Социальная активность: от потребности к деятельности. Челябинск, 1978. С. 102.
190. Культурная деятельность: опыт социологического исследования / под ред. Л. Н. Когана. М., 1981. С. 52.
191. Культурная деятельность: опыт социологического исследования / под ред. Л. Н. Когана. М., 1981. С. 52.
192. Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 143-147.
193. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Художественная культура жителей Свердловской области // материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Возрождение России: общество-управление-образование-молодежь-культура. Екатеринбург, 2003. С. 116;
- Михайлова Л. И. Социология культуры: учебное пособие. М., 2006, С. 329.
194. Тощенко Ж. Т. Социология. Общий курс. М., 1998. С. 375.
195. Михайлова Л. И. Социология культуры: учебное пособие. М., 2006. С. 328.
196. Человек в мире художественной культуры / отв. ред. Ю. У. Фохт-Бабушкин. М., 1982. С. 180.
197. Станиславский К. С. Статьи, речи, беседы, письма. М., 1953. С. 228.
198. Тарасов Г. С. Проблема духовной потребности. М., 1979. С. 139.
199. Пономарев А. В. Социально-педагогическая функция вуза в воспитании современного специалиста. М.: Икар, 2009. С. 332.
200. Учебный процесс // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1978. Т. 27. С.456.

201. Федеральный государственный образовательный стандарт. [Электронный ресурс]. URL: <http://standart.edu.ru/> (проверено 25.03.12).
202. Хуторской А. В. Модель образовательной среды в дистанционном эвристическом обучении // Эйдос. 2005. 1 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0901.htm> (проверено 25.03.12).
203. Воспитательная деятельность и молодежная политика: опыт, проблемы, перспективы развития: сб. материалов конф. / отв. ред. А. В. Пономарев. Екатеринбург: УрФУ, 2012. С. 185–187.
204. Погрешаева Т. А. Свободное время человека в условиях трансформируемого общества. Саратов: Изд-во СГУ, 2000.
205. URL: <http://vk.com/club25314361>
206. Промо-ролик «Весна УПИ в Уральском федеральном». Режим доступа: <http://vk.com/club25314361>.
207. Радаев В. В. Социология потребления: основные подходы // СОЦИС. 2005. № 1. С. 5 - 9.
208. Ростовцева Л. И. Потребительская культура: между гедонизмом и аскетизмом // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2002. № 4. С. 93.
209. Ростовцева Л. И. Поведение потребителей и потребительская культура. М.: МГУ, 2002. С. 97 - 98.
210. Ростовцева Л. И. Поведение потребителей и потребительская культура. М.: МГУ, 2002. С. 112–113.
211. Зборовский Г. Е. Общая социология: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2003. С. 566 - 567.
212. Алешина И. В. Поведение потребителей: учеб. пособие для вузов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. С. 50.
213. Хоружий Г. Ф. Человек: потребности, потребление, потребительство. Киев: Молодь, 1985. С. 55-56.
214. Цирель С. В. Рыночная экономика и типы потребления
// Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2004. Т. 2, № 1. С. 52.
215. Цирель С. В. Рыночная экономика и типы потребления
// Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2004. Т. 2, № 1. С. 56.
216. Ильин В. И. Поведение потребителей. СПб., 2000. С. 161.
217. Ростовцева Л. И. Потребительская культура: между гедонизмом и аскетизмом // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2002. № 4. С. 94.
218. Михайлова Л. И. Социология культуры: учебное пособие. 2-е изд., доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К⁰», 2004. С. 277.
219. Коган Л. Н. Теория культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 145.
220. Порецкина Е. М. Изменения в потреблении в конце 1990-х гг.: новые черты потребительских моделей петербургских семей // Социология потребления / под ред. Л. Т. Волчковой, Ю. Гронова, В. Н. Мининой. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2001. С. 59.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневский Ю. Р. Социология: курс лекций / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 2000. 117 с.
2. Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры: учебное пособие для вузов / Г. Е. Зборовский. Гуманитарный университет, 2006. 242 с.
3. Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961-1987 гг. / Л. Н. Коган; под общей ред. Ю. Р. Вишневского, редакторы-составители: д-р филос. наук, проф. Ю. Р. Вишневский; д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский; д-р социол. наук, проф. В. Т. Шапко. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2009. 324 с.
4. Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. Т. II. Работы 1988-1997 гг. / Л.Н. Коган; под общей ред. Ю. Р. Вишневского, редакторы-составители: д-р филос. наук, проф. Ю. Р. Вишневский; д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский; д-р социол. наук, проф. В. Т. Шапко. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2009. 382 с.
5. Коган Л. Н. Социология культуры / Л.Н. Коган. Екатеринбург: УрГУ, 1992. 80 с.
6. Коган Л. Н. Теория культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1993. 66 с..
7. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека /Л. Н. Коган. М., 1984. 148 с..
8. Нархова Е. Н. Социология потребления: учебное пособие / Е. Н. Нархова. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. 116 с.
9. Ольховиков К. М. Социология духовной жизни: учебное пособие / К. М. Ольховиков, С. В. Ольховикова. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. 203 с.
10. Шапко В. Т. Культура гражданственности: учебное пособие / В. Т. Шапко, Е. С. Казаков, Т. А. Чегодаева Т.А. Екатеринбург, 2004. 180 с.
11. Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры / В. Т. Шапко [электронный ресурс] // Социологические исследования. 1997. № 10. С.93–104. Режим доступа:
<http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/18760748.html> (дата обращения 17.08.12.).

Культурный досуг уральских и украинских студентов

Молодежь является наиболее перспективной и влиятельной социальной силой общества, его *стратегическим ресурсом*. В молодом поколении заложен существенный потенциал инновационных изменений, социального обновления и развития. Студенты – одна из наиболее динамичных групп, оказывающая существенное воздействие не только на остальную молодежь, но и на достаточно широкие слои населения за пределами этой возрастной группы.

«Сознание молодого человека обладает особой пластичностью, податливостью, способностью к усвоению огромного потока информации. Неустойчивость как черта молодежного сознания оказывает влияние на многие формы поведения. В этот период оформляются и приобретают устойчивость политические взгляды и мировоззрение, возникают профессиональные интересы, развивается сознание, складывается новый образ жизни, меняется стиль поведения»¹.

Молодое поколение несет в себе все противоречия, которые присущи обществу в целом. Трактовка молодежи как гомогенной, недифференцированной группы чревата ошибками и серьезными социальными последствиями, так как не только «конкретно-исторический образ молодежи отражает реально существующие в массовом взрослом сознании мнения, стереотипы, предрассудки...»².

Формирование определенного типа личности, характерного именно для данного общества, является одной из основополагающей функций культуры. Здесь культура выполняет функцию сохранения и развития субъекта. Благодаря ей происходит индивидуализация, обретение уникальности, своего «я». Важнейшие функциональные особенности культуры как системы связаны со способностью к самообновлению, постоянным порождением новых форм и способов удовлетворения интересов и потребностей людей; отбором форм

¹ Левичева С. И. Молодежная субкультура: уч. пособие. М., 2004. С. 27.

² Вишневский Ю.Р., Шапко В. Т. Социология молодежи: перспективы развития // Большой Урал – XXI век: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Тринадцатые Уральские социологические чтения. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2001. С. 122.

культур, способствующих повышению уровня взаимопонимания и консолидированности членов сообщества, которые обретают статус общепринятых норм, включаемых в систему ценностных установок и транслируемых следующим поколениям в качестве традиций культуры.

Культура выполняет многообразные и ответственные социальные функции. Она является показателем материальной и духовной зрелости общества. В ней воплощены способности общества в каждый конкретный исторический период обеспечивать функционирование общественной жизни. Эти способности характеризуются уровнем достигнутых знаний, качеством и разнообразием созданных орудий труда и средств жизни, умением практически их применять и использовать в созидательных целях совершенствования социальной жизни в интересах общества. Она есть мера человеческого в человеке, то, что не только делается человеком, но и то, что делает человека. Именно поэтому культура пронизывает всё общество, проявляясь во всех сферах человеческой деятельности. Достаточно серьезной проблемой является выявление представлений самой молодежи о культуре и критериях культурного человека.

Интересны в данном отношении результаты опроса студентов стран ШОС³. Для студенческой среды, как в целом, так и в каждой рассматриваемой стране, понятие «культурный человек» ассоциируется в первую очередь с *человеком воспитанным* (этот показатель вдвое превышает все остальные, в среднем он отмечен 3 из каждых 5 респондентов), *образованным* (на это указал каждый четвертый респондент) и *порядочным* (тоже – каждый четвертый). Респонденты из РФ в качестве ведущих признаков культурного человека также выделили *эрудированность* (29 %) и высокую нравственность (23 %), респонденты из Республики Казахстан (далее РК – *эрудированность* (16 %), а респонденты из Кыргызстана (далее КР) – *добросовестность* (17 %).

³ Студенчество стран ШОС: Социокультурное измерение: материалы социологического исследования (ноябрь 2008 – апрель 2009) / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург, 2009. Опрос охватил студентов Российской Федерации (РФ), Республики Казахстан (РК), Кыргызской Республики (КР) и Республики Таджикистан (РТ).

Второй по важности блок критериев у респондентов из разных стран различен. Видимое сходство ответов наблюдается у респондентов из Российской Федерации (далее РФ) и РК. Респонденты из РФ отметили значимость способности интересоваться (увлеченность – 19 %) общительность (13 %), добросовестность (12 %), бережное отношение к природе (12 %), умение красиво говорить (12 %) и разбираться в искусстве (11%).

Таблица П.1

Кто такой культурный человек? (% от ответов)

Качества	РФ	РК	КР	РТ
Воспитанный, тактичный	62	37	36	38
Порядочный, добрый	30	15	11	19
Широкоэрудированный, начитанный	29	16	5	2
С высоким уровнем образования	26	19	15	24
Высоконравственный, совестливый	23	9	8	3
С широкими жизненными интересами	19	14	7	6
Общительный, коммуникабельный	13	9	6	6
Добросовестно, творчески относящийся к любому делу	12	10	17	8
Бережно относящийся к природе	12	5	4	5
Умеющий красиво говорить	12	3	4	9
Увлекающийся искусством и разбирающийся в нем	11	9	3	0
Действующий с полной самоотдачей, максимально развивающий свои способности	7	10	5	3
С активной гражданской позицией	6	3	1	1
Верующий	5	2	3	9
Умеющий красиво жить	3	2	3	10
Хорошо разбирающийся в одежде, моде	3	1	1	2
Умеющий окружить себя красивыми вещами	2	1	0	0

Респонденты из РК не включили в этот перечень умение красиво говорить и бережное отношение к природе. Опрошенные из КР и Республики Таджикистан (далее РТ) дали ответы, которые отражают культурное своеобразие этих государств. Для респондентов из Кыргызстана второе по важности значение имеют высокая нравственность (8 %), способность интересоваться (увлеченность – 7 %) и общительность (6 %). Респонденты из Таджикистана указали, что

для них такое значение имеют умение красиво жить (10 %), вера в Бога (9 %), умение красиво говорить (9 %) и добросовестность (8 %).

По мнению опрошенных в целом, *несущественными характеристиками* культурного человека являются: *гражданская позиция* (6 % респондентов), *способность следовать моде* (3 %) и *умение окружать себя красотой* (2 %). Респонденты из России к этому блоку причислили способность развиваться (7 %), веру в Бога (5 %) и умение красиво жить (3 %). Респондентам из Казахстана несущественными представляются бережное отношение к природе (5 %), умение красиво говорить (3 %), следовать моде (2 %) и вера в Бога (2 %). Респонденты из Кыргызстана к этому добавили способность развиваться (5 %) и умение разбираться в искусстве (2 %). Иначе выглядит группа несущественных критериев культурного человека для респондентов из Таджикистана. По их мнению, это способность интересоваться – 6 %, бережно относиться к природе – 5 %, развиваться и быть высоконравственным – по 3 %, окружать себя красотой и разбираться в искусстве – 0 %.

Итак, можно сделать вывод о том, что представления современных студентов о характеристиках культурного человека достаточно традиционны и демонстрируют высокую степень аналитичности мышления. Студенты, не фокусируя внимания на формальных характеристиках (культурный человек должен разбираться в искусстве, красиво говорить и проч.), определили суть культурного человека как человека порядочного, образованного и воспитанного. Такое понимание демонстрирует преодоление аксиологического подхода к культуре и утверждает деятельностную концепцию культуры.

Культура – общечеловеческое явление. Она вбирает в себя, аккумулирует созданное в разные эпохи, в разных странах и цивилизациях. То, что выдерживает испытание временем, приобретает характер вечных общечеловеческих ценностей культуры. Постоянно происходящий круговорот слоев культуры, их переход из одного состояния в другое, из активного в пассивный и наоборот, наряду с созданием новых культурных ценностей, представляют «живую» ткань культуры, которая наполняет среду обитания человека.

Культурное пространство характеризуется динамичностью, способностью к саморазвитию. Следовательно, культурное

пространство страны можно также определить как развивающуюся, взаимодействующую систему культурных потребностей населения страны, органически связанную с накопленным в предыдущие периоды культурным наследием путем его повторного освоения в связи с развитием новых форм культурного поведения, реализации новых творческих концепций и применения новых культурных технологий. Кризис в культуре, интерпретируемый как негативный этап либо как неизбежный момент в ее развитии, по сути представляет из себя изменение процентного содержания презентаций различных слоев актуальной культуры.

Конкретизацией общекультурных интересов студенчества выступают его досуговые ориентации. *Досуговые ориентации* современной молодежи не поддаются однозначной характеристике. В условиях углубляющейся стратификации общества, растущей социальной дифференциации молодежи, коммерциализации сферы культуры усиливаются различия между богатым, содержательным досугом у одной части молодежи и бедным досугом – у другой. У одних досуговые ориентации многообразны, у других отличаются бездуховностью, у третьих – никак не проявляются.

За годы *мониторинга екатеринбургского студенчества* (1995–2009 гг.)⁴ проблемы организации и содержательного наполнения досуговой деятельности отодвинулись в ранговом ряду наиболее волнующих студентов острых, социальных проблем на одно из последних мест. Но вряд ли стоит недооценивать низкий рейтинговый статус досуговых проблем молодежи. Безусловно, на фоне трудного материального положения, обеспокоенности по поводу возможной безработицы, личной и социальной безопасности и других не менее острых личных и социальных проблем досуг и его условия отходят на задний план. Вместе с тем *досуговая деятельность* является одной из важнейших сфер самореализации, самоутверждения молодого человека, каналом вхождения в мир культурных ценностей, своеобразной компенсационной нишей, в которой личность черпает силы, восстанавливает душевное равновесие, реализует психологический комфорт. Кроме того, невнимание со стороны «взрослых» к досуковым проблемам молодежи открывает возможности для реализации различных

⁴ Студент 2009. Материалы пятого этапа социологического мониторинга. Екатеринбург, 2009

асоциальных, девиантных форм проведения досуга – алкоголизма, наркомании, насилия, проституции и т. п. И в этом плане студенчество, в силу своей социальной и возрастной специфики, в определенной мере принадлежит к группе риска.

Каким свободным временем студенты располагают? По самооценкам студентов, величина их свободного времени в *будний день* составляет около 2,5 часов, а в *выходной день* – более 5 часов. Но это – в среднем. Исследование бюджетов времени уральских студентов позволило выявить *три группы*, располагающие различным объемом свободного времени:

- респонденты, составляющие *первую группу*, ежедневно имеют 5–6 часов свободного времени. Это, как правило, студенты, живущие недалеко от места учебы, не имеющие семьи и детей и не занятые работой после учебы;

- ко *второй группе* относятся студенты, свободное время которых составляет 2–3 часа в сутки, которым удастся оптимально сочетать учебную и внеучебную деятельность;

- *третью группу* составляют студенты, у которых *практически не остается свободного времени* по ряду причин: занятость учебой (сказывается напряженный график занятий), семейные заботы (для определенной части студентов). Конечно, дефицит времени у этой группы студентов оказывает стрессогенное влияние на личность студента, создает особую напряженность жизни. Вместе с тем можно понять желание этих студентов поспеть всюду и одновременно. При этом для многих проблематичным оказывается организация, регламентация и саморегуляция своей деятельности, постановка нетрадиционных целей, освоение за студенческие годы какого-то нового дела параллельно с учебой.

В среднем соотношение между этими тремя группами студентов составляет: 1 : 6 : 3.

Удовлетворены ли студенты тем, как они проводят свое свободное время?

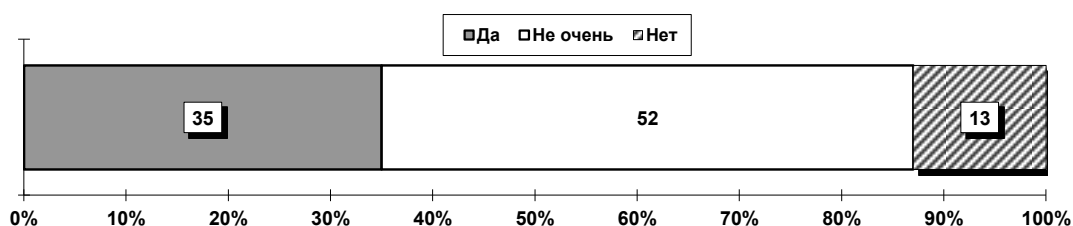

Рис. П.1. Удовлетворены ли Вы тем, как проводите свое свободное время?

Как видим, каждый третий удовлетворен. Но преобладает (в ответах каждого второго) средняя оценка – «не очень».

Предпринятый в исследовании факторный анализ позволяет выявить основные трудности, препятствующие проведению свободного времени студентов в соответствии с их интересами и наклонностями. Ведь, в конечном счете, свободное время по определению – это время, которым человек может *свободно* распоряжаться. В какой же мере «свободно» свободное время студентов?

Таблица П.2

Что мешает проводить свой досуг так, как хотелось бы? (в % к числу опрошенных)

Факторы	Σ
Ничто не мешает, я провожу его так, как хочу	23
Материальные трудности	36
Нехватка свободного времени	23
Отсутствие подходящей компании	13
Неумение организовать свой досуг	7
Плохая организация внеучебной работы в вузе	4
Плохая работа учреждений культуры города	3
Работа (приработки)	2
Другое	1

Почти каждый четвертый респондент в целом доволен проведением свободного времени: «*ничто не мешает, я провожу его так, как хочу*». Наибольшую удовлетворенность высказывают «технари», мужчины, низкая степень удовлетворенности – у женщин, семейных студентов.

Подробный анализ факторов, препятствующих удовлетворительному проведению досуга, дает возможность проранжировать значимость этих факторов (в порядке убывания): материальные затруднения; коммуникативные, межличностные факторы (отсутствие подходящей компании); личностные (неумение организовать свой досуг); организационные (плохая организация внеучебной работы в вузе, неудовлетворительная работа культурных учреждений города).

Самый влиятельный фактор – *материальный* (его отметил каждый третий респондент). Его воздействие сказывается прежде всего на содержании досуговых занятий, их культурной направленности. Напомним, что на отсутствие денежных средств для посещения выставок, концертов, спектаклей указало более половины респондентов. Материальный фактор занимает ведущую позицию во всех подмассивах, но проявляются и некоторые различия. Наибольшие материальные затруднения испытывают студенты технических специальностей. Особенно значимы они для семейных студентов и студентов, проживающих в общежитии (что связано с их общим более низким материально-бытовым статусом).

Для каждого четвертого респондента проблема организации досуга сводится к банальной и – одновременно – серьезной проблеме – *нехватке свободного времени*. В большей мере это характерно для студентов гуманитарного профиля. Одна из причин (по определению самих респондентов) – необходимость совмещать учебу с работой. У «гуманитариев» удельный вес данной позиции самый высокий. Нехватка свободного времени – один из самых неблагоприятных факторов для семейных студентов.

Коммуникативные, межличностные факторы занимают важное место в ранговой шкале. Распространена неудовлетворенность узостью круга общения (*«нет подходящей компании»*). Бóльшая избирательность в общении свойственна студенткам, а также представителям социально-экономических специальностей. Примечательно и то, что среди студентов, реже других ссылающихся на отсутствие «подходящей компании», – семейные студенты и студенты, проживающие в общежитии.

В число значимых факторов попадает и отсутствие у студентов навыков планирования своего свободного времени. На *неумение*

организовать свой досуг чаще ссылаются студенты – будущие педагоги и инженеры.

Позитивный момент – крайне редко среди негативных факторов отмечаются недостатки *в организации внеучебной работы в вузах*. Чаще других неудовлетворенность организацией внеучебной работы отмечается студентами, проживающими в общежитии. Скорее это – даже не неудовлетворенность реальным уровнем ее организации, а своеобразное пожелание – необходимо перенести центр внеучебной работы со студентами в общежитие.

Чем заполнен досуг студента? Исследования отражают преобладание в досуге студентов *стихийных, неорганизованных форм проведения*. Поскольку каждый респондент отмечал несколько наиболее предпочитаемых занятий, можно отметить, что досуг характеризуется *комбинаторностью*, сочетанием различных занятий и увлечений. Как в целом, так и в отдельных группах, модель досуговой деятельности сориентирована в основном *на потребление культурных ценностей* – «слушаю музыку», «смотрю телевизор», «читаю» и т. п. Большой разброс оценок свидетельствует о том, что *реактивные (отдых) и развивающие* формы досуга представлены в равной мере.

Какое место в культурном досуге студентов занимает *общение с искусством*? Вопрос о предназначении искусства неоднозначен. С одной стороны, его можно рассматривать как вид познания. Однако, очевидно, что все общее, закономерное, что отражает искусство, может познать и наука. Кроме того, суть искусства не в том, что оно дает нам определенные знания о жизни, хотя оно делает и это, а в том, что оно заставляет нас переживать отраженные явления, эмоционально настраивает на отношение к ним, что является эстетической функцией искусства – приносить эмоциональное наслаждение, связанное с созерцанием вещей, с постижением их красоты.

Через рациональное и эмоциональное постижение объективной реальности в искусстве формируется определенное мироотношение, позиция. Искусство способно формировать целостную личность, воздействовать на чувства, разум, волевые установки. Оно творит духовное начало в человеке, формирует и развивает полноценную личность. Искусство при этом не просто воспитывает, оно пробуждает Человека в человеке, т. е. гуманизирует личность.

Искусство способно оказывать глубинное воздействие на психику человека в силу своей чувственно-образной природы. Оно очеловечивает ощущения и эмоции, возвышает чувства, наполняет их интеллектуальным содержанием, делает их эстетически привлекательными.

Выбор тех или иных слоев актуальной культуры, конкретных произведений является, с одной стороны, индикатором уровня культуры и, с другой стороны, эти произведения формируют сам уровень культуры и определенные потребности в сфере искусства.

Какие же виды искусства наиболее привлекают студентов стран ШОС?

Таблица П.3

Какие виды искусства более всего интересуют, привлекают?

Значение	РФ	РК	КР	РТ
Музыка	51	37	41	42
Кино	50	42	25	40
Танец	28	22	23	7
Литература	21	13	12	7
Фото	21	7	3	4
Театр	19	11	5	9
Изо	13	5	3	7
Эстрада	6	10	3	6
Цирк	5	1	6	6

Итак, на современном этапе для студенчества стран ШОС в целом наиболее привлекательными (отмечен в среднем – каждым вторым) видами искусства являются музыка и кино. Следующим по значимости видом искусства (для каждого четвертого) является танец, несколько менее значимыми выступают литература (для каждого пятого), художественная фотография и театр (каждый отмечен 1 из 6 респондентов). Наименее востребованными и привлекательными оказались изобразительное искусство, эстрада и цирк.

Такое распределение предпочтений можно считать вполне закономерным, если исходить из возраста изучаемой группы (музыка и танцы привлекают прежде всего молодежь, и не только студенческую) и характеристик современного кино: зрелищность и информативность, доступность (помимо просмотра фильмов в новых

кинотеатрах фильмы доступны и дома, как на телевидении, так и в компьютере). Вдобавок к этому отметим широчайший ассортимент кинопродукции как в специализированных магазинах и на нелегальных «развалах», так и в Интернете), дешевизна (специальные скидки в кинотеатрах, дешевые DVD-диски, минимальная стоимость трафика Интернета при высокой скорости, распространенная практика обмена фильмами в молодежной среде). Литература, художественная фотография и театр существенно уступили в предпочтениях прежде всего потому, что это жанры, предполагающие более активное освоение действительности и реализации в этих жанрах определенного опыта: высокого интеллекта, эрудиции, определенного эстетического знания и специальной подготовки.

Характеризуя предпочтения респондентов отдельных стран, необходимо отметить следующее. У респондентов из РФ предпочтения в основном совпадают с общими оценками. Правда, они – в сравнении с респондентами из других стран – проявляют более повышенный интерес к литературе (в 1,5 раза – в сравнении с респондентами из РК; в 3 раза – в сравнении с респондентами из РТ) и изобразительному искусству (почти в 3 раза – в сравнении с респондентами из РК). Для респондентов из РК кино оказалось важнее, чем музыка; для респондентов из КР значимость музыки превосходит почти вдвое значимость кино, а кино и танец стоят практически на одной ступени. Респонденты из Таджикистана в качестве наиболее предпочтительных выделили только музыку и кино, предпочтение ко всем остальным видам искусства проявили среди них от 4 до 9 %.

Музыка занимает значительное место в образе жизни, в культурных предпочтениях современной молодежи. Лишь 12 % опрошенных студентов стран ШОС оценивают значение музыки в своей жизни как незначительное. Зато 38 % считают, что она играет большую роль, а половина респондентов «не может жить без музыки». Такая общая установка подкрепляется и ответами на вопрос о частоте прослушивания музыки – лишь 8 % опрошенных слушают ее нерегулярно, от случая к случаю. Остальные слушают музыку почти ежедневно; практически каждый день. Причем большинство предпочитает делать это в домашней обстановке с помощью магнитофона или проигрывателя компакт-дисков. Вторым по

популярности способом прослушивания музыки является посещение различных концертов. Можно предположить, что такой интерес к «живому» звучанию связан с ростом требований к качеству прослушиваемой музыки.

Что привлекает молодежь в музыке? Почти треть респондентов используют ее как средство поднятия настроения, каждый четвертый ищет в ней средство расслабления, эмоциональной и психологической разгрузки, для каждого четвертого наиболее значимо качество музыки (мелодичность, звучность, певучесть), для каждого восьмого – в основном ритм. В целом студенты видят в ней прежде всего возможность потанцевать (каждый третий), возможность для развлечения (каждый третий), отвлечения и ухода от реальной действительности (каждый пятый). Немногих привлекает нестандартность исполнения (8 %). Видят возможным реализовать свои музыкальные способности через молодежную музыку 5 % респондентов, столько же считают ее увлечением возраста, еще 4 % считают ее формой протеста и всего лишь 1 % рассматривают молодежную музыку как форму проявления любви к кумирам. Вместе с тем равнодушное отношение к современной молодежной музыке высказали 15 % ответивших. Очевидно, для них предпочтительнее какие-то другие музыкальные жанры.

Музыкальные предпочтения студенческой молодежи отличаются достаточно большим разнообразием – жанровым и стилевым. Судить об этом можно по результатам мониторинга екатеринбургских студентов (см. рис. П.2).

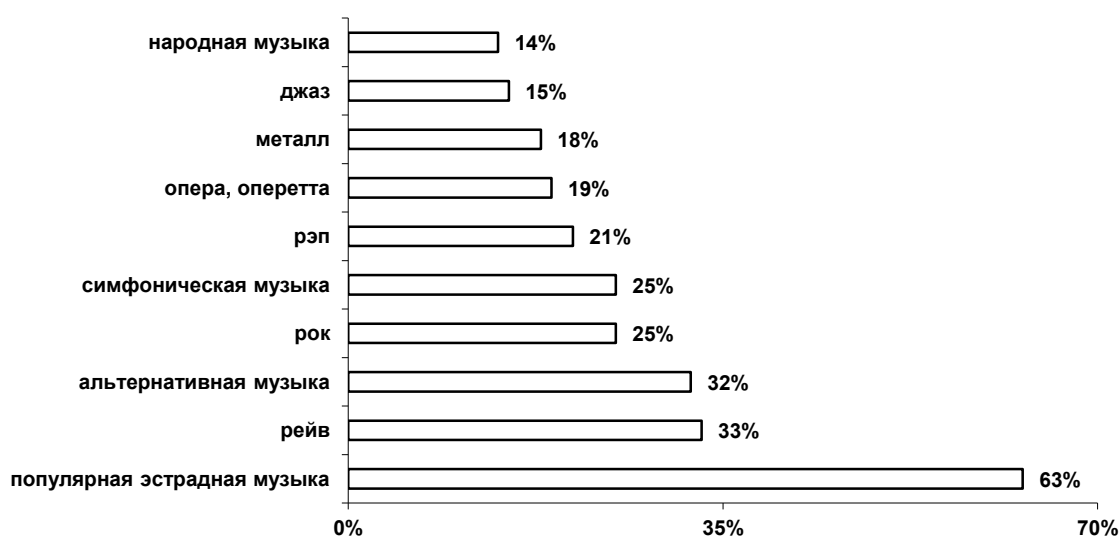

Рис. П.2. Какие жанры музыки вас привлекают?

Не менее разнообразен и выбор стилей современной музыки, каждый из которых нашел своих сторонников (техно – 40 %; гранж и хардкор – 17 %; хэви-металл – 19 %; арт-рок – 14 %; панк – 8 %). Все это говорит о достаточно большой дифференциации музыкальных вкусов студенческой молодежи. Но это разнообразие музыкальных вкусов не следует понимать очень широко. Если сравнить стилевую принадлежность большинства групп и исполнителей, то становится заметно, что большинство из них – представители все той же популярной эстрады, электронной танцевальной музыки и других массовых коммерческих направлений.

Музыкальное искусство – это сфера особого мышления, способ моделирования облика мира присущими этому виду искусства средствами. Музыкальные звуки сопровождают нас на протяжении всей жизни. Всем известно, что музыка способна дарить минуты радости. И более того, существуют такие состояния, при которых мелодии оказываются наиболее эффективным средством воздействия на организм. Гениальные наблюдения древних ученых приобрели научно обоснованный характер в XIX–XX вв. Великий русский психолог В. М. Бехтерев разработал ряд методических приемов. Так, он рекомендовал, чтобы вывести человека из того или иного настроения, надо сначала дать ему прослушать мелодии, соответствующие этому настроению, затем постепенно сменить характер музыки в соответствии с желательной переменой в

настроении. На основании опыта ученый утверждал, что наиболее сильный и ярко выраженный эффект дает однородная по своему содержанию музыка.

Воздействие музыки на человека происходит одновременно на абстрактно-логическом, художественно-событийном, подсознательно-интуитивном, биологическом уровнях, т. е. уникальность воздействия проявляется в многоаспектном влиянии на душу и тело. Кроме того, музыка воздействует на эмоциональную сферу восприятия, помогает открывать красоту окружающего мира, способствует интенсивной работе его фантазии и памяти, формированию его характера, помогает более глубоко и чутко относиться к жизни. Очень большую эмоциональную силу, требующую от слушателей сопереживания и нервного напряжения, имеют симфонические (симфонии, оратории, кантаты и т. п.) и джазовые (джаз-рок джаз-модерн и т. п.) произведения. Музыка обладает способностью захватывать своим ритмическим строем. Оказывается, музыку наш мозг воспринимает одновременно обоими полушариями: левое полушарие ощущает ритм, а правое – тембр и мелодию. Ритмы музыкальных произведений лежат в диапазоне от 2,2 до 4 колебаний в секунду, что очень близко к частоте дыхания и сердцебиения. Организм человека, слушающего музыку, подстраивается под нее. Кстати, музыка благотворно действует не только на человека, но и на животных и даже на растения. Как выяснили ученые, это прежде всего классические произведения. Причем от каждой конкретной болезни помогают вполне определенные композиции. Успокоиться помогут «Колыбельная» Брамса, «Свет луны» Дебюсси, «Аве Мария» Шуберта, мазурки и прелюдии Шопена, вальсы Штрауса. «Лунная соната» Бетховена, «Симфония» Гайдна, «Итальянский концерт» Баха избавят от неврозов и раздражительности. Кровяное давление и сердечную деятельность приведет в норму «Свадебный марш» Мендельсона, «Ноктюрн ре-минор» Шопена.

Достаточно широко распространено мнение о сокращении доли «высокого» искусства и наступлении массового искусства в период трансформации общества. Сторонники «высокого» искусства противопоставляют себя эстраде, свысока относясь к джазу, блюзу, року, поп, техно-, хаус-музыке. Для описания музыкальной культуры масс-медиа используются термины с оценочным характером: «третий» пласт, легкожанровая, низкопробная музыка и т. п. Под

категорию развлекательного музыкального искусства попадает концептуальный рок, интеллектуальный джаз (кул, фьюжн, авангард). Вместе с тем выше обозначенные стили современного искусства наследуют лучшие традиции англо-кельтского, саксонского и скандинавского фольклора, с одной стороны; с другой – во многом определяют ритм и стиль жизни, отражая окружающую действительность. Данное оппозиционное стереотипное представление не способствует решению актуальных задач. Демаркационную линию необходимо проводить не между жанрами, основываясь только на форме представления. Основой должен быть содержательный критерий – о чем говорит музыка, какие вопросы она ставит и т. п.

Жанр, стиль – это форма, которая может сыграть роль «троянского коня», содержащего определенные ценности, не всегда анализируемые и осознаваемые. Превалирование формы над содержанием, оппозиционность жанров, стереотипные представления о предпочтительности жанров, характеристики молодежи как социальной группы (большая степень влияния референтных групп) в современных российских условиях представляют достаточную опасность.

Широкая представленность всех видов и жанров, содержащих осознаваемые смысло-жизненные ценности, – это объективное условие для формирования мировоззренческой позиции, осуществления действительного выбора и удовлетворения потребностей в соответствии с субъективными особенностями студента. На основе реакции слушателей, предопределяемой «объективными структурными свойствами музыки», Т. В. Адорно в социологии музыки выделяет определенные типы слушателей, которые, несомненно, являются субъективными факторами формирования предпочтений и потребностей.

«Первый тип – *эксперт*. Сознательный слушатель, от внимания которого не ускользает ничто и который в каждый конкретный момент отдает себе отчет о том, что слышит. Его горизонт – конкретная музыкальная логика ..., в технических категориях существенным образом раскрывается смысловая связь целого.

Второй тип – *эмоциональный слушатель*. Его отношение к музыке не стороннее, выбор основан на собственной ментальности. Слушание музыки – средство высвобождения и получения эмоций ...,

источник иррациональности, который позволяет что-то чувствовать человеку, погруженному в рациональную машину повседневности.

Третий тип – *развлекательный*. Музыка для него – не смысловое целое, а источник раздражителей. Здесь играют роль элементы эмоционального и спортивного слушания, но все в целом поглощено и опошлено потребностью в музыке как в комфорте, нужном для того, чтобы расслабиться. На данный тип рассчитана вся индустрия культуры – потому ли что она приноравливается к нему в согласии со своей собственной идеологией, или потому, что сама творит его и извлекает из масс»⁵. Окружая слушателей со всех сторон, погружая их в свою атмосферу, музыка превращает их в участников одного процесса, вносит свой идеологический вклад в то дело, которое неустанно осуществляет современное общество.

Средства массовой коммуникации в информационном обществе создают содержание современной культуры, являются основным культууроформирующим элементом современности в силу не только доступности, но и количественной распространенности. Телевидение, Интернет, радио и пресса представляются наиболее мощными средствами влияния на молодежь. Опыт, накопленный обществом, индивид усваивает прежде всего через общение и деятельность в качестве члена определенной социальной общности – семьи, классного коллектива, группы «по интересам» и т. д. Роль взрослых в демонстрации образцов поведения (как позитивных, так негативных) является ведущей.

Последнее десятилетие характеризуется существенным усложнением общественных отношений. Количество и форма социальных связей претерпевают заметные изменения. Важным аспектом усложнения общественной жизни, способным привести к негативным последствиям, является возникновение огромного количества разнообразных демонстраций «успешных взрослых», т. е. тех, кто может служить своего рода ориентиром, примером для подражания, а средствам массовой коммуникации, в особенности телевидению, отводится первостепенная роль в их демонстрации. Молодому человеку приходится выбирать из множества разнообразных образцов, многие из которых далеки от того, что

⁵ Адорно Т.В. Избранное: социология музыки. М., СПб., 1999.

можно считать положительными примерами.

Являясь одним из инструментов социализации, *телевидение* во многом определяет те образцы поведения, которым склонны подражать молодые люди. Это делает телевидение мощным инструментом социального управления и формирования различных социальных норм. В условиях сегодняшней коммерциализации телевидения содержание большей части фильмов и телепередач определяется безотносительно к целям образования, стимулирования развития личности, социализации. Их главная цель – развлечение, расширение зрительской аудитории в целях извлечения максимальной прибыли.

Телевидение выполняет различные функции в жизни студентов. По оценкам свердловских студентов, для них наиболее значимы развлекательная (43 %) и информационная (43 %) функции телевидения, образовательную функцию отметили лишь 10 %, воспитательную – лишь 4 %. Современная ситуация, сложившаяся в стране, оказывает влияние на зрительские симпатии студентов. Сегодня телевидение явно делает ставку на программы развлекательного характера, а образовательный, просветительский аспект уходят на второй план. Зрительская аудитория в какой-то мере формирует сетку телепередач. Можно проследить взаимосвязь между тем, что интересует и волнует сегодня телезрителей-студентов в жизни, и тем, что выходит на голубой экран. Но и тех, кого привлекают и содержательные, актуальные передачи, немало. Что хотели бы видеть на телеэкранах молодые люди, каких передач или рубрик им прежде всего не хватает: просто музыки (40 %); познавательных передач (32 %); мультфильмов (20 %); музыкальных передач (8 %).

Примечательно и то, что телевидение для студентов выступает прежде всего способом просмотра кинофильмов. Это отразил опрос студентов стран ШОС.

Таблица П.4

Телевизионные предпочтения студентов стран ШОС (в % от ответивших)

Значение	РФ	РК	КР	РТ
Кино	38	23	13	15
Развлекательные	22	19	14	9
Информационные	22	23	14	18
Редко смотрю	20	9	8	11
Музыка	17	23	18	18
Спорт	17	11	9	12
Научно-популярные	17	11	8	9
Телешоу	15	17	24	10
Сериалы	11	10	5	7
Документальные детективы	10	8	8	6
Политические	8	4	3	8
Аналитические	6	3	1	4
Экономические	5	5	7	3
Искусствоведческие	4	2	2	1

Психологически действие в фильме воспринимается как нечто достоверное. Процесс восприятия характеризуется такими свойствами, как эффект участия в экранном действии, идентификация (отождествление) с героем, проекция (перенесение) психологических состояний на экранные образы, что вызывает повышенную эмоциональность зрителя, чувство глубокого удовольствия. При восприятии фильма складываются благоприятные условия для приведения в действие важнейшего психологического механизма социализации – подражания, имитации и идентификации человека с героями в так называемой посткоммуникативной фазе, т. е. в реальной жизни, после того как экран погас.

Особую роль в формировании мировоззрения играет содержание индивидуального репертуара. Фильмы и передачи, которые выбирает молодой человек, на какое-то время определяют, с одной стороны, круг событий, которым он сопереживает и о которых думает, а с другой – конкретное содержание возникающих у него чувств и мыслей. Формируя индивидуальный репертуар, он в известной степени сам конструирует некий иллюзорный социальный мир, в который он погружается, чтобы провести там немалую часть

своей эмоционально насыщенной жизни.

Таким образом, необходимо отметить, что нельзя недооценивать роль телевидения в современном мире. Телевидение зачастую создает образ жизни молодежи, структуру его свободного времени, оказывает воздействие на формирование ее мировоззрения. Студенчество стран ШОС в целом среди телевизионных передач более всего привлекает кино (каждый третий), затем с большим отрывом следуют информационные передачи (каждый пятый), развлекательные (каждый пятый) и музыкальные (почти каждый пятый), что в общем соответствует предпочтениям студентов по отношению к различным видам искусства. Следующими по значению студенты выделяют научно-популярные, спортивные программы и телешоу (по 15 %). Прочие жанры – аналитические, политические, экономические и т. п. – интересуют от 4 до 11 % респондентов.

При этом студенты стран ШОС в целом редко смотрят телепередачи (что отмечено в ответах каждого пятого). На последних этапах мониторинга свердловских студентов (2007, 2009 гг.) также зафиксировано постепенное снижение роли телевидения и возрастание роли Интернета.

Теперь посмотрим, как студенческая молодежь относится к кино. Кинофильмы 1930-1950-х гг. обладали в свое время притягательной силой, эмоциональной заразительностью. Среди них были и шедевры мирового кино, непритязательные комедии и откровенные «сказки» с их райским благоденствием. Для поколения этих лет кино было единственным искусством, открывающим путь в мир прекрасного, как канал художественной информации оно стало по-настоящему массовой культурой. В 1960-е гг. появилось другое кино — искреннее, с высокой романтикой чувств и стремлений, которое быстро завоевало сердца новых поколений кинозрителей. В 1970-е гг. в связи с широким распространением телевидения, радиоприемников, магнитофонов, а сейчас уже и видеоманитофонов потребление культуры все больше одомашнивается. Кинотеатры посещают все меньше и меньше людей. Причина и в том, что появилось больше возможностей в выборе форм проведения свободного времени. С другой стороны, рост образованности и культуры личности привел к повышению требовательности, которая не позволяет мириться с кинематографическим «ширпотребом».

Тем не менее молодежь *продолжает ходить в кино*. Это

объясняется тем, что репертуар кинотеатров направлен прежде всего на молодежь: молодые герои, тематика и жанры фильмов, динамизм сюжетов – все рассчитано на особенности молодежного возраста, его эмоционально-чувственное отношение и стремление к развлекательности. Если учесть, что преобладающее большинство фильмов – это зарубежные киноленты (эротические, полицейские, боевики), то можно прийти к печальному выводу: эти картины только для того, чтобы развлечь зрителя. Кинематограф сегодня не в полной мере выполняет свои важнейшие воспитательные функции, поэтому и зрителями воспринимается как развлечение и возможность рекреации (восстановления сил). Конечно, потребность в развлекательном кино должна быть удовлетворена, но не в ущерб художественности. Развлекая, надо воспитывать, поднимать уровень художественной культуры молодежи. Сложилась ситуация, что даже из представителей молодежи в кино ходит самый невзыскательный зритель – подростки и юноши раннего возраста. Более требовательная аудитория ищет альтернативное кино, и в этом виновата репертуарная политика кинотеатров, рассчитанная на «кассовые» фильмы. Причем мнения взрослых не всегда совпадают с ориентациями молодежи, которая хочет видеть в кино себя, но не с внешней стороны, а внутреннюю сущность и во взаимоотношениях со взрослыми. Посещение молодежью кино определяется не только выбором соответствующего репертуара, но и потребностью в общении со сверстниками, что чрезвычайно важно в юношеском возрасте.

Кино для молодежи – не столько возможность контакта с искусством, сколько возможность коллективного сопереживания, эмоционального, дружеского общения. Именно межличностное взаимодействие является определяющим и при выборе фильма. Обмен мнениями, оценками способствует формированию групповых норм, оценок и в то же время порождает неkritичность в выборе, которая чаще обусловлена внешними факторами (советы друзей, рецензии, реклама и т. д.), чем внутренними устойчивыми потребностями и интересами. Есть различия в предпочтениях того или иного жанра среди разных социальных групп молодежи. Одних интересуют кинокомедии и приключенческие фильмы, других – полицейские боевики, некоторые студенты тяготеют к современной психологической драме.

При этом больше ценятся зарубежные фильмы. В художественной структуре самого фильма первостепенное место занимает игра актера, затем тема и проблема. Режиссера чаще всего не знают, что свидетельствует о развлекательной направленности при выборе кино. Во многом это обусловлено возрастными особенностями мировосприятия, групповыми стереотипами, отсутствием развитой системы организации свободного времени молодежи, позволяющей влиять на вкусы, развивать и повышать уровень зрительского восприятия»⁶. Изучение предпочтений студентов стран ШОС, касающихся жанров фильмов, показало, что они не выходят за рамки предпочтений в сфере искусства.

Таблица П.5

Предпочитаемые жанры кинофильмов студентов стран ШОС,
в % от числа ответивших

Значение	РФ	КР	РК	РТ
Комедии	60	41	33	29
Детективы	19	13	13	7
Исторические	24	18	16	22
Мелодрамы	25	19	20	6
Фантастика	19	9	6	10
Классика	14	6	3	2
Ужасы	24	20	10	7
Эротика	7	5	3	8
Научно-популярные	11	7	4	7
Мультки	21	8	4	4
Музыка	9	8	10	6
Документальные	18	11	7	10
О восточных единоборствах	4	4	5	4
Смотрю редко	6	6	5	13

Главенствующую роль занимают развлекательные жанры. Наибольшей привлекательностью среди студентов в целом пользуются комедии (55 %), далее следуют фантастика и мелодрамы (по 23 %) и ужасы – 22 %. Особого различия между предпочтениями студентов изучаемых стран не выявлено, с той лишь оговоркой, что для российских студентов определенную привлекательность имеют

⁶ Михайлова Л.И. Социология культуры: учеб. пособие. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 203-205.

мультфильмы (21 %), которые, впрочем, относятся к развлекательным жанрам.

Еще недавно интерес к художественной литературе преобладал над интересом к другим видам искусства. Сегодня он уступает просмотру телепередач. Но тем не менее чтение является одним из значимых занятий в сфере свободного времени молодежи, которую особенно привлекает слово публициста. В свое время недоступность широкой молодежной публике критического печатного слова вызвало появление «самиздата», сокращение тиражей привело к распространению книг на «черном рынке». Попытки ограничить подписку на популярные периодические издания породили общественное негодование.

Сейчас, к сожалению, наблюдается иная картина: многообразие и обилие книг, подписных изданий, периодической печати, но значительно меньше стало подписчиков и читателей. Россия, некогда считавшаяся самой читающей страной, похоже, перестает быть таковой. Большинство людей не могут позволить себе подписаться на ставшие дорогими газеты, журналы, стали разборчивыми в выборе книг. Раньше брали любую книгу, какая только появлялась, теперь долго смотрят, выбирают и не всегда покупают, даже если очень хочется. Молодые люди раньше по вечерам чаще читали, теперь же сидят у телевизоров, смотрят телепередачи или теле- и видеофильмы сомнительного качества, рассчитанные на низкий художественно-эстетический вкус. Романтический образ читателя, склонившегося в уединении над книгой, все больше уходит в прошлое. Молодежь читает все меньше, к тому же не классику, а больше «дешевую» бульварную, а в лучшем случае — залежавшуюся на полках, запрещенную в свое время литературу. Но и это уже уходит в прошлое.

В отношении современной молодежи к чтению социологи выделяют четыре основные тенденции:

1) несовпадение интересов и знаний – лучше известна классика из школьной программы, но больше привлекает современная литература;

2) внимание к творчеству писателей, выбор того или иного жанра определяются общей социокультурной ситуацией, происходящими в обществе процессами;

3) преобладает предпочтение тех произведений и авторов,

которых широко пропагандируют средства массовой коммуникации;

4) немаловажную роль в чтении молодежи играет подверженность групповым стереотипам, когда литературные интересы определяются модой, групповые предпочтения обуславливают индивидуальный выбор читателя»⁷.

Литературные предпочтения студентов стран ШОС в целом определяются следующими жанрами:

Таблица П.6

Литературные предпочтения студентов стран ШОС, в % от числа ответивших

	<i>РФ</i>	<i>РК</i>	<i>КР</i>	<i>РТ</i>
Детективы	23	24	22	10
Национальная классика	20	8	6	4
Фантастика	21	10	7	13
О моде, домоводстве, рукоделии	9	16	13	3
Историческая	16	14	9	15
Зарубежная классика	21	10	9	3
Психолого-педагогическая	15	14	9	6
О спорте	7	6	7	9
Справочная, словари	3	3	4	4
Техническая	6	4	2	32
Современная национальная проза	6	2	2	1
Естественнонаучная	5	4	5	2
Современная национальная поэзия	2	3	4	1
Экономическая	4	5	6	10
Политическая, социологическая, философская	9	7	1	6
Публицистика	9	6	2	2
Читаю редко	14	11	15	16

В целом предпочтения весьма определенные: детективы, фантастика, зарубежная и национальная классика. Существенное влияние имеет историческая литература и литература психолого-педагогического характера. Каждый седьмой читает редко. Для студентов различных государств литературные предпочтения укладываются в данную схему, с единственной оговоркой –

⁷ Михайлова Л.И. Социология культуры: учеб. пособие. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 202-203.

респонденты из Таджикистана указали на особую важность технической литературы (32 % – абсолютный пик значений, что связано со спецификой выборки), а респонденты из Казахстана – на литературу о домоводстве – 16 %. Группа редко читающих наиболее многочисленна среди респондентов из Таджикистана и Кыргызстана, минимальна – у респондентов из Казахстана.

Досуг – это совокупность занятий, выполняющих функцию восстановления физических и психических сил человека. Он включает в себя занятия, связанные с потреблением культурных ценностей индивидуального, коллективно-зрелищного или публично-зрелищного характера, а также занятия, связанные с отдыхом и развлечением, в том числе – это физически активный и пассивный отдых, общение, развлечение в компании, пустое времяпрепровождение, прогулки, занятия антикультурного характера (пьянство, азартные игры и др.), случайные занятия без целей, желаний и потребностей»⁸.

Источником культурной активности личности выступают потребности. «Их побудительная роль определяется противоречивым состоянием человека, контрастом между тем, что ему присуще в данный момент, и тем, чего недостает ему для нормальной жизнедеятельности сейчас и в будущем. Потребности раскрывают внутреннее состояние индивида, его желание овладеть определенными структурами внешней среды или же стремление придать им какие-то конкретные формы и качества»⁹.

Социализация средствами культуры осуществляется в соответствии с индивидуально-личностными потребностями, обусловленными социально-историческим процессом. Общество на разных этапах своего развития имеет неодинаковые потребности и выдвигает разные требования по отношению к ценностям и нормам, участвующим в социализации. В современных условиях в процессе социализации культура должна формировать человека, способного к активным новаторским действиям.

⁸ Михайлова Л.И. Социология культуры: учеб. пособие. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 302.

⁹ Михайлова Л.И. Социология культуры: учеб. пособие. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 302 - 303.

Содержание и характер социализации обусловлены социокультурной средой и активностью самой личности. Это взаимодействие проявляется на трех уровнях – общества, микросреды и собственного жизненного опыта. В процессе культурной активности человек усваивает социокультурную информацию общественно значимого характера, на уровне микросреды – ценности и нормы непосредственного ближайшего окружения, на третьем уровне происходит включение этих ценностей в общую систему собственного жизненного опыта, перевод их во внутренний план личности. Эти три уровня дают возможность понять механизм социализации и особенности формирования личности.

Потребность в самореализации побуждает человека к различным видам культурной активности в коллективных и индивидуальных формах. Причем многие удовлетворяют ее в коллективных формах деятельности, в которых участие отдельного индивида как бы сливается в единый процесс и результат, например, в художественно-исполнительском коллективе (хоровом и др.). Это характерно для людей, чья потребность в самовыражении недостаточно ярко выражена, уровень способностей и возможностей не вызывает стремления выделиться среди других. Высокоразвитая личность стремится к более яркому индивидуальному самовыражению в культурной деятельности и включается либо в камерные, либо авторские виды творчества.

Потребность в самореализации, самовыражении – одна из высших, связанная с творческой деятельностью по созданию культурных ценностей. Она проявляется как осознаваемая личностью внутренняя необходимость, тяга к формам культурной деятельности, требующим реализации имеющихся способностей, возможностей, своей индивидуальности, выражения своего восприятия действительности, мироощущения, своих мыслей и чувств в продуктах творчества.

Эта духовная потребность формируется на основе активной деятельности по освоению культурных ценностей в результате длительной работы по самосовершенствованию и развитию способностей. Степень ее развития у людей различна, у многих она слабо выражена, а иногда и вовсе отсутствует, что зависит от уровня развития и формирования личности, ее природных задатков и способностей.

В ходе проведенного исследования студентам стран ШОС был задан вопрос «Какие учреждения культуры и досуга ты посещаешь?»

Таблица П.7

Посещение стадионов, бассейнов, тренажерных залов студентами стран ШОС (в % от числа ответивших)

Частота посещения	РФ	РК	КР	РТ
Регулярно	27	26	15	22
Иногда	41	45	42	32
Практически никогда	32	30	43	46

Таблица П.8

Посещение культурно-спортивных комплексов студентами стран ШОС (в % от числа ответивших)

Частота посещения	РФ	РК	КР	РТ
Регулярно	13	21	12	9
Иногда	33	40	32	37
Практически никогда	53	39	57	54

Таблица П.9

Посещение досуговых центров студентами стран ШОС (в % от числа ответивших)

Частота посещения	РФ	РК	КР	РТ
Регулярно	8	21	5	4
Иногда	28	40	28	20
практически никогда	64	39	68	76

Таблица П.10

Посещение кинотеатров студентами стран ШОС (в % от числа ответивших)

Частота посещения	РФ	РК	КР	РТ
Регулярно	31	35	6	8
Иногда	55	48	34	30
Практически никогда	13	17	60	62

Таблица П.11

Посещение дворцов, домов культуры студентами стран ШОС (в % от числа ответивших)

Частота посещения	РФ	РК	КР	РТ
Регулярно	6	14	6	3
Иногда	26	41	32	24
Практически никогда	69	45	62	73

Таблица П.12

Посещение библиотек студентами стран ШОС (в % от числа ответивших)

Частота посещения	РФ	РК	КР	РТ
Регулярно	21	37	45	32
Иногда	44	41	38	39
Практически никогда	35	22	17	29

Заметна низкая степень посещаемости студентами в целом учреждений культуры. В абсолютном своем большинстве студенты практически никогда не посещают такие учреждения либо посещают их иногда. Ответ «практически никогда» имеет максимальные показатели применительно к таким учреждениям культуры и досуга, как художественные школы (80 %, в то время как регулярно их посещают только 5 %), филармонии (79 %, регулярно – 4 %), музыкальные студии (77 %, регулярно – 6 %) ДК (66 %, регулярно – 6 %) и досуговые центры (62 %, регулярно – 9 %). В меньшей степени «отвергнутыми» оказались галереи и выставки («практически никогда» – 53 %), культурно-спортивные комплексы (52 %), музеи (52 %) и театры (47 %). Лишь в трех случаях ответ «иногда» превышает значение «практически никогда». Это касается кинотеатров (иногда их посещают 53 % ответивших, регулярно – 29 %), библиотеки (43 % и 24 % соответственно) и стадионы (41 % и 26 % соответственно).

Если рассматривать предпочтения студентов отдельных стран, касающихся частоты посещений тех или иных учреждений культуры, то картина практически не меняется, за некоторыми исключениями. Так, 45 % ответивших студентов Кыргызстана посещают библиотеки регулярно, это единственная группа ответов, где данная величина превышает показатели «иногда» и «практически никогда». Все

остальные колебания носят минимальный характер и происходят между значениями «иногда» и «практически никогда».

Среди объективных причин данного факта нужно как минимум выявить наличие и функционирование учреждений культуры, а среди субъективных – финансовые возможности, географическую доступность и т. п. Но наиболее глубокая причина может быть вскрыта в историческом контексте.

Современные студенты – это школьники 1990-х гг. В советской школе была выстроена система с продуманными механизмами реализации различных направлений воспитательной работы. Трансформация общества сопровождалась разрушением системы воспитания в школьном образовании. Родители, отдельные энтузиасты продолжали данную традицию в 1990-е гг., но все это носило дискретный, фрагментарный характер. Кроме того, их деятельность осложняла деформация культурного пространства, количественное изменение презентаций слоев актуальной культуры. По оценке основателя Уральской социологической школы Л. Н. Когана, в тот период «власть в России фактически принадлежала тесно связанному с иностранными фирмами компраторскому финансовому и торговому капиталу... Компраторская финансово-торговая буржуазия стремится подчинить себе культуру. Это осуществляется двумя путями: 1) субсидирование близкой и понятной ей культуры; 2) создание своей собственной субкультуры... Соответственно они поддерживают проповедь насилия, секса в культуре. Их личные вкусы совпадают с коммерческими соображениями – пропагандой зарубежной массовой культуры в ее наихудшем, «кичевом» варианте. Кризис культуры является не только отражением, но и составной частью кризиса современного российского общества»¹⁰.

На современном этапе актуализируется задача преодоления деструктивных последствий разрушения системы школьного воспитания путем создания системы воспитания в вузе с учетом специфики студенческой среды.

Основой традиционной модели университета, сформированной еще в средние века, являлись фундаментальный характер знания и его гуманистическая направленность. Абсолютизация одного из данных

¹⁰ Коган Л. Н. Культура «коммерческого феодализма» // Культура и рынок: тезисы докладов Международного симпозиума в г. Екатеринбурге 27 мая 1994 г. Екатеринбург, 1994. С. 149.

оснований девальвирует сущность образования. Системные, глубокие знания – это качественно разработанный инструмент, метод преобразования мира. Необходимость овладения фундаментальными (для чего, каковы последствия деятельности) и операциональными (каким образом этого достичь) знаниями несомненна. Но «декартовский плен» («я мыслю, следовательно, я существую»), породивший сциентизм, явился основанием для деятельности человека. XX век доказал методологическую несостоятельность сциентистского мировоззрения. На всем его протяжении нарастало чувство абсурдности бытия. Технический и научный прогресс резко усилился, но обнаружил свою полную отрешенность от забот и тревог, которые обуревают человека в его повседневной жизни. «На душу населения чести, мужества и счастья не прибавил, не убавил наш технический прогресс»¹¹. Обострились старые, появились новые глобальные проблемы человечества. Инструменты, разработанные наукой, использовались не только для прогресса, но и для разрушения. Для стабилизации современного общества и его дальнейшего прогрессивного развития универсальные, фундаментальные знания должны быть дополнены соответствующим гуманистическим мировоззрением.

«Студенчество, представляющее будущую интеллектуальную элиту, распадается на интеллектуалов и интеллигентов. И те, и другие обладают образованностью и креативностью, что объединяет их в интеллектуальном слое. Различаются же они этическим самоопределением: интеллигентность понимается ныне как человечность в эпоху капитала и компьютера. Интеллектуал руководствуется следующими нормами: а) эгоистическая направленность; б) допустимость насильственных действий по принципу «цель оправдывает средства»; в) утилитарное потребление культуры»¹². Мировоззрение интеллигента базируется на альтруистической направленности, отказе от насилия, признании гуманизма в качестве магистрального пути развития человечества,

¹¹ Дольский А.А. Прощай, XX век // Соч.: Стихотворения. М., 2001. С. 135.

¹² Соколов А.В. Интеллектуально-нравственная дифференциация современного студенчества // Социс. 2005. № 9. С. 96.

приобщения к аккумулятивному опыту человечества (культуре) как основе и источнику развития. Потрясения XX в. актуализируют воспитание и увеличение удельного веса интеллигентов в обществе.

Мониторинг екатеринбургских студентов зафиксировал изменения в структуре досуга.

Таблица П.13

Структура досуга студентов в динамике 1995–2009 гг. (% от ответивших)

Досуговые предпочтения	Год				
	1995	1999	2003	2007	2009
Прослушивание музыки	53	58	52	55	52
Просмотр телепередач, видеофильмов, DVD	40	43	29	24	24
Чтение	51	43	37	41	39
Посещение дискотек	-	34	28	23	21
Посещение (организация) вечеринок	52	31	23	23	21
Посещение театров, кинотеатров, выставок	48	29	28	36	40
Занятие спортом	49	32	34	35	33
Выезды на природу, туризм	57	35	36	37	35
Занятие компьютером	13	17	21	25	30
Занятие сексом, романтические встречи	47	46	38	37	34
Занятие общественной работой	-	-	3	4	6
Ничегонеделанье	-	-	22	28	24
Хобби, любимое дело	25	15	21	21	34
Занятие художественной самодеятельностью	-	-	3	3	7

Как видим, динамика досуговых предпочтений студентов вполне предсказуема, отражает изменения образа жизни россиян вообще. *Меньше стали смотреть телевизор* – кого теперь телевидением удивишь! *Меньше читать стали* – Интернет заменил книги и библиотеки. Стали меньше устраивать вечеринки – так, в 1995 г. только у кого-нибудь из друзей «на дому» и была возможность общаться. Зато сегодня сеть учреждений развлекательного досуга поражает разнообразием. К сожалению, очевидна *негативная динамика занятий спортом*. Вероятно, сказывается материальная недоступность этих занятий для

большинства молодежи. Некогда приоритетное для государства развитие массового молодежного спорта сегодня лишь воспоминание. Следует учесть также, что на 1990-е гг. пришелся пик моды на восточную культуру, в том числе ультра-мода на занятия восточными единоборствами.

Студент–2009 почти вдвое реже студента-1999 посвящает досуг общению с природой, зато более чем в два раза посвящает свободное время компьютеру. Виртуализация свободного времени – отражение виртуализации жизни молодого человека вообще. Хорошо это или плохо – вопрос запоздавший. Сегодня многие ученые разных предметных областей бьют тревогу, описывая негативные последствия увлечения детей и подростков виртуальным миром. Однако число молодых людей, реальной жизни предпочитающих «нереальную», растет.

Наблюдается *позитивная динамика общественных занятий*, в структуре досуга студенческой молодежи *возрождается художественная самодеятельность*. Похоже, кризис депопулярности культурных учреждений преодолен, *молодые люди вернулись в театры*.

Гендерные отличия в структуре досуга опрошенных традиционны: девушки, находящиеся в активном брачном поиске, свойственном этому возрасту, чаще выбирают занятия, связанные с «выходом в свет» (дискотеки, посещение культурных учреждений). Молодые люди этого возраста с увлечением занимаются спортом, компьютером, в два раза чаще девушек – общественной работой. Отношение к занятиям сексом – показатель полового диссонанса молодых людей в этом возрасте: юноши гораздо в большей степени девушек увлечены сексом.

Как отмечалось на предыдущих этапах мониторинга, специфика анализа удовлетворенности той или иной деятельностью (в данном случае – досугом) в том, что величина её представляет своеобразную дробь, в числителе которой реальные характеристики этой деятельности (условия и содержание), а в знаменателе – запросы личности.

Молодежный досуг достаточно автономен от социокультурных условий. Состояние инфраструктуры культурной сферы ни города, ни вуза практически не влияют на удовлетворенность досугом. В группе тех, кто полностью удовлетворен своим досугом, главная его помеха

– нехватка свободного времени, а вот те, кто не удовлетворен полностью, либо отчасти, своим временем – главное, что мешает – материальные трудности.

Долгое время доступность культуры для населения была отличительной особенностью и неоспоримым преимуществом нашего общества. За годы реформ в области культуры произошло немало перемен как позитивных, связанных с демократизацией культуры и искусства, снятием идеологических запретов и ограничений, поиском современных форм культурного обслуживания, так и негативных. Одним из разрушительных для отрасли является *снижение уровня доступности культурных благ* для многих категорий населения. Падение жизненного уровня и одновременно рост цен на билеты отрицательно сказались на посещаемости театров, концертных залов, музеев.

Эти и многие другие деструктивные процессы существенно сократили для многих социальных групп возможности для удовлетворения их культурных потребностей. В этой связи проблему доступности культурных благ, затрагивающую интересы многих россиян, безусловно, следует отнести к разряду весьма актуальных.

Культурные явления и процессы, как правило, непредсказуемы, часто не имеют объективных критериев оценки, описываются в основном субъективными характеристиками. Возникает потребность в комплексном изучении ценностных ориентаций и социокультурных установок населения, их всестороннем учете при принятии управленческих решений по регулированию культурных процессов.

В особом внимании со стороны государства нуждаются проблемы развития, защиты и поддержки культурных интересов и потребностей молодежи по ряду причин. Во-первых, молодежь – это один из главнейших ресурсов социального развития. А это значит, что от того, насколько культурным, образованным, духовно и нравственно развитым является сегодня молодое поколение, завтра во многом будет зависеть уровень развития нашего общества и качество жизни. Во-вторых, юношеский период – очень важный этап в жизни личности, время ее становления и самоопределения. В-третьих, молодежь – один из наименее социально защищенных слоев, особенно в условиях полярного расслоения современного российского общества по уровням дохода.

В настоящее время все большее внимание ученых привлекают проблемы молодежного досуга. Во многом это диктуется масштабом тех изменений, которыми характеризуется эта область жизнедеятельности. Становится возможным говорить о возрастающей роли досуга для молодежи и, как следствие, об увеличении его влияния на процесс социализации молодого поколения. Повышенный интерес к социологическому исследованию досуга определяется также изменениями содержания и структуры досуга под воздействием социокультурных трансформаций, произошедших в нашей стране (смена ценностных установок российской молодежи, развитие социальной инфраструктуры, появление новых информационных технологий).

Подобное исследование было проведено и среди украинских студентов. В какой мере выявленные нами досуговые ориентации российских студентов сходны с досуговыми ориентациями украинских студентов?¹³

Занятие спортом представляется важной формой досуга, позволяющей сохранять и развивать физическое здоровье. Этот тезис находит понимание у студентов. Тех, кто практически не занимается спортом, в обоих вузах мало – 13 % в Харькове и 8 % в Екатеринбурге. Половина всех студентов занимается спортом ежедневно или несколько раз в неделю, еще четверть – несколько раз в месяц. Это утверждение справедливо для обоих вузов, причем студентов Харьковского национального университета (ХНУ), находящихся возможности для ежедневных спортивных занятий, почти вдвое больше, чем в УрФУ (15 % и 8 % соответственно). Аналогичная картина зафиксирована при анализе спортивно-оздоровительных занятий.¹⁴

¹³ Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2012. 347 с. С. 324–345.]

¹⁴ Здесь и далее значения в диаграммах указаны в % от числа ответов респондентов, определившихся по каждому из параметров досуговых занятий. Доля неопределившихся колеблется в пределах 10–18 % в зависимости от параметра

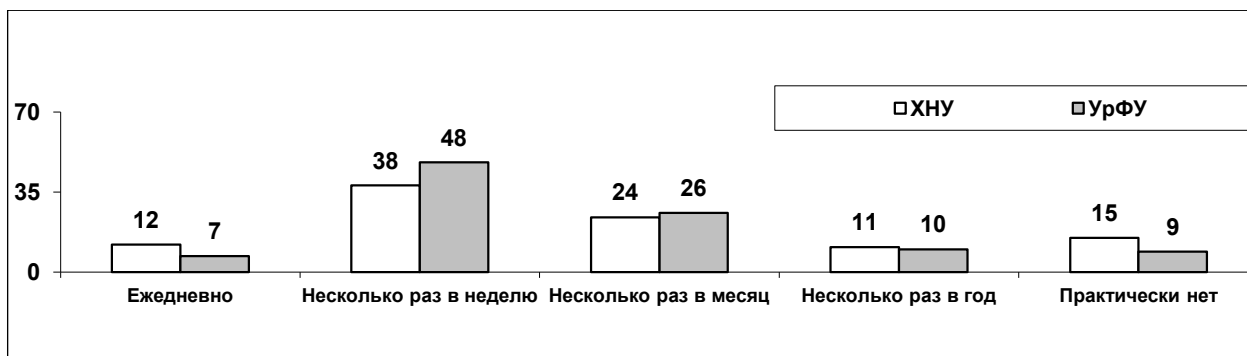

Рис. П.3 Занимаетесь ли вы спортивно-оздоровительными занятиями?

Ориентация значительной части студентов на *оздоровительный досуг* сегодня весьма актуальна ввиду активной пропаганды здорового образа жизни.

К занятиям, близким к спортивным, можно отнести и такие виды досуга, как прогулки по городу и выезды на природу. Можно утверждать, что и первое, и второе присуще студентам наших стран, и, видимо, с удовольствием, поскольку этим видам досуга более половины студентов занимаются несколько раз в неделю и несколько раз в месяц, что является достаточно высоким показателем при загруженности учебной и другими видами деятельности. Уральцы опережают харьковчан в прогулках по городу (это делают ежедневно 26 % студентов, несколько раз в неделю – 41 % УрФУ и 7 % и 12 % студентов ХНУ соответственно), а украинцы предпочитают выезды на природу, хотя этот показатель сглажен – «несколько раз в неделю» выезжают на природу 13 % харьковчан и 9 % екатеринбуржцев, «несколько раз в месяц» соответственно 48 % и 43 %. Иное место в структуре досуга занимает *посещение спортивных зрелищ*: почти 40 % студентов их практически не посещают, треть посещает несколько раз в год, а четверть – несколько раз в месяц. Данное утверждение приемлемо для студентов обоих исследуемых вузов.

Большое место в жизни студенческой молодежи занимает *пассивный отдых*, направленный на восстановление физических и психологических сил. Студенты обоих вузов отмечают необходимость полежать, посидеть, ничего не делая, ежедневно (почти половина респондентов) и несколько раз в неделю (чуть более трети). Группу «практически нет» этот индикатор практически не фиксирует: она не превышает 4 %.

Не менее важной ценностью в представлении студентов является *простое общение со сверстниками, любимыми*. Данный

индикатор является подтверждением сохранения и значимости традиционных ценностей дружбы, любви вне зависимости от изменений в обществе. Ежедневные встречи с друзьями, любимым человеком нужны каждому второму студенту, для чуть менее 40 % респондентов – они нужны хотя бы несколько раз в неделю. Число студентов, которые встречаются с друзьями, любимым человеком несколько раз в год, как и тех, кто практически не встречается, очень невелико – всего 2–3 %.

Другие рассматриваемые виды пассивного досуга так или иначе сопряжены с общением и встречами, но занимают у студенческой молодежи куда как меньше времени. Так, *посещение ночных баров происходит в основном несколько раз в месяц* (почти треть студентов ХНУ и 39 % УрФУ) или несколько раз в год (29 % – ХНУ и 23 % – УрФУ). Фиксируется отрицательное значение индикатора: эта форма досуга практически не востребована третью украинских и четвертью уральских студентов. Аналогичная картина характерна *в отношении посещения кафе и баров*, с той лишь разницей, что данная форма досуга не приемлема в меньшей степени (15 % ХНУ, 7 % – УрФУ), и появляется группа, которая посещает кафе и бары ежедневно (5 % ХНУ и 8 % УрФУ), что свидетельствует скорее о материальном недостатке этой части студентов и формировании культуры общественного питания и коммуникационных практик.

Отдельной разновидностью досуга являются логические игры, как традиционные, так и компьютерные. Традиционные игры (рассматривались: бильярд, карты, шашки и шахматы) оказались малопривлекательными в принципе. Ими практически не интересуются от 40 (ХНУ, карты) до 61 % (УрФУ, шахматы и шашки). В основном студенты заняты традиционными играми несколько раз в год от четверти до трети студентов обоих вузов), причем игры в бильярд и карты более присущи студентам УрФУ, игры в шашки и шахматы – студентам ХНУ, хотя эта разница невелика. С компьютерными играми наблюдается иная ситуация.

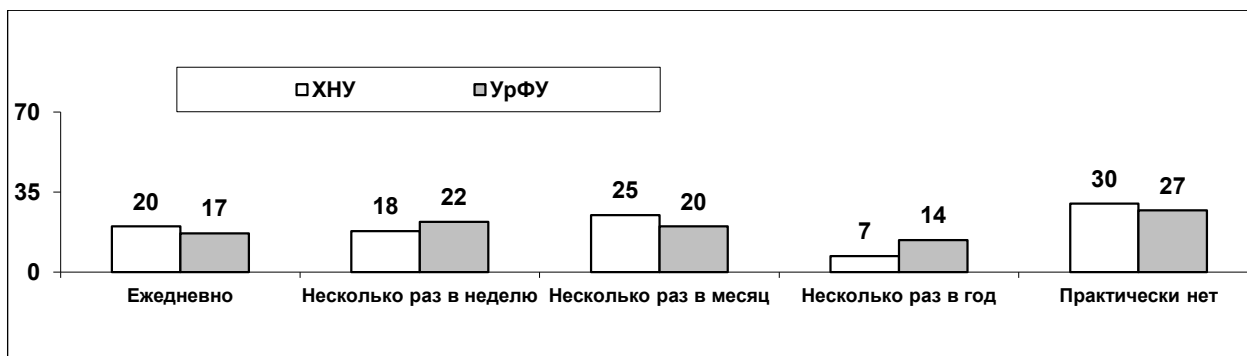

Рис. П.4 Занимаетесь ли вы компьютерными играми?

В отличие от занятий традиционными играми значительно увеличилось число студентов, которые играют ежедневно или несколько раз в неделю. До трети сократилось количество студентов, которых данный вид досуга практически не интересует. В то же время рост занятости компьютерными играми в совокупности со значительным увеличением времяпрепровождения в Интернете позволяют сделать вывод о растущей угрозе Интернет-зависимости среди студенческой молодежи.

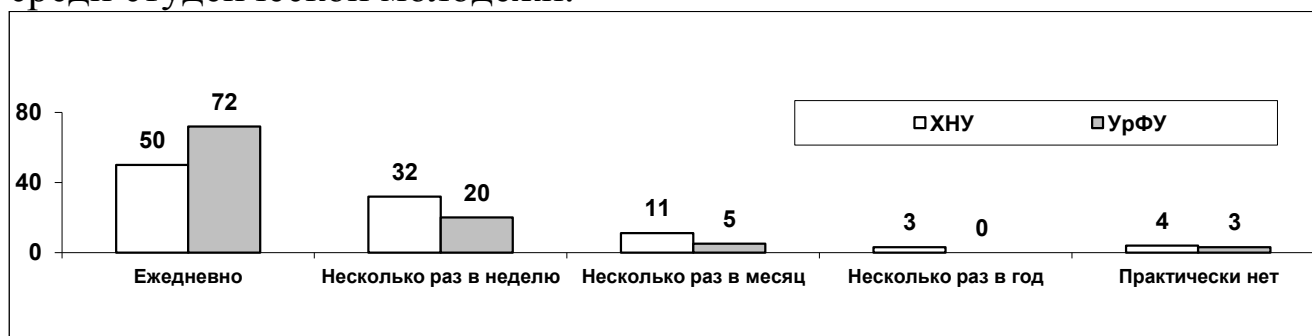

Рис.П.5 Занимаетесь ли вы посещением Internet-сайтов, общением в Internet?

Несмотря на формирующееся мнение о сокращении чтения среди молодежи, отрядным фактом остается наличие у студентов времени на *чтение газет, журналов и художественной литературы*. Примерно треть студентов и УрФУ, и ХНУ отметили, что читают газеты и журналы несколько раз в неделю. Примерно столько же делают это несколько раз в месяц. Существенное различие между студентами наблюдается при анализе чтения художественной литературы. На Урале ежедневно читают художественную литературу втрое чаще, чем на Украине (20 % – УрФУ и 7 % – ХНУ) и вдвое чаще – несколько раз в неделю (24 % и 11 % соответственно). Число практически не интересующихся чтением не особенно велико, особенно в УрФУ (8 % для газет и журналов и 11 % для

художественной литературы против 17 % и 23 % соответственно в ХНУ). Учитывая значение художественной литературы для формирования мировоззрения, этот факт является весьма отрядным и дает основания для оптимистичных прогнозов в этой области.

40 % уделяют время просмотру телепередач ежедневно, еще треть смотрят их по несколько раз в неделю. Учитывая значение телевидения в современном обществе, которое стало одним из инструментов социализации, инструментом социального управления и формирования социальных норм и стереотипов, определяющим образцы поведения и значительный процент в структуре досуга молодежи, можно сделать вывод о том, что телевидение имеет все возможности через содержание транслируемых передач формировать ценности у современного студенчества.

Достаточно популярна музыка. Очевидно, что речь идет о музыке, прослушиваемой с компактных носителей. «Живую» музыку, исполняемую на концертных площадках, студенты в большинстве своем слушают несколько раз в год (причем в ХНУ таковых 46 %, в УрФУ на 10 % меньше) либо практически не слушают (соответственно 30 % и 42 %). Лишь пятая часть бывает на концертах несколько раз в месяц. Это обстоятельство может быть вызвано двумя причинами: с одной стороны, несформированной потребностью в прослушивании определенных музыкальных жанров и направлений и даже, может быть, – низкой степенью информированности, а с другой стороны – высокой стоимостью входных билетов.

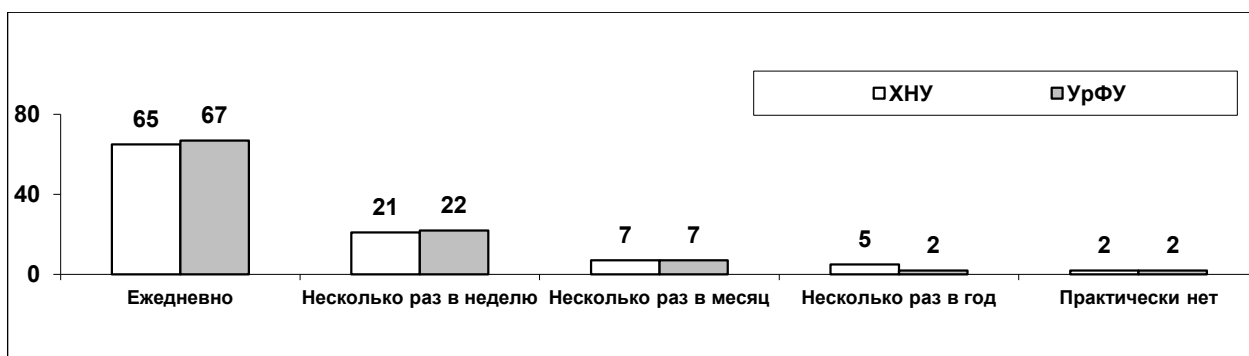

Рис. П.6 Занимаетесь ли вы прослушиванием музыкальных записей?

Аналогичная ситуация складывается с посещением театров, выставок и музеев: так же, как и концерты, студенты обоих вузов

посещают их в основном несколько раз в год. Однако этот жанр искусства востребован студентами больше, чем посещение концертов: наблюдается заметный (до 35 %) рост группы, посещающей данные мероприятия несколько раз в месяц. Л.Н. Коган, приступая в 1972 г. к работе над разделом о духовной культуре в «Комплексном плане развития Свердловской области до 1990–2000 годов», сформулировал ряд соображений о направлениях развития учреждений культуры на ближайшие 20–30 лет.¹⁵ Для Когана как «человека театрального» важное место в прогнозе занимал театр. Основной его вывод: при всех обстоятельствах театр, безусловно, останется одним из главных учреждений культуры на весь перспективный период. Прогноз Когана в отношении перспектив театра подтвердился лишь отчасти. В рамках инерционных, эволюционных изменений в обществе и культуре (на что был рассчитан и на что единственно мог быть сориентирован) этот прогноз оказался предвестником того «театрального бума», который возник в конце 1980-х гг. Подобно тому как «оттепель» ассоциируется с популярностью поэзии, начало перестройки может соотноситься с бумом интереса к театру в условиях падения цензуры. Однако переход к рынку и коммерциализация культуры оказали на развитие театра сложное и противоречивое действие.

Еще более востребован в студенческой среде кинематограф: пиковые значения фиксируются в значении «несколько раз в месяц» и достигают для студентов УрФУ 56 % и 40 % для студентов ХНУ, существенно увеличивается группа, посещающая «несколько раз в неделю» – 24 % и 12 % соответственно. Посещение молодежью кино определяется не только выбором соответствующего репертуара, но и потребностью в общении со сверстниками, что чрезвычайно важно в юношеском возрасте. Кино для молодежи – это не столько возможность контакта с искусством, сколько возможность коллективного сопереживания, эмоционального, дружеского общения. Обмен мнениями, оценками способствует формированию групповых норм, оценок и в то же время порождает не критичность в выборе, которая чаще обусловлена внешними факторами (советы друзей, рецензии, реклама и т. д.), чем внутренними устойчивыми

¹⁵ Коган Л.Н., Вишневский Ю.Р. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972. С.18.

потребностями и интересами. Очевидно, что на Урале кино популярнее, что может быть объяснено наличием в Екатеринбурге более развитой сети кинотеатров, а предпочтение кинотеатров театральному искусству объясняется субъективным фактором – сформированной в разной степени потребностью и особенностями видов: кино – это массовое искусство, а театр – искусство более высокого уровня.

Потребность в самореализации побуждает человека к различным видам культурной активности в коллективных и индивидуальных формах. Общеизвестно, что эта характеристика присуща студенческому сообществу, поэтому художественное и техническое творчество, художественная самодеятельность всегда были неотъемлемой частью студенческой жизни. Однако реалии современной жизни, в том числе и прагматизация мышления, наложили свой отпечаток на данную сферу. Оставляет желать лучшего ситуация с техническим творчеством, которое большинством студентов не реализуется: им практически не занимаются 72 % студентов ХНУ и 65 % – УрФУ. Получается, что нет практического воплощения теоретических знаний в технической сфере. Более привлекательными выглядят художественное творчество и художественная самодеятельность: при достаточно высоких показателях не принимающих участия в обоих вузах имеется существенно больший процент студентов, занимающихся этими видами творчества часто и регулярно. Стоит отметить, что художественной самодеятельностью в УрФУ занимаются несколько больше.

Молодежи обоих вузов характерна географическая мобильность. Это выражается в достаточно большой частоте (учитывая стоимость путешествий) поездок за границу и по стране с целью отдыха. Говорить о какой-либо регулярности поездок за границу не приходится. Тем не менее несколько раз в год иностранные государства посещает 41 % студентов УрФУ и 23 % студентов ХНУ. Однако, в силу, видимо, экономических причин, большинство студентов за границу практически не выезжают. Что касается поездок по стране, то здесь статистика меняется: во-первых, существенна группа, совершающая поездки по стране по несколько раз в месяц, во-вторых, увеличивается группа студентов, путешествующая по несколько раз в год: до 54 % в УрФУ и существенно – до 59 % – в

ХНУ. Соответственно сокращается группа практически не путешествующих.

Таким образом, продемонстрированные досуговые практики студентов изучаемых вузов во многом идентичны, что объясняется сохранением традиционных ценностей, а различия продиктованы местными особенностями окружающей их социокультурной реальности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Культура: сущность, концепции, дисциплины.....	2
Глава 2. Социология культуры: специфика, предмет, функции. Общество и культура.....	2
Глава 3. Актуальная культура.....	4
Глава 4. Основные тенденции и противоречия современной культуры	6
Глава 5. Социокультурная среда. Культура и личность.....	8
6. Раскройте понятие «показное, престижное, демонстративное потребление» на примере работ институционалистов.	10
7. Раскройте интерпретацию понятий «самоопределение» и самореализация» в зависимости от типа культуры.	10
Глава 6. Интеллектуалы и интеллигенты. Интеллигенция как социокультурный феномен	10
Вопросы к главе 8	19
1. Раскройте понятие «художественная культура».....	19
2. Структура художественной деятельности по М. С. Кагану.	19
3. Проанализируйте специфику культурных потребностей.	19
4. Каковы основные направления изучения художественных потребностей человека?	19
5. Какие способы формирования художественных потребностей.....	19
молодежи вы считаете наиболее эффективными?Глава 9. Студенческий досуг	19
Глава 10. Культура потребления	2
Вопросы к главе 10	2
1. Проанализируйте соотношение понятий «потребительская культура» и «культура потребления».	2
2. Дайте характеристику обществу массового потребления.	2
3. Каковы особенности «гедонистического» и «аскетического» типов культуры?	2
4. Перечислите характерные черты современного потребления по Е. М. Порецкиной.	2
5. Проанализируйте сущность современных моделей потребительского поведения. СПИСОК ЗАТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК	2
Приложение.....	2
Культурный досуг уральских и украинских студентов	2
Введение.....3	2
Введение.....	3
Глава 1. Культура: сущность, концепции, дисциплины.....	5

Вопросы к главе 1	19
Глава 2. Социология культуры: специфика, предмет, функции.	
Общество и культура	20
Вопросы к главе 2	47
Глава 3. Актуальная культура	48
Вопросы к главе 3	64
Глава 4. Основные тенденции и противоречия современной культуры	65
Вопросы к главе 4	81
Глава 5. Социокультурная среда. Культура и личность	82
Вопросы к главе 5	100
Глава 6. Интеллектуалы и интеллигенты. Интеллигенция как социокультурный феномен	101
Вопросы к главе 6	126
Глава 7. Культура гражданственности и гражданская культура	
Основные характеристики гражданского общества	127
Вопросы к главе 7	160
Глава 8. Художественная культура молодежи	161
Вопросы к главе 8	199
Глава 9. Студенческий досуг	200
Вопросы к главе 9	212
Глава 10. Культура потребления	213
Вопросы к главе 10	226
Список затекстовых ссылок	227
Список рекомендуемой литературы	239
Приложение. Культурный досуг уральских и украинских студентов	240

Учебное издание

Нархова Елена Николаевна
Чегодаева Татьяна Александровна
Дорофеева Екатерина Викторовна
Южакова Наталья Олеговна

Социология культуры и студенческого досуга

Редактор *Н. П. Кубыщенко*

Компьютерный набор *Д. Ю. Нархова*

Подписано в печать 10.03.2013. Формат 60×90 1/16.
Бумага писчая. Плоская печать. Усл. печ. л. 17,5.
Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 300 экз. Заказ 88.

Издательство Уральского университета ИПЦ УрФУ
Редакционно-издательский отдел
620002, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 5
E-mail: rio@ustu.ru

Отпечатано в ризографии НИЧ УрФУ
620002, Екатеринбург, Мира, 19
Тел.: + (343) 375-45-13, 375-47-27

